

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

Социально-гуманитарные науки

- История
- Социальная философия
- Философия культуры и культурология
- Философия религии и религиоведение
- Социальные и политические процессы
- Педагогика и образование

Выпуск № 2, 2013 г.

УДК 009
ББК 87

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор – Радугин А.А., засл. деятель науки РФ, д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Зам. главного редактора – Перевозчикова Л.С., д-р философ. наук, доц. (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Бубнов Ю.А., д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Ильин М.В., д-р полит. наук, проф. (г. Москва)
Коростылева Н.Н., д-р соц. наук, проф. (г. Москва)
Ледяев В.Г., д-р философ. наук, проф. (г. Москва)
Моисеев В.И., д-р философ. наук, проф. (г. Москва)
Скрипникова Н.Н., д-р филол. наук, проф. (г. Воронеж)
Черников М.В., д-р философ. наук, проф. (г. Воронеж)
Чупров В.И., д-р соц. наук, проф. (г. Москва)
Ярецкий Ю.Л., д-р истор. наук, проф. (г. Воронеж)

Отв. секретарь – Маслихова Л.И., канд. истор. наук, доц. (г. Воронеж)

В серии «Социально-гуманитарные науки» Научного Вестника опубликованы результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, социальной философии, философии культуры и культурологии, философии религии и религиоведению, социологии, политологии, педагогики, образования и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна тем, кто занимается изучением социально-гуманитарных наук.

Статьи печатаются в авторской редакции

Адрес редакции:
394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.
Каб. 5302, тел. (4732) 71-50-04

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Волкова Е.А. Причины октябрьской революции 1917 года в исторической концепции Г. П. Федотова.....	6
Горшенева И.Б. Немецкие католики времен Веймарской республики (1919-1933 г.) конструирование идентичности.....	11
Лихорадова И.Н, Мурыгин Н.Д. Формирование групп строительных рабочих и рабочих гужевого транспорта в Воронежской губернии в пореформенный период.....	18
Поташкина Н.А. Ахеологические экскурсии Воронежской ученой архивной комиссии.....	27
Хуторная Т.С. Электронная база «Труды ученых Воронежского ГАСУ» – опыт работы и перспективы развития.....	39

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Жданкин В.А. Свобода, сила, насилие и ненасилие в контексте дискурсов морали и права.....	43
Письменная В.В. Проблема связи символа и бытия в экзистенциальной философии К. Ясперса.....	49
Радугин А.А., Левченко А.В. Личность как динамическая структура психики.....	54
Радугина О.А. Взаимоотношение национальной и этнической культуры в национально-государственных социумах.....	61
Черноусова И.Д. Аксиологические аспекты свободы в русской культурной традиции.....	65

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Кирчанов М.В. Чувашский модерн начала 1920-х годов: национальная революция и футуризм.....	74
Коршунова С.А. Проблемы модернизации социокультурной среды России.....	83
Пархоменко И.Т. Идентификация героя современной массовой культуре.....	90

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Бочарова И.М., Платонова Э.Н. Религиозные взгляды В.В. Розанова	96
--	-----------

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Аксенова О.Н. Региональная интернет-журналистика: современное состояние и перспективы развития.....	101
Гармонова А.В. Город – гражданская среда и новый общественный договор.....	107
Булавина С.В., Буздин Е.В. Роль коммуникационных потоков в продвижении транспортно – логистических услуг.....	112
Кораблев С.Е. Социально-психологические контексты анализа поведения и мировоззрения подростка как носителя молодежной субкультуры.....	118
Лаптева Ю.И. Партийные системы в развитых демократиях:	124

тенденции эволюции	
Меликян С.В. Современные тенденции интерактивного взаимодействия с аудиторией в сети интернет.....	130
Романович Н.А. Образ власти и стереотипы.....	137
Скрипникова Н.Н., Скрипникова Н.С. Коммуникативно-информационные технологии как единицы исследования информационного пространства сферы государственного управления.....	149
Швец Е.В. Понятие интервью в современном медиaprостранстве.....	155

ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Головинский П.А, Перевозчикова Л.С. Информация в социальных системах и инструментальная роль образования и науки	161
Шишкина Н.М. Самостоятельная работа студентов и ее роль в учебном процессе (на примере работы студентов факультета ПММ, изучающих английский язык).....	168

CONTENTS

HISTORY

Volkova E.A. Reasons for the october revolution of 1917 in historical conception of G.P. Fedotov.....	6
Gorsheneva I.B. German catholics of the Weimar republic time (1919-1933) identity construction.....	11
Lihoradova I.N., Murygin N.D. Building workers and carting transportation workers groups forming in Voronezh region in post-reform period.....	18
Potashkina N.A. Archaeological tours Voronezh Scientific Archive Commission.....	27
Khutornay T.S The electronic database “The Works of scientists of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering” – the experience and future development.....	39

SOCIAL PHILOSOPHY

Zhdankin V.A. Freedom, force, violence and non-violence in the context of discourse of morality and rights.....	43
Pismennaia V.V. The problem of connecton between symbol and being in K. Jaspers’ exestential philosophie	49
Radugin A.A., Levchenko A.V. Personality as a dynamic structure of mind.....	54
Radugina O.A. The relationship of national and ethnic culture in the nation-state societies.....	61
Chernousova I.D. Axiological aspects of freedom in the russian cultural tradition.....	65

PHILOSOPHY OF CULTURE AND CULTURAL STUDIES

Kirchanov M.V. Chuvash modern in the early 1920s: national revolution and futurism	74
Korshunova S.A. Problems of modernization of the sociocultural environment of Russia.....	83

Parhomenko I.T. The identification of hero in contemporary mass-culture	90
PHILOSOPHY AND SCIENCE OF RELIGION	
Bocharova I.M., Platonova E.N. Religious views of V.V. Rozanov.....	96

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Aksenova O.N. Regional internet journalism: current status and prospects.....	101
Garmonova A.N. City – civil environment and new social contract.....	107
Bulavina S.V., Buzdin E.V. The role of communication flows in the promotion of transport and logistics services.....	112
Korablyov S.E. Psychological terms of behavior and outlook of a teenager as the bearer of the youth subculture.....	118
Lapteva Y.I. Party systems in established democracies: trends of evolution.....	124
Melikyan S.V. Modern trends of interactive communication with a web audience.....	130
Romanovich N.A. The image of power and stereotypes.....	137
Skripnikova N.N., Skripnikova N.S. Communicative and information technologies as units of research information postranstva of the sphere of public administration.....	149
Shvets E.V. The concept of interview in the modern media.....	155

PEDAGOGY AND EDUCATION

Golovinski P.A., L.S. Perevozchikova L.S. The information in social systems and the tool role of science and education.....	161
Shishkina N.M. Students' independent study and its role in educational process (while teaching AMM faculty students the english language).....	168

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 970

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Е. А. Волкова.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;
e-mail: volkne@bk.ru.*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.
PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair. E. A. Volkova.
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;
e-mail: volkne@bk.ru.*

Е. А. Волкова

ПРИЧИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Г. П. ФЕДОТОВА

В статье рассматриваются причины революции 1917 года в России и анализируются ее основные факторы и этапы.

Ключевые слова: революция, сталинокрафия, псевдоморфоза, самодержавие, империя, демократия.

E. A. Volkova

REASONS FOR THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917 IN HISTORICAL CONCEPTION OF G.P. FEDOTOV

This article discusses the causes of the revolution of 1917 in Russia, and analyzes the major factors and its stages.

Keywords: revolution, stalinokratiya, pseudomorphosis, autocracy, empire, democracy.

Ни в чем так не выразилась грандиозность русской революции, как в произведенных ею социальных сдвигах, - начинает свое исследование историк русской эмиграции Георгий Петрович Федотов. – Это самое прочное, не поддающееся переделке и пересмотру завоевание революции. «Глубина переворота зависит от того, что совершен он не только политической волей большевистской партии. Помимо указанных выше могущественных факторов, здесь действовали такие силы, как голод и разорение гражданской войны и даже годы войны «империалистической». Все било в одну точку: раздавить хрупкую в России прослойку людей умственного труда и поднять значение крепких мускулов. Борьба за существование сама совершала классовый отбор. Целых классов – помещиков, интеллигенции, старой буржуазии – уже не существует. Их место заняли новые образования. Вглядимся же в новый чертеж социального строения России» [1. С. 24].

Следует обратить внимание на два ряда исторических факторов в восприятии и оценке Г. Федотовым происшедшего с Россией с 1917 по 1930 гг. Один ряд – это результаты большевистского насилия: «власть» и «социализм». Но историк не сомневается в том, что сменится власть большевиков, «падет, как карточный домик, фасад потемкинского социализма». [2.С. 78] Примечательно, что он квалифицирует социализм, введенный большевистской властью «потемкинским», сравнивая его с бутафорскими «деревьями» всеильного Светлейшего Князя Г.А. Потемкина, изображавшими для императрицы Екатерины II крестьянское благополучие. Г. Федотов нарочито акцентирует лишь видимость социализма в СССР. Социалистическим в СССР, по его мнению, является лишь фасад,

сооруженный «по-потемкински», скрывающий совсем иную советскую реальность в России. Однако при всем своем неприятии революционных преобразований, проведенных большевизмом, он констатирует необратимость социальных изменений, произведенных в России революцией. Допуская и желая свержения или падения большевистской власти, разрушение видимости социализма в стране, он пришел к выводу, что останется новое тело России.

Г. Федотов предлагает свою трактовку русской революции, и на этом аспекте следует остановить наше внимание. Это – ключевая проблема, решение которой позволяет Г. Федотову обосновать явление «новой России», как исторически обусловленное следствие предшествующего развития российской государственности.

Глубинные предпосылки революционного разрушения Российской империи историк усматривает уже в обстоятельствах ее возникновения, на рубеже XVII-XVIII вв., когда исчерпавшее свой цивилизационно-культурный потенциал Московское государство волей Петра Великого начало втягиваться в оболочку Империи. «...В оболочке петербургской Империи, поясняет Г. Федотов, - Московское царство было, выражаясь термином Шпенглера, «псевдоморфозой» [2. С. 99]. Вводя понятия «оболочки» и «псевдоморфозы», историк, вольно или невольно, обращает нас к цитированному выше и введенной им исторической метафоре, использованной им применительно к советскому социализму - «фасад потемкинского социализма». Нам думается, что это понятие сравнимо, с точки зрения «цивилизационной морфологии» (если, подобно Г. Федотову, пользоваться терминологией О. Шпенглера) с его квалификацией «Московского царства... в оболочке петербургской Империи» как исторической «псевдоморфозы». Чем же было обусловлено появление такой псевдоморфозы? Было ли исторически необходимо и неизбежно втягивать Московское царство в западную оболочку петербургской Империи? Быть может, именно тогда и была допущена фундаментальная и катастрофическая по своим последствиям историческая ошибка, как считали славянофилы? Нет, Г. Федотов так не считает. «Без опасной прививки чужой культуры, - убежден он, - и при этом в героических дозах, старая московская государственность стояла перед неизбежной гибелью» [2. С. 123]. Сущность этой «прививки чужой культуры» он усматривает в «просвещении» Московского царства «западной культурой». «В просвещении, - считает он, - был весь смысл Империи как новой формы власти» [2. С. 55]. Иными словами, по мнению Г. Федотова, новая форма власти, заимствованная из Западной Европы, – Империя – была не просто «псевдоморфозой», но средством насаждения в Московском государстве западной культуры. «Рождение Империи в муках петровской революции предопределило, - делает вывод историк, - ее идею властного и насильственного насаждения западной культуры на Руси» [2. С. 92]. Однако эта «псевдоморфоза» рано или поздно должна была раскрыться. Насколько быстро произойдет раскрытие этого историко-культурного обмана, зависело от темпов внедрения и осмысления этого самого «просвещения» московского царства западной культурой. Получалось, что сама новая форма власти, Империя, оказывалась самоубийственным орудием: просвещая страну, она уничтожала, точнее, готовила собственное уничтожение. «Раскрытие ее, - выявляет историк глубинные и губительные корни драмы «псевдоморфозы» Российской Империи, созданной Петром Великим, - приводило само по себе к крушению построенного на ней здания государственности. Другими словами, русская государственность могла – следовательно, должна была – погибнуть от просвещения» [2. С. 60]. Историк расшифровывает свой вывод: «...При покорном безмолвии Руси, что заполняет трагическим содержанием петербургский период? – Задается он вопросом и отвечает на него - борьба Империи с порожденной ею культурой, еще резче: борьба Империи с Революцией» [3. С.49]. Так объясняет основополагающую, фундаментальную объективную предпосылку русской революции Г. Федотов, констатируя, что «революция затянулась в России от Радищева до Ленина» [3. С. 156]. Однако, он не торопится утверждать, что революционное крушение Империи было фатально. Он ставит вопрос - была ли революция неотвратимой?

Отвечая на поставленный самому же себе вопрос, Г. Федотов выявляет другие предпосылки и основные дальние и непосредственные причины русской революции. «Первый признак государственного упадка в России, - утверждает историк, - мы усматривали в политической атонии дворянства» [2. С. 95]. В подтверждении своего мнения о вредоносной, революционно-разрушительной роли русского дворянства, Федотов делится своими наблюдениями: «Поразительно, до какой степени даже революционные партии блещут дворянскими именами – до самого конца: Герцен, Бакунин, кн. Кропоткин, Лавров, Плеханов, Ленин. Мы видим: это не перебежчики, а вожди. Дворянский слой непропорционально велик и среди квалифицированной интеллигенции, в науке, литературе, искусстве» [2. С. 210]. В данном суждении Г. Федотова есть явная натяжка. Его подход чисто номенклатурно-статистический. Перечисляя «революционных вождей» из дворян, историк ставит в один ряд Рюриковича князя Кропоткина, «столбовых дворян» Бакунина, Лаврова, неродовитого дворянина Плеханова и фактически разночинца Ленина. Известно, что отец вождя большевистской революции был из крестьян и свое дворянство «выслужил». Весь образ жизни семьи Ульяновых, несомненно, был образом жизни интеллигенции, но не дворянства. Все перечисленные «вожди» по своей ментальной ориентации различны, хотя номенклатурно, сословно принадлежат к дворянству.

Впрочем, по мнению историка, у России еще была возможность свернуть с пути, который вел Империю к неминуемой гибели. Для этого «...Россия должна была перестраиваться: из дворянской в крестьянско-купеческую» [2. С. 47]. Однако этого не произошло ни в первой половине XIX в., ни в царствование «царя-освободителя» Александра II. «Дворянская Россия, - убежден Федотов, - с 1861 года безостановочно разлагается» [2. С.78]. Именно с этого времени, по мнению Федотова, и начинается собственно русская революция. «В анархизме 60-х годов еще нет политической концентрации воли, - отмечает он, однако, продолжает историк, - поскольку он отрицает царизм, он становится родоначальником русской революции. И в историю ее он вписывает самую мрачную страницу» [1. С. 87]. Федотов считает, что «Бесы» Достоевского родились именно из опыта 60-х годов; по отношению к 70-м они являются несправедливой ложью». И он обосновывает свое мнение тем, что «60-е годы: это интернационал Бакунина, гимны топору, прокламации, требующие 3000000 голов, идеализация разинщины и пугачевщины, ужасное, дегенеративное лицо Каракозова, зловещий Нечаев, у которого Ленин – бессознательно, быть может, - учится организационному и тактическому имморализму. Это второе по времени освобождение «бесов», скованных веригами православия» [1. С. 66]. Федотов обращает внимание на один из важнейших, с его точки зрения, факторов, провоцировавших революционные взрывы в России. «Всякий раз, - делится он своими историческими наблюдениями, - взрыв связан с отрывом от православной почвы новых слоев: дворянства с Петром, разночинцев с Чернышевским, крестьянства с Лениным» [1. С. 65]. Так, русский историк, фактически, предлагает определенную систему «революционных взрывов» в России, считая, что Ленин, возглавивший революционный взрыв крестьянства, это, по сути дела, третье явление «бесов» в России. Хотя он, почему-то, вопреки логике собственных суждений, называет его «вторым». Историк отмечает, что Достоевский разоблачил природу «русских бесов», русской революции и изгнал их, лишил силы идейного воздействия. Однако, как полагал Федотов, «революция, убитая Достоевским в идее, оправдывается уже политической необходимостью». А в последней четверти XIX в. «...под пышной порфирой Александра III гниение России сделало такие успехи, - считал Г. Федотов, - что надежды на мирный исход кризиса к последнему царствованию были невелики » [2. С. 90]. Однако еще и тогда он считал, что перед Империей оставался шанс избежать революционного разрушения. «...Для России были даны еще два последних шанса, - утверждал Г. Федотов. - Первый шанс – революция 1905 года. Второй – контрреволюция Столыпина» [1. С. 89]. Историк, тем не менее, старается не быть слишком оптимистичным в своем ретроспективном анализе. «Невозможно доказать, невозможно даже утверждать с

полной убежденностью, - пишет он, - что победа революции в 1905 году не привела бы к тому же развалу России, что революция 1917 года. ...Гражданская война была неизбежна. Но она имела шансы окончиться победою опирающихся на удовлетворенное крестьянство умеренных слоев демократии» [1. С. 34]. Свой вывод он объясняет тем, что «...инициатива была в руках правительства. Оно имело шанс. И какой шанс!» [1. С. 77] На данном этапе скатывания России к революционной катастрофе «хуже всего», по мнению Г. Федотова, «было проституирование народного представительства. ...Народ приучался к мысли о бессилии и никчемности Думы, интеллигенция – к аполитизму» [1. С. 56]. Итак, главной бедой на данном этапе историк считал полную дискредитацию зачатков российской демократии. Оставался последний шанс – предотвращение революционного развала Империи путем проведения необходимых реформ «сверху», самим самодержавием при помощи П. Столыпина. Однако, констатировал факт Г. Федотов, «...Столыпин не принял протянутой руки Струве и Гучкова». Историк торопится отвести упрек в этом самому выдающемуся главе российского правительства. «Не потому, - заверяет он, - чтобы недооценивал значения гражданского мира. Но за ним стоял дворец, который парализовал его волю, дворец, который превратился в штаб гражданской войны. ...В довершение бедствия дворцовый мистицизм принял уродливые и опасные формы. Вся Россия – с ужасом или захлебываясь от удовольствия – переживала годы распутииады. Для религиозного сознания один этот грех обрекал на смерть династию. Для всей грамотной России это была ванна мерзости, в которую она погружалась каждый день. ...Имморализмом была поражена более или менее вся Россия. ...Но ясно замечаешь и определенные черные лучи, исходящие из одного фокуса: отравляющие правительство, Думу, печать, общественность. Этот фокус – в царском дворце. Можно, конечно, думать, что рок войны, непосильной для России, все равно обрекал на гибель работу ее творческих сил. Но и без войны было ясно, что вся эта работа парализуется и отравляется в самом сердце страны» [2. С. 55].

Итак, игнорируя имевшиеся перед ним шансы избежать исторической катастрофы, самодержавие оказалось к 1917 г. одной из главных причин самой революции. При этом следует отметить, что, изложив обстоятельства скатывания страны к революции так, что может показаться, будто процесс этот был неизбежным, Г. Федотов все-таки замечает, что это не так. Самодержавие в конкретно-историческом процессе вовсе не отвлеченное понятие, а всегда конкретно-личностное явление, всегда «коронованный субъект». И именно таковым оно оказывается вовлеченным в исторический процесс в России, а, точнее, вносило в этот процесс весьма влиятельные, часто судьбоносные для Империи коррективы. В первую очередь и главным образом, в контексте рассуждений о предпосылках и причинах русской революции, таким «коронованным субъектом» истории России, роковым для нее, по мнению Г. Федотова, оказался сам император Николай II.

«Нельзя приуменьшать значение личной ответственности в истории, акцентирует внимание собеседника и читателя Г. Федотов и вполне резонно замечает. В самодержавной монархии не может не быть особенно тяжелой ответственность царя. Но бывают годы в жизни народов, годы кризисов, распутий, когда чаша личной ответственности начинает перетягивать работу бессознательных исторических сил. В русской революции только два человека сыграли роковую, решающую роль, не сводимую к типическим факторам, к воздействию групп. Эти два человека – Николай II и Ленин. Первый спустил революцию, второй направил ее по своему пути» [2. С. 90]. Персонально в сферу пристального внимания Федотова вождь пролетарской революции попадает с 1929 г. Несомненно, уже к этому времени у Федотова сложился принципиальный взгляд на Ленина и основополагающие его оценки. Однако публично о «духовной природе» и нравственных свойствах Ленина историк начинает высказываться несколько позднее.

Федотов мало уделял внимания свойствам личности Ленина, однако иногда такого рода оценки вождя большевистской революции все-таки проскальзывают.

Проведя анализ историософской концепции Г. Федотова мы приходим к выводу, что «Октябрьская революция 1917 года закончила противостояние и существование русской интеллигенции: западничество становится народным, отрыв от национальной почвы - национальным фактом. Интеллигенция, уничтоженная революцией, не может возродиться, потеряв всякий смысл. Теперь это только категория работников умственного труда, верхушка образованного класса» [4. С. 25].

Итак, Г. Федотов возлагает равную ответственность за революцию в России и крушение Империи и на Николая II, и на Ленина. Николай II был концентрированным и персонально выраженным итогом существования Империи, сотворенной Петром Великим. В своей личности, следуя предшествующим рассуждениям Г. Федотова, можно сказать, он неразрывно, органично сплел почти фатальные тенденции исторической участи «петербургской империи» и личные качества. Именно их влияние которых на существование Империи в последние ее десятилетия, превратили тенденции «почти фатальные» в «фатальные безусловно». Таким образом, следует отметить, что, выделяя лично-субъективную роль Николая II и Ленина в Революции 1917 г., Федотов определяет свое отношение к такому фактору исторического процесса как «роль личности». И он отводит «личности» весьма важную, а в данном случае, пожалуй, решающую роль.

Внимательно изучая социально-политические и культурные процессы в СССР в 20-30-е годы, Г.П. Федотов пришел не только к выводу о необратимости исторической эволюции пореволюционной России. Он признал неоднозначность развития СССР. Учитывая и объективно оценивая противоречивость социально-экономической модернизации Советского Союза в процессе индустриализации, противоречивость культурных явлений, историк считал, что преодоление большевизма и «сталинокрапии», создание «новой России» возможно лишь с учетом всего происшедшего в России после 1917г.

Разрабатывая социально-политическую концепцию «новой России», оформившуюся в его трудах к середине 30-х годов, он был уверен в возможности соединения «организованной справедливой экономики и общества» с «демократией» и «свободой». Свою концепцию «новой России» он формировал исходя из намерения «синтезировать» оптимальный вариант социально-политического устройства не только для России, но и для Западной Европы, на основе положительного теоретического и практического опыта либерализма и социализма. Однако в этой концепции он заявил себя несомненным государственным. Г. Федотов ставил во главу угла, прежде всего, национально-государственные интересы России. Он допускал ограничение «гражданской свободы» во имя справедливого общественного устройства, выступая, таким образом, за сильное государство в «новой России», отстаивающее общенациональные интересы. Препятствием его превращения в диктатуру должна быть гарантированная духовная свобода человека, опирающаяся на возрожденную религию и социально-активную Церковь. Такую систему он называл «социальным христианством» или «христианским социализмом».

Оценивая перспективы преодоления «сталинокрапии» и питая надежды на превращение ее в «новую Россию», историк исходил из убеждения в наличии в СССР в 30-е годы экономических предпосылок, сформировавшихся «новых» социально-политических сил и сохранившихся еще с дореволюционной России, воодушевленных идеей «советского патриотизма». Именно в Сталине, его аппарате власти, в большевизме как идее, но не в конкретных большевиках Г.П. Федотов видел главные препятствия на пути эволюции «советского патриотизма» в «патриотизм русский», на пути возрождения подлинного «национального чувства». Уже тогда он пришел к выводу, что наиболее вероятной силой, способной так или иначе преодолеть «сталинокрапию» на пути к «новой России», является опирающаяся на русское крестьянство Красная Армия и ее командиры, «красные маршалы». Уже тогда Г.П. Федотов пришел к выводу о неизбежности установления «национальной диктатуры» с демократическими намерениями на период перехода от «сталинокрапии» к

«новой России». В качестве наиболее вероятной формы она предполагалась как диктатура «красных маршалов», намеренная провести демократические преобразования в СССР, обусловленные интересами «национальной обороны».

Библиографический список

1. **Федотов, Г.** Проблемы будущей России / Г. Федотов // Современные записки. – Париж: 1931. - № 46. – С. 395.
2. **Федотов, Г.** Революция идёт / Г. Федотов // Современные записки. – Париж 1929. – № 39. – С. 359.
3. **Федотов, Г.** Рождение свободы / Г. Федотов // Новый мир. – 1989. – № 4. – С. 239.
4. **Волкова, Е. А.** Исторические взгляды Г. П. Федотова / Волкова Е. А. // «Научный Вестник Воронежского ГАСУ. Серия: Социально – гуманитарные науки» - 2013 - № 1. – С. 23–25.

УДК 94

*Воронежский государственный университет.
Кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры международных
отношений и мировой политики И. Б. Горшенева.
Россия, г. Воронеж, тел. (473)2247402
e-mail: gorshenevairina@googlemail.com*

*Voronezh State University.
Ph D in History, Assistant Professor of the Chair of
International Relations and World Politics
I. B. Gorsheneva.
Russia, Voronezh, tel. (4732)2247402
e-mail: gorshenevairina@googlemail.com*

И. Б. Горшенева

НЕМЕЦКИЕ КАТОЛИКИ ВРЕМЕН ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1919-1933 г.) КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается конструирование культурной идентичности немецких католиков периода Веймарской республики. Исследование основывается на материалах периодических изданий католических студенческих и академических объединений. Автор приходит к выводу, что основной задачей католических интеллектуалов было примирение своей конфессиональной идентичности с немецкой национальной идеей.

Ключевые слова: католицизм, идентичность, студенческие организации, национализм, регионализм.

I. B. Gorsheneva

GERMAN CATHOLICS OF THE WEIMAR REPUBLIC TIME (1919-1933) IDENTITY CONSTRUCTION

The article examines the process of construction of cultural identity of German Catholics of the Weimar period. The research is based on the materials of the periodicals of the Catholic student and academic unions. The author of the article comes to the conclusion that the main task of the Catholic intellectuals was reconciling their confessional identity with the German national idea.

Keywords: Catholicism, identity, student organisations, nationalism, regionalism.

Введение. История формирования политической культуры Германии в XX веке очень сложна. Так как немецкая государственность сложилась достаточно поздно, и с самого начала несла в себе наследие времен раздробленности, процесс осознания себя немцами единой нацией проходил очень болезненно. Далеко не все аспекты формирования немецкой политической культуры и национальной идентичности до сих пор попадали в поле зрения российских историков. В этом процессе во второй половине XIX – начале XX века немаловажную роль играл конфессиональный фактор. Германия объединялась вокруг протестантской Пруссии, и протестантизм оказал большое влияние на формирование немецкого национализма в его либеральной и радикальной формах. При этом, население вошедших в состав Германской империи католических баварских и рейнских земель не всегда было довольно «опруссачиванием». Эти противоречия привели к процессу так называемой «конфессионализации». По определению немецкого историка О. Блашке, «Конфессионализация описывает поначалу безобидный процесс образования коллективной идентичности внутри Церкви, и, таким образом, консолидацию внутри определенной деноминации». Согласно Блашке, «второй век конфессионализма» в Германии пришелся на XIX век, и совпал с процессом объединения германского государства [10. С. 19-24].

В российской исторической науке проблема влияния конфессионального фактора на политические процессы, на формирование национальной и региональной идентичности в Германии XIX – XX века почти не изучалась. Поэтому в этой статье автор опирается на работы немецких историков, исследовавших проблемы межконфессиональных отношений в контексте политической и культурной истории Германии XIX-XX вв, таких, как Х. Хюртен, О. Блашке, Р. Рихтер, Д. Лангевише, К. Дове.

В этой статье автор сосредоточил внимание на том, как конструировалась конфессиональная и культурная идентичность немецких католиков, в первую очередь – католического студенчества и интеллектуалов. Основными источниками послужили материалы публикаций из: журнала «Академия», основного периодического издания крупной католической студенческой организации «Объединения католических немецких студенческих союзов» (CV, Cartellverband der katholischen deutschen Studentenverbindungen), а также периодических изданий католических научных обществ и объединений - Союза Бонифация (Akademischen Bonifatius-Vereine) и Общества Гёрреса (Görres-Gesellschaft zur Pflege der Wissenschaft).

Истоки немецкого «политического католицизма». 1830 - 1840 - е годы – время, когда в Польше, Ирландии, Португалии и Германии, одновременно с подъемом национального движения, рождается политический католицизм. Первым манифестом немецкого «политического католицизма» стал памфлет публициста и философа Й. Гёрреса «Athanasius», написанный в 1838 году. В 1848 г. в Майнце, состоялось первое «Генеральное собрание немецких католиков». После революционных событий 1848 года и австро-пруссского соглашения 1849 года перед немецкими католиками встал вопрос выражения своих политических интересов. Во Франкфурте были созданы: «Католический клуб» «Католическая фракция»– организации, из которых в 1870 году возникла Партия Центра. В 60-е годы католики уже представляли собой самостоятельное крыло в немецком национальном движении. На этом этапе главной задачей католических организаций была выработка позиции по трем вопросам: выбор между «великогерманским» или «малогерманским» сценариями объединения Германии, федерализма и положение отдельных (в том числе, обладающих особым самосознанием католических регионов) в будущем едином государстве, и взаимоотношений этого государства с церковью. Для решения этих вопросов католические публицисты обращались и к опыту других стран: так, Адам Франц Леннинг из Майнца был сторонником «ирландского» пути эмансипации католиков и идей Даниэля О`Коннела, предполагающим свободу церкви и большой политической вес католиков в национальном государстве [14. С. 23].

После объединения Германии противоречия между государством и церковью достигли своего пика в политике «культуркампа», поставившей католическую церковь под контроль государства. Энциклики Папы Пия IX “*Quanta cura*”, “*Syllabus errorum*”, направленные против либерализма, социализма, а также научного рационализма, вызвали негативную реакцию в немецком обществе. И, хотя политика «культуркампа» была быстро свернута, антикатолические настроения в немецком обществе не утихли и в следующие десятилетия. В 1880-е годы критиками католиков стали не только либеральные националисты и социал-демократы, но и правые национал-шовинисты, чья идеология была представлена такими такими партиями и союзами, как Протестанско-консервативная Христианско-социальная партия А. Штёккера, Кифхойзербунд, Пангерманский союз.

По утверждению автора монографии «Немецкие католики в 1918-1945 гг» Х. Хюртена в конце XIX – начале XX века немецкие католики оказались на положении граждан «второго сорта» - при том, что в это время они составляли примерно треть населения Германии. В работах Хюртена отмечается неравенство в социальном и имущественном положении католиков и протестантов в Германии накануне Первой мировой войны. После окончания Первой Мировой войны и Ноябрьской революции, по словам Хюртена, конфессиональные противоречия вильгельмовской эпохи, уходящие корнями во времена становления единого германского государства, так и не разрешились, хотя и сгладились [12. С. 13-35].

Идентичность. В этих условиях перед католическими философами, историками и публицистами стояла задача создания своего альтернативного национального проекта, нового осознания своей идентичности. Этот поиски шли в середине девятнадцатого века одновременно с созданием прусского «национального мифа» и в противовес ему. Католические политические деятели, публицисты и историки времени объединения Германии были продолжателями традиций романтиков-консерваторов (таких, как проповедник идеи «органического» сословного общества А. Мюллер), вслед за ними идеализируя средневековую Германию. В противовес культу Лютера в середине XIX века католиками был создан культ св. Бонифация – «апостола всех немцев», миссионера, распространявшего влияние Рима на германские земли в 8 веке. В 1855 году в Фульде прошла посвященная Бонифацию конференция. По словам Блашке, в вильгельмовскую эпоху католики предпринимали только слабые попытки «национализации» религии, придавая Германии особенную миссию в католическом мире (и это было связано с фигурой св. Бонифация). Протестанты приписывали Германии роль нации «избранной Богом, имеющей первенство над другими нациями, и особенную – миссию в истории» [10. С. 43.].

Война и ее влияние. Опыт первой мировой войны принес изменения в самосознание консервативно настроенной немецкой католической молодежи, что отразилось на страницах журналов, выпускаемых студенческими союзами. По словам Блашке, «Первая мировая война прервала процесс плюрализации, снова потребовала от католиков «верности Рейху» и подчинила христианство национальной идее» [10. С. 66], и католическое молодежное движение (которое в наибольшей степени было проникнуто романтическими и «антибюргерскими», антимещанскими настроениями), верило, что опыт войны приведет к новому с самого начала войны к новому «становлению народа» [10. С. 68]. Сохранение памяти о погибших во время Первой мировой войны стало важной задачей католических студенческих организаций. Одним из крупнейших проектов была постройка мемориальной церкви святого Георга в Лейпциге, в память о студентах-католиках, погибших в Первой Мировой войне Интерьер церкви был украшен множеством мемориальных табличек с их именами.

Национализм и региональная идентичность. Как правило, студенческие и академические католические организации времен Веймарской республики стояли на позициях «романтического консерватизма», и в этом были близки отдельным представителям так называемой «консервативной революции», разделяя их антимодернизм и неприятие новых культурных веяний, пангерманизм и веру в «культуртрегерскую» роль

Германии в Восточной Европе. При этом, они отмежевывались от «фёлькиш» и национал-социалистов. В статье «Мы и другие» критикуются последователи идеологии «фёлькиш», правда, в первую очередь за антихристианскую направленность этой идеологии и за их интерес к древнегерманским верованиям: «Сегодня «фелькиш» представляют собой ударный отряд всех враждебных церкви устремлений и сказано, что «сегодняшние фёлькиш станут борцами завтрашнего культуркампа» [3. С. 3].

Идеи как либерального, так и радикального (представленного «фёлькиш») национализма, с его идеями расового неравенства и антисемитизма, католические публицисты связывали с протестантской традицией, противопоставляя им собственную идею нации, согласно которой, нация рассматривается как «естественный результат развития человеческого общества, и при этом – как нечто, данное Богом» [8. С. 46]. В качестве примера приведем статью «Ересь двадцатого века» (июль 1930го года), автор которой Фридрих Мукерманн идеализирует «христианскую семью наций» эпохи Средневековья. «Государство-нация», по мнению автора статьи, является искажением этой идеи. Автор упрекает Гегеля в «совершенной абсолютизации и обожествлении Государства». По его мнению, идея национальной общности должна быть основана на идее «католической социологии», которая рассматривает человека не как только члена какой-то группы, а как личность [6. С. 1-6].

Помимо чувства принадлежности к национальной общности, на страницах католической прессы также культивировалась региональная идентичность. К. Дове пишет, что еще в вильгельмовскую эпоху члены в среде католического студенчества (в первую очередь, в рядах организации CV) распространились идеи так называемого «федерального национализма». В определении этого направления немецкого национализма Дове следует Д. Лангевитше: «Понятие «федеративный национализм» в современных исследованиях национализма обозначает направление развития немецкого национализма, в котором стремление к национальному единству не отождествляется с национальным государством». Согласно этой идеологии, предполагалось, что федеративный характер империи и измененного федеративного национализма сделает возможным интеграцию в империю с сохранением региональных черт в обществе, культуре и политике [11. С. 175.].

В статьях «Академии» и «Союза Бонифация», посвященных истории католических земель Германии, подчеркиваются региональные своеобразие и колорит этих районов, их культурные традиции, и значимость этого своеобразия для Германии. В качестве примера приведем посвященную празднованию тысячелетия Рейнской области статью в Академии и вышедшую отдельным изданием, произнесенную на этом праздновании речь проф. Онкена.

Тысячелетие Рейнской области отмечалось в 1925-м году, незадолго до подписания Локарнских соглашений. История Рейнской области возводилась к 925 г., когда правителем герцогства Лотарингия стал Генрих Птицелов. К объединению земель Лотарингии с восточнофранкским государством историческая традиция возводила и начало германской государственности. Оккупация Рейнской области войсками Антанты пробуждала в немцах реваншистские настроения, и поэтому празднованию тысячелетия придавалось в немецком обществе большое значение.

Даты средневековой истории, ключевые для образования немецкой государственности перечисляются и в праздничной речи профессора Онкена из университета Мюнхена: Верденский договор 843 года, затем Мерсенский договор о разделе Лотарингии 870 г, и, наконец, 925 год, когда Генрих Птицелов полностью подчинил себе герцогство Лотарингия. В речи Онкена также подчеркивалось символическое значение рейнской земли для единства Германии. Особенное значение Онкен придает католической традиции, говоря о католических святых, чья жизнь и деятельность была так или иначе связана с рейнскими землями: Фоме Кемпийском, Альберте Великом. Уникальность Рейнской области Онкен видим в том, что ее жители, будучи на протяжении всей истории подвержены влияниям разных национальных культур и взяв из них все лучшее, остались немцами. Наконец, Онкен

обращается к членам CV Он говорит и о Рейне как «также подчеркивал значимость этого события для студентов, особенно для членов CV, так как история этой организации была переплетена с историей региона [7. С. 11-20]. Таким образом, подчеркивая культурное и историческое своеобразие этого региона, Онкен вместе с тем описывает его как колыбель германской государственности.

В веймарский период «великогерманские» настроения окончательно утвердились в католической академической среде. В первую очередь, это относится к CV, которая длительное время поддерживала тесные связи со студенческими организациями Австрии, Швейцарии и Эльзаса. Национальное государство воспринималось идеологами CV только как исторический этап к объединению государств, созданию «надгосударственной языковой и культурной общности». Кроме этого, они были убеждены в «культуртрегерской» миссии немцев, и в этом сближались со сторонниками пангерманизма [9. С. 340-341].

Идентичность образованного класса. Образ прошлого.

Во второй половине XIX века разрыв между католиками и протестантами наблюдался не только в политической и общественной, но и в культурной сфере; по сути, католики были исключены из интеллектуальной среды германского государства, пребывали в особом «гетто». В работе Блашке отмечается, что образованность стало одной из основных ценностей немецкого общества в 19 веке, [Блашке С. 65]. В Германии появился особый социальный слой Bildungsbürgertum – «образованное бюргерство», в конце девятнадцатого века составлявшее особый социальный слой в Германии. В этот слой входила академическая элита и часть чиновничества. В работе Д. Лангевише «Либерализм и социализм: образы общества – видение будущего – концепции образования» подчеркивается, что это явление было специфически немецким, и специфически протестанским [13. С. 177]. По мнению Лангевише, в вильгельмовскую эпоху «то, что современная наука и исповедание католицизма исключали друг друга, принадлежало к основным предубеждениям университетской среды», и это могло повлиять на получение академической должности [13. С. 178].

В немецкой исторической науке второй половины XIX века наиболее крупными фигурами были ученые-протестанты. (между «боруссианизмом» (идеологией, в которой утверждалась особая историческая миссия Пруссии-объединительницы Германии. Выразителями этой идеологии в XIX веке были историки Г. фон Трейчке, Т. Моммзен, Г. фон Зюбель. Как пишет О.Блашке, вклад ученых-католиков в немецкую историческую науку не слишком высоко оценивался немецким научным сообществом уже в 60-е – 70-е годы XX века: «О католических историках (Йоханессе Янсене, Мартине Шпане и Франце Шнабеле – известно только то, что они были католическими историками)» [10. С. 64].

В качестве яркого примера столкновения католического и протестантского исторического мировоззрения можно привести спор двух историков: прусского историка Хайнриха фон Зюбеля), возводившего подъем прусской государственности (и рождение немецкой нации) ко временам реформации. Другую концепцию формирования немецкой нации, в большей степени отражавшую «великогерманскую» идеологию, предложил католический историк Юлиус фон Фикер.

Еще во второй половине девятнадцатого века католические богословы, философы и историки начали создавать свои научные союзы. В 1849 году был создан «Союз Бонифация» (Bonifatiusverein). Изначально целью этой организации осуществление контактов и взаимной поддержки среди католических диаспор в преимущественно протестантских немецких землях. Но «Союз Бонифация» поддерживал и ученых, выпуская журнал «Akademische Bonifatius-Korrespondenz». В 1876 г. В Кобленце было создано „Görres Gesellschaft“, «Гёрресовское общество».

На период Веймарской республики пришелся расцвет деятельности ряда крупных католических философов и богословов. Крупный философ и социолог Макс Шелер в 1916-1924 гг переживает «католический» период в своем творчестве, важнейшая его работа,

созданная под влиянием католицизма – «О вечном в человеке». Следует отметить, что Шелер не разделял реваншистских идей консервативных католиков, поддерживал создание Лиги Наций и был сторонником деполитизации католицизма. Среди других ярких фигур можно назвать философа и богослова, капеллана молодёжного движения «Квикборн» Романо Гуардини и историка Франца Шнабеля. Тем не менее, в академической элите Германии процент католиков продолжал оставаться невысоким. В «» по этому поводу сказано: «В Германии нет университета, хотя бы половина преподавателей которого была бы католиками. Тогда как число католических доцентов в университетах Баварии составляет всего 33, 53 %. «Любой университет сейчас для католиков – диаспора» [5. С. 110].

Споры об истинной роли католиков и католичества в истории Германии, равно как и критика созданной протестантами картины немецкой истории, в веймарский период продолжались на страницах печатных органов католических студенческих союзов и научных объединений.. Постоянные авторы «Академии» призывали к созданию иной картины исторического прошлого Германии, отличного от той, которая была создана историками-протестантами вильгельмовской эпохи, картину «немецкую» в той же степени, что и «католическую». То есть, немецкие католики по-прежнему ставили перед собой задачу объединения национальной и религиозной идентичностей. По мнению Лангевише, «после Ноябрьской революции и католическая интеллигенция, и протестанское «образованное бюргерство» сблизилось в своем неприятии новых культурных веяний, которые католики называли «реформацией слева» [13 С. 204].

Тем не менее, католические мыслители продолжали скептически относиться к культурной традиции протестантов. Идеологи католических студенческих союзов ассоциировали с протестантизмом большую часть традиций немецкой философской – от Гегеля и Фихте до «фелькиш» конца 19 века (идейных предшественников национал-социализма). Автор статьи «Ересь двадцатого века» Р. Ф. Мукерманн приходит к выводу, что противостояние с протестантами должно переместиться из области политики в область гуманитарных наук: философии, социологии, истории, и католические интеллектуалы должны были создать свои собственные теории в этих науках [6. С. 5].

Авторы статей в периодических изданиях католических академических и студенческих союзов также стремились подчеркнуть роль католических университетов (Фрайбурга, Бонна, Бамберга, Гейдельберга) в развитии немецкой науки конца XVIII – XIX веков. Вместе с тем, они выделяли особенную, католическую традицию в развитии немецкого университетского образования, постоянно отстаивая ее самобытность. Наилучшим примером здесь может послужить статья М. Браубаха, опубликованная в «Историческом ежегоднике Общества Гёрреса». Она посвящена истории католических университетов в Германии во времена Великой Французской революции, а также влиянию идей Просвещения и революционной идеологии на университетское образование в Германии.

Браубах отмечает, что в конце XVIII века были тенденции к примирению католицизма с некоторыми идеями Просвещения, и мыслители того времени считали, что католические университеты почти преодолели свой «старый готический» дух. Браубах также приводит краткие характеристики крупных немецких католических университетов конца восемнадцатого века, ссылаясь на тогдашнюю прессу. В «Майнц Монатшрифт» Кёльнский университет был назван «немецкой Сорбонной», а Фрайбург – университетом, известным своей религиозной терпимостью. По утверждению Браубаха, победа Просвещения в немецких университетах конца XIX – начала XX века была кажущейся, а романтизм включил в себя многие достижения Просвещения [2. С. 271-292]. Таким образом, по мнению Браубаха, католические университеты, усвоив идеи Просвещения, сохранили свою самобытность.

Выводы. Во-первых, конфессиональная идентичность немецких католиков продолжала сливаться с национальной, католическое студенчество пришло к пангерманским

убеждениям. Тем не менее, национализм католиков был умеренным, они не разделяли расистских и антисемитских убеждений «фёлькиш».

Во-вторых, конфессиональная идентичность немецкой католической молодежи играла большую роль в создании мифа о Первой мировой войне как катастрофе, способной привести людей обратно к вере, и способной примирить католиков с протестантами.

В-третьих, для немецких католиков продолжала играть важную роль региональная идентичность, что нашло свое выражение как в подчеркивании своеобразия отдельных регионов Германии, так и в «реабилитации» культурной роли католических университетских традиций.

Таким образом, во времена Веймарской республики культурная идентичность немецких католиков трансформировалась, и в результате этого католические интеллектуалы пришли к компромиссу между национальной и конфессиональной идентичностью, католицизм теперь представлялся как форма сохранения «истинного германского духа», вместе с тем межконфессиональные противоречия в истории Германии стали замалчиваться. В то же время, в католической прессе часто звучала критика в адрес родившихся в протестантской среде концепций нации и нарративов истории Германии. Традиция немецкой философии, от Гегеля и Фихте до идеологов «фёлькиш» также связывалась с протестантизмом. Соперничество с протестантами перешло в область философии и гуманитарных наук.

Библиографический список

1. **Böminghaus, S.J.** Christentum und Germanentum. / S.J. Böminghaus // Akademische Bonifatius-Korrespondenz. Organ der Einigung der Akademischen Bonifatius vereine. 45 Jahrg. – Nr. 2. - 15 Mai 1925. - S. 3-5.
2. **Braubach, M.** Das Ende der kurkölnischen Universität Bonn. / M. Braubach // Görres-Gesellschaft Historisches Jahrbuch. – 45. - S. 271 - 292.
3. **Hoffmann, E.** Wir und die Anderen. / E. Hoffmann // Academia. Monatsschrift des CV der kath. Deutsch. Studentenverbindungen. 37 Jahrg. – Nr. 10. - 15 Februar 1925. - S. 128-130.
4. **Huystens, R. F.** Die Jahrtausendfeier der Rheinlande im Jahre 1925. / R. F. Huystens // Academia. Monatsschrift des CV der kath. Deutsch. Studentenverbindungen. 38 Jahrg. – Nr.1. - 15 Juli 1926. - S.45-47
5. **Legge, Th.** Der Anteil der Katholiken am akademischen Lehramt. / Th. Legge // Akademische Bonifatius-Korrespondenz. Organ der Einigung der Akademischen Bonifatius vereine. 45 Jahrg. – Nr.1. - 1 Juni 1930. - S.105-117.
6. **Muckermann, P.F.** Die Häresie des 20 Jahrhunderts. / P.F. Muckermann // Akademische Bonifatius-Korrespondenz. Organ der Einigung der Akademischen Bonifatius vereine. 45 Jahrg. – Nr. 2. - 15 Juli 1930. - S. 1-6.
7. **Onken H.** Jahrtausendfeier der Rheinlande : zugleich Stiftungsfeier der Universität; am 20. Juni 1925 / H. Onken. - München : Hueber, 1925. - 23 S.
8. **Schlund, P. E.** Katholizismus und Nationalismus. / P. E. Schlund // Academia. Monatsschrift des CV der kath. Deutsch. Studentenverbindungen. 39 Jahrg. – Nr.3. - 15 Juli 1926. - S.45-47
9. **Winter, E. K.** Grossdeutsch oder kleindeutsch? / E.K. Winter // Academia. Monatsschrift des CV der kath. Deutsch. Studentenverbindungen. 31 Jahrg. – Nr.12. - 15 April 1919. - S. 340-341.

10. **Blaschke, O.** Der Dämon des Konfessionalismus: Einführende Überlegungen / O. Blaschke / Konfessionen im Konflikt: Deutschland zwischen 1800 und 1970: ein zweites konfessionelles Zeitalter. – Göttingen: Vanderhoeck&Ruprecht, 2004. – S. 13-49.
11. **Dowe, Ch.** Auch Bildungsbürger. Katholische Studierende und Akademiker im Kaiserreich / Ch. Dowe. – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2006. – 384 S.
12. **Hürten, H.** Deutsche Katholiken 1918-1945 / H. Hürten. – Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag.- 700 S.
13. **Langewiesche, D.** Liberalismus und Sozialismus: Gesellschaftsbilder-Zukunftsvisionen-Bildungskonzeptionen / D. Langewiesche. – Bonn: Verlag J.H.W. Dietz Nachf.GmbH.- 408S.
14. **Richter, R.** Nationales Denken im Katholizismus der Weimarer Republik / R. Richter. – Münster: Lit, 2000. – 440 S.

УДК 947(470.324)

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

И. Н. Лихорадова.,

аспирант кафедры строительства

автомобильных дорог Н. Д. Мурыгин.

Россия, г. Воронеж, тел.(473)278-63-98;

e-mail: lihoradova@list.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.

PhD in History, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

I. N. Lihoradova,

Postgraduate of Road Construction Chair

N. D. Murygin

Russia. Voronezh, tel. (473)278-63-98;

e-mail: lihoradova@list.ru

И. Н. Лихорадова, Н. Д. Мурыгин

ФОРМИРОВАНИЕ ГРУПП СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ И РАБОЧИХ ГУЖЕВОГО ТРАНСПОРТА В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье изложен материал, позволяющий проследить процесс формирования групп строительных рабочих на территории одной из крупнейших областей Центрального Черноземья. На основе анализа статистического и архивного материалов показана система широкомасштабного привлечения как городского, так и сельского населения к становлению профессиональных работников гужевого транспорта. Установлено, что в пореформенный период существовал артельный промысел, который был востребован не только на территории Воронежской губернии, но и за ее пределами. Показана, динамика увеличения численности трудящихся, вовлеченного в отходно-кустарную и промысловую деятельность, а также их дифференциация по профессиональному и квалификационному признаку, рассматривая данный процесс на примере роста оплаты труда.

Ключевые слова: уездные земские учреждения, временнообязанные крестьяне, отхожие и кустарные промыслы, строительство, ремонт и содержание дорог, гужевого транспорт, извозчик.

I. N. Lihoradova, N. D. Murygin

BUILDING WORKERS AND CARTING TRANSPORTATION WORKERS GROUPS FORMING IN VORONEZH REGION IN POST-REFORM PERIOD

Here is given the material which allows to analyze the process of building workers groups forming on the territory of one of the largest Central Chernozem district. Based on statistic and archival material analyses it is shown the system of wide-ranging urban and country population intake into professional land carting transportation workers becoming. It is determined that in the post reform period there was team work which was demanded not only on the territory of Voronezh region but also outside it. It is also shown the dynamic of increasing numbers of workers involving in homecraft activity and carrier's trade, their differentiation according to professional and qualification criterion (taking into account for example their remuneration of labour).

Key words: administrate department of a district town, temporary staff farmer, handicraft industry, handicraft, construction, service, reconstruction roads, cartage, carrier.

В отечественной исторической литературе традиционно принято считать, что процесс наделения крестьян землей по реформе 1861 года происходил следующим образом: государство выкупало землю у помещиков и крестьяне получали ее, оставаясь еще три года временнообязанными, а ссуду на покупку земли получали в крестьянском банке. Существует и еще одна устойчивая позиция относительно оформления квалифицированных профессиональных групп рабочих: данная категория формировалась в основном на базе городских промышленных предприятий и организаций. Однако, на местах данные процессы происходили несколько иначе.

Накануне крестьянской реформы 1861 года в Воронежской губернии крепостные крестьяне составляли 26% от всех жителей [1. С. 22]. Долгожданное освобождение от крепостной зависимости, казалось бы, открыло поле для разносторонней хозяйственной деятельности, но возможности многих хозяйств были ограничены и не обеспечивали подчас минимальные потребности семьи в продовольствии. В результате реформы крестьяне получили земли гораздо меньше, чем им было необходимо, да и качество ее оставляло желать лучшего. Наряду с этим, за землю приходилось вносить выкуп непосредственно помещику.

Воронежская губерния имела относительный избыток рабочей силы, так как у крестьянства земли было недостаточно для их полной занятости. Крестьяне ежегодно платили налоги - казенные, земские, мирские, страховые, а до 1885 года и подушную подать с каждой ревизорской души, поземельный государственный налог за пользование землей и пр. Земские платежи направлялись на организацию деятельности местных губернских и уездных земских учреждений. Мирские сборы шли на содержание волостной и сельской администрации и различные местные нужды. В результате проведения реформы у крестьян отрезали часть земли. Довольно часто данные отрезки им были жизненно необходимы, и они вынуждено брали в аренду эти участки по очень высокой арендной плате. Кроме того, землевладельцы использовали труд крестьян в своем хозяйстве, так как по Уставным грамотам крестьяне по отношению к своему помещику были временнообязанными до тех пор, пока не выплатят весь выкуп за землю. Таким образом, в результате реформы 1861 года возросло число как экономических, так и внеэкономических форм принуждения крестьян.

В 1897 году в Воронежской губернии крестьянское сословие насчитывало 2410479 человек, из которых 97493 человека проживало в городах [2. С.2-4]. Сельское население в пореформенный период с большим трудом справлялось с высоким налогообложением, что приводило к росту недоимок. Согласно бюджетным данным по 230-ти типичным хозяйствам Воронежской губернии, подати и повинности в структуре денежных расходов, составляли в среднем по всем хозяйствам 10,8%. В этой группе хозяйств они составляли в среднем 62,6% к денежному доходу, получаемому только от земледелия. Особенно интенсивный рост недоимок приходился на последнее десятилетие XIX века, поскольку в это время на

массовое разорение крестьянских хозяйств повлияли неурожаи 1891 и 1892 годов. В 1900 году в Воронежской губернии недоимки по казенным и земским сборам равнялись 166% от среднего оклада, тогда как в среднем по европейской части России они насчитывали - 106% [3. С. 167-188].

Реформы 60-70 годов XIX века существенно повлияли на все аспекты хозяйственной деятельности, в число которых входит дорожное хозяйство. До отмены крепостного права вопросами строительства, содержания и ремонта дорог в губернии ведала дорожная комиссия при Канцеляриях предводителей уездных и губернских дворянств. Одна из самых жизнеспособных комиссий главное внимание уделяла «налаживанию переправ через реки». После открытия в 1865 году земских учреждений им передавались не только дорожные комиссии, но и комитеты по постоянной и подводной повинностям. В свою очередь это дополнительно усугубляло и без того сложное положение крестьянства, которое было обязано предоставлять под постройкой воинским частям свои избы, а также выделять подводы под арестантов и для воинских соединений. Земства в свою очередь стремились в меньшей степени организовывать денежные сборы для дорожного строительства, лишь на самые необходимые и дорогостоящие сооружения, остальные работы осуществлялись в большей степени за счет натуральных повинностей. Однако, губернский статистик Ф.Щербина, составлявший историко-статистический обзор Воронежского земства за 1857-1889 года считал, что «в ближайшее время натуральные повинности будут полностью заменены денежными» [4. С. 10-11].

В 1883 году 5 апреля был принят закон, по которому на определенных условиях было разрешено передавать земствам общегосударственные и местные шоссейные дороги на 25 лет для содержания их в порядке. Земствам было дано право взимать, отменять и устанавливать шоссейные и мостовые сборы на ремонт, а остатки средств употреблять на постройку новых дорог и подъездных путей к железнодорожным станциям пристаням и торгово-промышленным центрам [5. С. 32]. В 1891 году в заведование земства перешло шоссе Воронеж - Задонск (свыше 80 верст), на 25 лет с пособием от казны по 383 рубля 66 копейки на версту в год [6. С. 376-378]. За период с 1895 по 1900 годы в Воронежской губернии было построено 58 верст с каменным покрытием. Остальные грунтовые дороги содержались за счет натуральной дорожной повинности.

Земства устраивали торги на строительство мостов, заключали договоры с подрядчиками, которые имели строительные артели, нанимали караульщиков для мостов. Так, например, в г. Задонске плашкоутный мост через реку Дон охраняло 3 караульщика, нанятые на деньги Земства [4. С. 12].

В Бобровском уезде в 1871 году Земство перевело с натуральной повинности на денежную устройство мостов и гатей. В смету на эти мероприятия было запланировано 45145 рублей с обложением по 2 копейки каждой десятины земли, разделив сбор с обложения на три года.

В Валуйском уезде на почтовой дороге «все сооружения были приняты на губернский земский счет, а выравнивание полотна дороги, исправление мостов и гатей на всех прочих транспортных участках остались за крестьянским сословием». Валуйская управа в 1870 году доложила собранию, что расходы крестьян на дорожную повинность превысили на 10426 рублей общую сумму всех земских денежных расходов. В то же время, крестьянское сословие платило на 1/3 больше земского сбора, вследствие чего земская управа нашла «что отправление дорожной повинности стоило крестьянам более чем другим владельцам, слишком в 40 раз» [6. С. 396].

Эти цифры наглядно демонстрируют, насколько важны крестьянам для уплаты налогов были доходы от промыслов, которые кроме сельскохозяйственного труда, заключались в продаже услуг, как более выгодного размещения рабочей силы. Местные и отхожие крестьянские промыслы отличались большим разнообразием и были рассчитаны на удовлетворение потребностей деревенского и городского населения, на реализацию наемной

рабочей силы не только в сельском хозяйстве, но и в промышленном производстве, транспорте, строительстве и др. Воронежские статистики отмечали: «Очень часто одно и тоже лицо занималось двумя, тремя и даже большим количеством промысловых занятий в течение года ... Иногда даже некоторые ремесленные занятия соединялись в одном лице – плотник бывает и печником, сапожник – портным, каменщик – шерстобитом и т.п.» [7. С. 4].

Воронежская губерния принадлежала к местности с хорошо развитым отходом. Число отходников после отмены крепостного права увеличивалось с каждым десятилетием, что можно проследить на количестве выданных билетов и паспортных бланков. За десятилетие с 1861 - 1870 гг. было выдано 243100 паспортов, а за период с 1891 - 1900 гг. – 2176400. В 1900 году число крестьян занятых промысловой деятельностью составляло 332742 человека, из них отходжими промыслами было занято 85740 человек [3. С. 167].

В статье практически невозможно уделить внимание широкому спектру промысловой деятельности, поэтому имеет смысл сконцентрировать свое внимание на отдельных отраслях губернской экономики, таких как строительство, гужевой транспорт, ремонт и содержание дорог, в которых трудились крестьяне отходники.

Различные строительные специальности, подобно кустарным промыслам, группируются по отдельным местностям и населенным пунктам, поэтому кроме движения на заработки в большие города, существовало передвижение строительных рабочих из одной местности в другую, из уезда в уезд. В Воронежской губернии в 80-е года XIX века насчитывалось 16000 плотников, из которых около 12000 работало в своих уездах и только 4000 уходило за пределы губернии, а из 2250 каменщиков, лишь 900 уходило на заработки в другие губернии и города, но 1350 человек данной профессии находили работу дома. Печников насчитывалось 1800 человек, из которых 300 уходило в города, кровельщиков – 1000 человек, из которых уходило всего 150 специалистов [8. С. 265].

По данным первой Всероссийской переписи 1897 года на работах по «устройству, ремонту и содержанию жилищ, и строительству вообще» в Воронежской губернии было задействовано существенное количество рабочих различных специальностей: каменотесов, землекопов, укладчиков кирпича, лепщиков, трубочистов и пр. – 7030 человек, семьи которых насчитывали 12349 человек. Из них 73 человека были ремонтными рабочими железных дорог и речных молов и портов. Численность их семей равнялась 89 чел. [9. С. 250-251]. В переписи отмечалось, что в губернии ломовым и легковым извозным промыслом было занято 2039 человек, в их семьях насчитывалось 2899 человек. Там же приводятся сведения о строительных рабочих имеющих следующие специальности:

- кладчики кирпича, землекопы – 190 человек;
- каменщики, каменотесы – 963 человека, их семьи насчитывали 78 человек;
- печники - 847 человека, их семьи насчитывали 441 человек;
- плотники - 8788 человека, их семьи насчитывали 3418 человек;
- конопатчики зданий – 35 человек;
- штукатуры, лепщики, мозаисты – 616 человек;
- кровельщики- 384 человека, их семьи насчитывали 102 человека;
- маляры - 54 человека, их семьи насчитывали 49 человек;
- стекольщики -27 человек, их семьи насчитывали 14 человек и др. [10. С. 226].

На территории Воронежской губернии имелись выходы на поверхность земли залежи строительного камня-известняка по рекам Дон (Кривоборье), Девица и Ведуга. Крестьяне, близлежащих от каменоломен деревень, заключали договора о доставке камня для нуждстроек. Всего этим промыслом в губернии занималось 75 человек, которым помогали члены семьи числом 37 человек [10. С. 222]. Например, 22 декабря 1905 года член Воронежской губернской Управы П.Я.Ростовцев и заведующий ремонтом Воронежско-Задонского шоссе инженер Л.И.Гусев получили от крестьянина с. Ендовище Михаила Ивановича Филипцова камень для ремонта участка дороги в количестве «9-ти кубических сажений, удовлетворительного качества». Камень у М.И. Филипцова купили по 28 рублей за

кубическую сажень, уплатив общую сумму – 252 рубля. Крестьянину выдали квитанцию на получение этой суммы в Воронежской земской Управе [11. С. 3].

В статистическом обзоре Воронежской губернии за 1891 года отмечалось, что истребление лесов на территории губернии повлияло на повышение цен на строительные материалы, вследствие чего появился промысел мелотесов, т.е. изготовление меловых блоков для строительства домов. Так в с. Турово Нижнедевицкого уезда этим промыслом занималось 15 человек, которые работали артелями по 2-4 человека. За постройку избы из таких блоков, в зависимости от ее величины, артель брала от 15 до 25 рублей. Однако труд артелей оплачивался не везде одинаково, а в зависимости от местности проведения работ. Таким промыслом занимались в с. Истобное – 10 человек; с. Красном – 10 человек и с. Скупой Потудани – 5 человек. За летний период каждый из них зарабатывал от 15 до 25 рублей. В с. Семидесятском 8 человек, работая мелотесами, получали от 20 до 25 рублей каждый, а 13 человек с.Никольского зарабатывали лишь до 15 рублей на человека [12. С. 18].

Строительные рабочие уходили на заработки на Северный Кавказ. Так в 1891 году столяры и каменщики Валуйского уезда за рабочий сезон до 1 октября зарабатывали до 50 рублей на человека.

В 1899 году многие рабочие Воронежской губернии строительных специальностей ушли на строительство Балашовско-Харьковской линии Ю.В.Ж.Д., где также имели хороший заработок: мастер за лето получал до 80 рублей, а менее квалифицированный работник до 50 рублей [13. С. 19].

Труд рабочие строительных профессий в 1900 году ценился значительно выше. Железнодорожные мостовики Воронежского уезда зарабатывали на каждого работника от 60 до 150 рублей, а каменотесы Богучарского уезда зарабатывали в Донской области: «хорошие мастера – 80-100 рублей и более, средние – 60-80 рублей, а ученики до 40 рублей на каждого. Каменщики Задонского уезда зарабатывали в Ростове-на-Дону - 50-75 рублей на каждого» [14. С. 17-18].

В 1914 году каменщики, плотники, печники, штукатуры, кровельщики в среднем зарабатывали за лето по 120 рублей [15. С. 27-28].

Строительные рабочие-отходники уходили на заработки в г. Воронеж и другие города губернии из следующих уездов:

Задонский уезд – штукатуры, печники, маляры, плотники, каменщики;

Землянский уезд – плотники, печники, маляры, извозчики, каменщики, штукатуры;

Нижнедевицкий уезд – плотники;

Воронежский уезд – работники на железнодорожные работы, извозчики;

Коротоякский уезд – плотники;

Острогожский уезд – каменщики;

Богучарский уезд – плотники;

Валуйский уезд – ремонтные рабочие на железной дороге, плотники.

Спрос на строительных рабочих увеличился в конце XIX века, когда на территории Воронежской губернии широко развернулось строительство промышленных помещений и служебных зданий Юго-Восточной железной дороги, в самом г. Воронеже купцы начали строительство магазинов и складских помещений на Ново-Московской улице, активизировалось строительство жилых домов горожан. Один из первых краеведов, изучавших кустарные промыслы Воронежской губернии В.А. Перелешин, подсчитал численность рабочих строительных специальностей. По его расчетным данным в 1902 году в губернии было: «кирпичников -1488 человек; каменщиков – 2369 человек; печников – 2019 человек; кафельщиков 11 человек; каменотесов – 157 человек; мраморщиков – 12 человек; стекольщиков – 202 человека; плотников – 16797 человек, столяров – 1798 человек» [16. С. 22].

Из сел и деревень на заработки уходили крестьяне, не только владеющие различными строительными специальностями, но и не имеющие специальностей, в частности в Памятных

книжках Воронежской губернии имеются интересные сведения по извозчицкому и водовозному промыслам. Так к концу XIX века в г. Воронеже с тремя пригородными слободами: Ямской, Троицкой и Чижевски проживало 80599 человек обоего пола. Из этого числа 40545 человек было крестьян, 26071 мещан, 7598 дворян и лиц духовного звания. Кроме этого, в двух близко прилегающих к городу слободах, Придаче и Монастырщинке, проживало 4949 человек, также работавших на нужды города и соответственно интенсивно перемещающихся за пределы своих слобод [17. С. 2-3]. Рассредоточенность города по неровной местности, широко разбросанные промышленные предприятия и торговые точки, осеннее-весенняя распутица и грязь, а также достаточное количество зажиточных горожан, проживающих в Воронеже, способствовало развитию извозчицкого промысла.

Данное занятие активно развивалось в других городах губернии и весьма четко регламентировалось и контролировалось администрациями городов. На основании статьи 103 Городового положения городские Думы принимали Постановления об обязанностях легковых извозчиках, которые они должны были соблюдать при езде по улицам города. Прежде всего, необходимо было получить в Городской Думе билет на право извоза, в противном случае полиция не разрешала бы работу. Так, например городская Дума г.Задонска 8 марта 1877 года приняла Постановление о работе легковых извозчиков, первый пункт которого гласил, что желающий заняться извозным промыслом обязан взять «в городской Управе жестяной знак в двух экземплярах за одним номером, из которых один должен находиться на спине, на верхней одежде, а другой прибит к козлам экипажа. Извозчик обязан возобновлять знаки ежегодно в начале января до 10-го числа» [18. С. 49]. В этом документе было предписано, какую одежду обязан носить извозчик, какими должны быть экипаж и сбруя. Далее указывалась биржа (место), где должен стоять экипаж «в ряд и одну линию и подавать пассажирам экипаж по очереди». Пассажиры же имели право выбирать экипаж на свой вкус. Положением определялись правила езды по городу: предупреждать пешехода «криком» и не ехать несколькими экипажами в ряд, при езде держаться правой стороны и т.д.

Извозным промыслом не имели права заниматься мужчины, не достигшие 21 года и старики.

С левой стороны на груди извозчик обязан был пришить знак, который ему выдавал староста биржи. Правила также предусматривали, в каких случаях извозчик не должен требовать плату за проезд: «по требованию полиции отвезти пьяных, заболевших, умерших и участвовать в поимке подозрительных и беглых людей, а во время пожаров отвозить на место пожара полицейских чиновников». Извозчиков обязывали постоянно иметь при себе данное постановление и приложение к нему: «Такса на взимание легковыми извозчиками в г. Задонске плату за езду по городу», которая была впервые принята 8 марта 1877 года, а затем принималась 23 декабря 1878 года, 17 сентября 1893 года и затем была принята 11 мая 1909 года [19. С. 39].

По Постановлению вводилась дифференцированная оплата проезда. За каждый час езды по г. Задонску пассажир платил 30 копеек. Во время праздников Рождества Христова и Пасхи каждый час обходился пассажиру 75 копеек. После 12 часов ночи в один конец платили – 25 копеек, а за час езды – 50 копеек [19. С. 39].

Извозчики г. Воронежа были не только городскими жителями, но и выходцами из сел, расположенных в его окрестности. Например, из сел Старая Ведуга, Нижняя Ведега и Орехово Землянского уезда; Придача, Монастыршенка, Ямное и др. Воронежского уезда [20. С. 19].

В городе Воронеже работа извозчиков была регламентирована по времени, расстоянию и официальной таксе за проезд, в зависимости от типа экипажа (одноконный или пароконный). Объединившись в корпорацию, извозчики делись на четыре части. Каждая из них имела свое место для стоянки: первая – на площади у Митрофановского монастыря, вторая – близ Зимнего театра, третья – на Конной площади и четвертая – на Поповом рынке

(на площади). Кроме этого извозчики постоянно стояли у гостиницы Шванвича [21. С. 126-263]. Если принять во внимание фотоматериалы начала XX века (фотооткрытки), то подобная стоянка была на площади у Центрального железнодорожного вокзала (Воронеж I). Место стоянки называлось извозчицкой биржей. Работники каждой биржи избирали из своей среды биржевого старосту, который должен был следить за очередностью посадки пассажиров и разбирать конфликты между членами корпорации, прикрепленными к данной бирже и т.д.

Городские извозчики были двух типов: первый – извозчик-хозяин, работавший на себя, он имел лошадей, экипаж и квартиру; второй – извозчик-наемник, который ничего не имел, он отдает хозяину определенную сумму от дневной выручки, все что заработал сверх того оставлял себе. Рабочий день начинался в 8 часов утра, это время, когда извозчик обязан быть на бирже. Возвращался он в 2 часа пополудни, чтобы накормить лошадей и дать им отдых. В 16 часов он вновь выезжал на работу и возвращался в 23 часа. Следовательно, он бывал на бирже 13 часов в сутки, из них он был занят пассажирами не более 10 часов.

Желающих заняться такого рода работой было достаточно много, так в 1864 году городская Дума выдала 301 паспорт на право заниматься перевозом пассажиров в пределах города Воронеже, а уже год спустя в 1865 году было выдано 344 таких документа [21. С. 126-263].

Заработки извозчика регламентировались таксой, утвержденной городской Думой. В 1865 году стоимость проезда на извозчике в черте города равнялась 20 копейкам в час и 15 копейкам серебром в один конец. В предпраздничные дни за один час брали от 50 копеек до 1 рубля серебром. По данным губернского Статистического Комитета извозчик в 60-е годы XIX века за 13 часов зарабатывал в среднем 2 рубля серебром, а в год от 600 до 700 рублей серебром. Для сравнения степени доходности этого промысла сравним с ценами на экипаж и другие принадлежности, необходимые для занятия этим видом деятельности. В 1861 году стоимость пролетки составляла около 75 рублей, сбруя и другие вещи 70 рублей. Итого 145 рублей серебром [22. С. 3]. В первый год своего промысла извозчик, работающий по найму, мог накопить только на покупку экипажа и собственных принадлежностей, так как отдавал большую часть заработка хозяину. Кроме того, он должен был платить за квартиру (жилой угол). Чаще всего это был угол в семье рабочих и находился в подвальном или полуподвальном помещении. Оплата за жилье обходилось семье рабочего 3-4 рубля в месяц, данных о стоимости «жилого угла» для извозчика не сохранилось. Однако траты на питание составляли значительные суммы, только килограмм ржаного хлеба стоил в то время 5 копеек [23. С. 310-311]. В месяц на свои нужды он мог потратить лишь 1 рубль 60 с половиной копеек. За второй год извозчик мог заработать 100 рублей серебром годовой прибыли [24. С. 263].

В начале XX века такса для легковых извозчиков увеличилась. Экипажи извозчиков делились на одноконные и пароконные, в зависимости от этого устанавливается цена за проезд. Новые цены утверждались городской Думой и публиковались в Памятной книжке Воронежской губернии, а также периодической печати. За один час езды в одноконном экипаже стоимость проезда составляла 40 копеек, а на пароконном – 60 копеек. Сверх одного часа езды до 12 часов ночи в одноконном – 50 копеек, в пароконном – 75. После полуночи такса за проезд также повышалась. Городская Дума расписала тарифы за доставку пассажиров с поклажей и без нее на пассажирские и товарные вокзалы, на скотобойню, городскую больницу, Ботанический сад в дневное и ночное время. По таблице расписания цен на услуги извозчиков, можно сделать вывод о том какие маршруты пользовались наибольшей популярностью у горожан. К этому периоду времени относится появление новой стоянки извозчиков – у моста Яхт-Клуба [25. С. 108].

В Воронеже кроме легковых пассажирских извозчиков на стройках города работали технические извозчики, перевозившие строительные материалы. Они жили в пригородах, но их работа носила сезонный характер (с весны по осень). Наряду с этим, развивается

водовозный промысел, чему способствовали местные условия: во-первых, вся нагорная часть значительно удалена от реки, а колодцев на территории города мало; во-вторых, съезды к реке были очень крутыми и редко кто даже имеющий лошадей решались на самостоятельную доставку. Водовозный промысел был весьма прибыльным занятием, поскольку обеспечение горожан водой стоило дорого. Цены, за доставку воды были различными и менялись в зависимости от места доставки и времени года. Так, на линии, близкой к реке (по всему полугорью) доставка в день одной бочки (размером 20 ведер) ежемесячно стоила от 1 рубля 50 копеек до 2 рублей. В хорошую погоду цена бочки была 6 копеек серебром, в дурную же погоду, весной и осенью от 10 до 25 копеек серебром. За подвоз воды в верхнюю часть города ежемесячная оплата была от 3 до 4 рублей, одна бочка обходилась от 12 до 15 копеек серебром. Водовозным, так же как и извозным промыслом занимались наряду с мещанами, крестьяне прилегающих к городу слобод и сел. Они снимали квартиры по цене от 1 рубля до 1 рубля 50 копеек в месяц и доставку воды или оплату квартиры, плюс одну доставку воды и чистку двора.

Ежедневно из реки Воронеж для удовлетворения бытовых потребностей горожан вывозится 40 тысяч ведер. По данным губернского статистического комитета ежедневно город платил за воду 120 рублей серебром, а годовая сумма была равна 43 тысячам 800 рублям серебром.

В течение дня один водовоз доставлял из реки 12 бочек. Если брать за основу данные Памятной книжки на 1865-1866 гг. о потреблении в день 2 тысяч двадцативедерных бочек, то можно подсчитать в среднем число водовозов в городе Воронеже, их количество составляло 166 человек. Это данные только о бытовом потреблении воды и не включают в себя технические потребности, которые в городе с развитой промышленной инфраструктурой были весьма обширны.

В заключении хотелось бы отметить, что во второй половине XIX – начале XX вв. в результате череды реформаторских преобразований в России активизируются рыночные отношения, что постепенно приводило к разрушению крестьянской общины. Требования экономической целесообразности заставляли крестьян искать заработки вне своего села, чтобы уплатить государственные, земские и помещичьи сборы. Крестьяне-отходники создавали рынок дешевой рабочей силы, как на территории Воронежской губернии, так и за ее пределами. Одновременно с этим шел процесс становления городского коммунального хозяйства на основе привлечения части сельского населения к работам по обслуживанию горожан водой, транспортом, поддержанию в порядке дорог, мостов, улиц и т.д. Земства со своей стороны оказывали большое влияние на развитие местной артельно-промысловой деятельности, что в дальнейшем явилось основой для формирования инфраструктуры строительной, дорожной и других отраслей экономики.

Библиографический список

1. **Фурсов, В.Н.** Крестьянское движение в Воронежской губернии в 60-70 годы XIX века (социально-психологические аспекты) / В.Н.Фурсов – Воронеж: Изд. ВГУ, 1984. – С.22.
2. **Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год IX Воронежская губерния.** Тетрадь 2 (последняя). – Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – С.2-4.
3. **Перепелицын, А.В.** Крестьянское хозяйство Центрально-Черноземных губерний России в пореферменный период / А.В.Перепелицын, В.Н. Фурсов. - Воронеж, 2005. - С. 167-188.
4. **Щербина, Ф.** Воронежское земство 1865-1889 гг. Историко-статистический обзор / Ф. Щербина – Воронеж: Изд. Воронеж. Губернского Земства, 1891. – С.10-11.

5. **Гельфер, А.** Очерк развития дорожного и мостостроительного дела в ведомстве путей сообщения./ А. Гельфер - Т.И. - Спб., 1911. - С. 32.
6. **Мейн, В.** Обзор России в дорожном отношении / В.Мейн. - М., 1900. - С. 376-378.
7. **Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Задонский уезд.** – Т.4. – Воронеж, 1887. – С. IV.
8. **Россия. Полное географическое описание нашего Отечества для русских людей.** Средне-Русская Черноземная область / под. Ред. В.П.Семенова. – Т. 2. - С-Петербург, 1902. – С. 265.
9. **Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год IX Воронежская губерния.** Тетрадь 2 (последняя). Таблица «Распределение населения Воронежской губернии по важнейшим видам главных занятий». – Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – С. 250-251.
10. **Там же.** Таблица XXII. – С. 226.
11. **Воронежский государственный архив Воронежской области (далее ГАВО).** Фонд И-20, опись 1, дело 6806, л.3.
12. **Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год.** Отд. II статистический. – Воронеж: Изд-во Воронеж. губернского стат. комитета. – 1892. - С. 18.
13. **Памятная книжка Воронежской губернии на 1899 год.** Отд. II статистический. – Воронеж: Изд-во Воронеж. губернского стат. комитета. – 1898. - С. 19.
14. **Памятная книжка Воронежской губернии на 1900 год.** Отд. II статистический. – Воронеж: Изд-во Воронеж. губернского стат. комитета. – 1899. - С. 17-18.
15. **Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год.** Отд. II. Статистический обзор за 1914 год. – Воронеж: Изд-во Воронеж. губернского стат. комитета. - С. 27-28.
16. **Прелешин, В.А.** Кустарные промыслы в Воронежской губернии. Съезд деятелей по кустарной промышленности в СПб / В.А.Прелешин. – 1902. – С.22.
17. **Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год IX Воронежская губерния.** Тетрадь 2 (последняя). – Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – С. 2-3.
18. **ГАВО.** Фонд И-21, опись 1, д. 2, л. 49.
19. **ГАВО.** Фонд И-21, опись 1, д. 2, л. 39.
20. **Отхожие промыслы в Воронежской губернии** (материалы для санитарной их характеристики. Н.И. Тизяков – санитарный врач Воронежского губернского земства). **Памятная книжка Воронежской губернии на 1903 год.** – С. 19.
21. **Памятная книжка Воронежской губернии на 1865-1866 гг.** Ремесленная и промысловая деятельность. Справочно-статистический отд. IV. – Воронеж: Изд-во Воронеж. губернского стат. комитета. – 1864. – С. 126-263.
22. **Газета «Воронежские губернские ведомости».** – 1861 г., №22.
23. **Очерки истории Воронежского края.** – т.1. – Воронеж: ВГУ, 1961. – С. 310-311.
24. **Памятная книжка Воронежской губернии на 1865-1866 гг.** Ремесленная и промысловая деятельность. Справочно-статистический отд. IV. – Воронеж: Изд-во Воронеж. губернского стат. комитета. – 1864. – С. -263.
25. **Памятная книжка Воронежской губернии на 1901 год.** Статистический обзор губернии за 1900 год. - Отд. I. - Воронеж: Изд-во Воронеж. губернского стат. комитета. - №10. – С. 108.

УДК 908

*Воронежский институт экономики и
социального управления.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Н. А. Поташкина.
Россия, г. Воронеж, тел. (473)220-15-77;
e-mail: pota24@mail.ru*

*Voronezh Institute of Economics and
Social Management.
PhD in History, assistant professor of humanities and
social sciences
N. A. Potashkina.
Russia, Voronezh, tel. (473)220-15-77
e-mail: pota24@mail.ru*

Н. А. Поташкина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ ВОРОНЕЖСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

В статье рассматривается первый этап деятельности Воронежской ученой архивной комиссии (ВУАК) по исследованию исторических древностей края. Автор приходит к выводу, что исследование исторических древностей края наряду с археографической работой стало одним из основных направлений деятельности Воронежской ученой архивной комиссии сразу после ее открытия на рубеже XIX-XX вв.

Ключевые слова: ВУАК, древности, археологические экскурсии, раскопки, археологическая карта, XII Археологический съезд.

N. A. Potashkina

ARCHAEOLOGICAL TOURS OF VORONEZH SCIENTIFIC ARCHIVE COMMISSION

The article considers the first phase of the Voronezh Scientific Archive Commission (VSAC) research activity of regional historical antiquities. The author comes to the conclusion that the study of regional historical antiquities along with the archeographic work became one of the main activities of the Voronezh Scientific Archive Commission immediately after its foundation at the turn of XIX-XX centuries.

Key words: VSAC, antiquities, archaeological tours, excavations, archaeological map, XII Archaeological Congress.

Губернские учёные архивные комиссии были учреждены Министерством внутренних дел 13 апреля 1884 г., сначала в виде опыта в четырех губерниях — Тамбовской, Тверской, Рязанской и Орловской. Их появление было обусловлено необходимостью архивного строительства на местах. Инициатором учреждения архивных комиссий был сенатор Н.В. Калачов, устройством и наблюдением за их деятельностью занимался созданный им же в г. Санкт-Петербурге Археологический институт. Впоследствии архивные комиссии учреждались по соглашению директора Археологического института с местным губернатором и утверждались министром внутренних дел.

Организационное устройство и основные направления деятельности архивных комиссий определялись разработанным Академией наук «Положением о губернских исторических архивах и ученых архивных комиссиях», оно было положено в основу циркулярного сообщения товарища министра внутренних дел губернаторам [1. Отдел III. С. LXI-LXVIII]. Согласно этим документам, членами ученых архивных комиссий могли быть как служащие, так и «не состоящие на службе в губернии лица», могущие «быть полезны Комиссии своими познаниями и усердием к делу». На комиссии возлагалось «собрание и приведение в известность архивных дел и документов, не требующихся для текущего

делопроизводства, но важных в научном отношении»; кроме этого комиссии могли «включать в круг своих занятий разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины» [Там же. С. LXI, LXIV]. Таким образом, архивные комиссии представляли собой синтез архивных органов и научно-исследовательских обществ. Выполнение возложенных на них задач долгое время было затруднено отсутствием четких организационно-правовых основ деятельности ГУАК, особенно отсутствием регулярных источников финансирования и зависимостью от местной администрации.

Воронежская ученая архивная комиссия (ВУАК) была открыта 1 декабря 1900 г. Немного позже – 31 января 1901 г., состоялось открытие Церковного историко-археологического комитета (ВЦИАК). С.Е. Зверев в заседании ВУАК 11 декабря 1900 г. заявил: «С открытием в Воронеже двух археологических обществ — архивной комиссии и церковного археологического комитета, начинается новая эра в деле изучения нашего края в археологическом отношении» [Там же. С. XI]. В «Московских ведомостях» была помещена статья, перепечатанная затем «Воронежским телеграфом», в которой высказывались опасения, что почти одновременное возникновение в Воронеже двух организаций, состоящих из одних и тех же «членов-работников», ранее «объединявшихся в качестве членов губернского статистического комитета», и решающих сходные задачи, приведет к раздробленности этих учреждений [2]. На наш взгляд, обществам удалось этого избежать и наладить плодотворное взаимодействие на самых разных направлениях. ВУАК и ВЦИАК сотрудничали при организации музейных выставок, при подготовке к всероссийским археологическим съездам, обменивались информацией, устраивали совместные заседания. Возможно, условия, могущие, по мнению автора статьи, привести к раздробленности, как раз помогли ее избежать.

ВЦИАК ставило своей целью изучение церковно-религиозной жизни воронежского края. Специальными исследованиями светских древностей церковный комитет не занимался, они изредка попадали в сферу внимания членов ВЦИАК в первые годы его существования. В 1901 г. в Комитете на основе «Записки для обозрения русских древностей» И.П. Сахарова (1851) была разработана программа для историко-статистического описания епархии, в которой требовалось описывать остатки церковных и «общих древностей» — курганов, городищ, валов, пещер и проч. [3. Отдел II. С. 6, 46] (собранные сведения были впоследствии использованы Л.М. Савеловым для дополнения археологической карты [4. Отдел III. С. II]). При ВЦИАК существовал музей (располагался вместе с архивом и библиотекой в нижнем этаже здания Духовной Консистории), в котором также долгое время хранились различные светские древности. С.Е. Зверев даже высказывал обеспокоенность тем, что таким образом приращение музеев будет затруднено, и предлагал «в целях лучшего будущего для местных музеев» установить между ними «обмен поступлений по специальностям» [5. С. 3-4]. Светские древности доставляли в музей различные жертвователи и священники. Из последних в отчетах ВЦИАК чаще других упоминаются священники Павловского уезда И. Суринов и Д. Попов. Так в отчете Комитета за 1902 год заведующий музеем Т.С. Рождественский сообщил: «Из вновь поступивших пожертвований нельзя не отметить, как особенно ценные для музея... весьма интересные коллекции разных предметов из древнего могильника и с полей сел Буйлова и Горохова Павловского уезда, доставленные священниками Д. Поповым и И. Суриновым. В состав этих коллекций входят каменные ножи и наконечники стрел, черепа из могильника, древние глиняные сосуды (в целом виде и в черепках с разнообразными орнаментами), костяные предметы (с изображением оленя), женские украшения (части ожерелий, серьги), бронзовые и железные наконечники стрел, принадлежности конской сбруи, обломки сабель, часть кольчуги, пушечные ядра из затонувшего когда-то на Дону судна, татарские монеты и пр.» [6]. Некоторые из этих предметов участвовали в выставке XII Археологического съезда в Харькове. Все эти древности заведующий музеем записывал отдельно от церковных вещей — «инвентарь светский», в особую книгу с обозначением всех данных. В 1906 г. на заседании ВУАК 30

ноября С.Е. Зверев продемонстрировал светские древности, собранные в музее ВЦИАК — «фрагменты посуды, каменные орудия, наконечники стрел, бронзовые предметы — браслеты, бусы, фибулы, металлическое зеркальце и проч., монеты, этнографические предметы», и сообщил, что «по взаимному соглашению вещи передаются в губернский музей в обмен на памятники церковной старины» [7. Отдел III. С. LXXXIII].

ВУАК среди «всяких других памятников старины» наиболее активно занималась исследованием археологических (в современном значении термина) древностей — составлением археологической карты губернии, обследованием мест случайных находок, осмотром и описанием городищ, раскопкой курганов.

В ее деятельности по изучению древностей края можно выделить два этапа: первый — до 1904 г., когда ВУАК не проводила самостоятельных исследований как организация в ожидании приезда столичных специалистов для обучения необходимым в этом деле навыкам и умениям, раскопки производились некоторыми членами Комиссии по личной инициативе; второй — с 1904 г. по 1917 г. — когда Комиссия с одобрения центральных археологических организаций страны ежегодно проводила археологические экскурсии по губернии с целью нанесения добытых сведений на археологическую карту и раскопок. Данная статья посвящена первому из упомянутых этапов.

На первом заседании ВУАК избранный товарищем председателя Л.М. Савелов обозначил как главную цель комиссии — воссоздание истории воронежского края [1. Отдел III. С. I-III]. Достигнуть этой цели невозможно, по его мнению, без исследования материальных древностей, особенно когда речь идет о самых ранних периодах истории края. Появление письменных документов не отменяет необходимости изучать вещественные памятники; только совместная работа археологов, археографов и этнографов позволит в полной мере решить эту задачу. С этой же целью комиссия «должна озаботиться составлением музея» с историко-археологическим отделом.

По поводу музея в этом же заседании было решено обратиться к общему собранию ВГСК с просьбой: «не изменяя настоящего характера существующего музея, и, сохраняя настоящую его администрацию, соединить музей, при нем библиотеку и архив с возникшей архивной комиссией» края [Там же. С. VI]. Но постановление статкомитета о передаче музея ВУАК было принято только в 1913 г., видимо, полагали, что музею лучше оставаться при официальном учреждении.

Некоторые конкретные задачи перед местными исследователями поставил первый председатель комиссии Е.Л. Марков, прочитавший в заседаниях ВУАК в первый год ее существования три интереснейших доклада. На втором заседании 11 декабря 1900 г. он прочитал реферат «Древние татарские шляхи Воронежской губернии» (подзаголовок — «Программа для некоторых археологических исследований местного края»), посвященный выяснению историко-археологического значения старинных шляхов Воронежской и Курской губернии [1. Отдел I. С. 36-51]. Летописи и исторические акты сохранили названия и подробные описания главных старинных шляхов — Кальмиусского, Муравского, Изюмского. «По этим драгоценным указаниям — пишет Е.Л. Марков, — было бы в высшей степени интересно проследить на местах уцелевшие отрывки древнего шляха... и восстановить таким образом в большей полноте его направление, хотя бы по теперешней Воронежской и Курской губернии, приводя в известность возникшие на этом пути поселения, описывая сопровождающие этот путь могильные и сторожевые курганы, земляные валы и городища, уясняя названия бродов, лесов и других урочищ, несомненно имевших немалое значение в былое время...» [Там же. С. 41].

О том, какое важное значение придавалось в древней Руси этим шляхам, свидетельствует «всесторонне обдуманная и чрезвычайно практичная» система защиты южных государственных рубежей: все значительные татарские шляхи при первых царях дома Романовых были перерезаны поперек земляными валами. Е.Л. Марков обследовал на месте остатки «черты земли государевой», воздвигнутые «наперерез излюбленному

татарскому пути» — Кальмиусской сакме и ее боковым ответвлениям по берегам рек Валуга и Тихой Сосны в Валуйском, Бирюченском и Острогожском уездах (Ливенское, Ольшанское, Усердское и Верхосоенское городища и земляные валы — Ливенский, Ольшанский, Иловский и Верхососенский). Он сделал доклад «Валы защитной черты на реке Тихой Сосне» [4. Отдел I. С. 115-142] в заседании ВУАК, составил карту обследованной местности и нанес на нее Кальмиусскую сакму (к сожалению, карта не была опубликована в «Трудах» ВУАК, как предполагалось). По мнению Е.Л. Маркова, было бы «крайне необходимо проследить также на месте остатки старой защитной черты в других местностях нашей губернии, например между Острогожском и Коротояком, около бывшего г. Платова, около сел Старого и Нового Уколова и Владимировки и проч., где несомненно также существуют следы древних валов и городищ» [Там же. С. 141].

Еще один реферат Е.Л. Марков посвятил такому любопытному жанру фольклора как кладовые «росписи», появлявшимся время от времени в тех местностях, где ходили предания о разбойниках. На создание реферата «Клады Старой Северщины» (подзаголовок — «Местные заметки на древнюю рукопись о кладах» [8. Отдел III. С. 1-18]) Е.Л. Маркова подвигла «грамота о кладах», найденная случайно в бумагах помещика Щигровского уезда Курской губернии. Он призвал «сохранить и донести до читающей публики — эти немногие отрывки старой географии и старой внутренней истории родной нам земли» [Там же. С. 18].

Е.Л. Марков в своих рефератах наметил программу исследований на длительную перспективу, а до лета 1902 г. работа велась в русле подготовки к XII Археологическому съезду в г. Харькове. Сведения из губернии по программам харьковского предварительного комитета поступали непосредственно в комитет, в статистический комитет (ВГСК) и ВУАК. Кроме того, для сбора сведений о каменных бабах губернии ВУАК обратилась к содействию учителей. В начале мая 1901 г. были получены ответы с рисунками; сведения были перепроверены и с рисунков перед отсылкой в предварительный комитет сделали снимки «в целях местной разработки подобного материала кем-либо из членов комиссии» [1. Отдел III. С. LIX-LX]. Ответы, хранившиеся в архиве Воронежского областного краеведческого музея, опубликовал А.Ф. Шоков [9. С. 136-139]. Из Бирюченского уезда сообщили о шести каменных бабах. В документе есть четкий штриховой рисунок всех изваяний и содержится краткое их описание. Еще две каменные бабы, по сообщению, находились в слоб. Марьевке Острогожского уезда в саду помещицы Щербатовой; к сообщению приложен карандашный рисунок изваяний. Информацию о каменных бабах близ с. Татарки сообщил ВЦИАК (в архивном фонде С.Н. Замятнина хранится фотография четырех каменных баб, на которой отмечено, что они были переданы Воронежскому губернскому историко-культурному музею в числе собраний ликвидированного после революции музея ВЦИАК [10. Л. 258]).

Сведения о древностях Новохоперского уезда поступили в ВУАК от учителя городского училища В.В. Литвинова, ставшего впоследствии активным членом Архивной комиссии, известным воронежским библиографом, главным хранителем губернского музея (с 1910 г.) [4. Отдел III. С. V].

Сообщение о курганах Воронежской губернии с «тремя выкопировками с карты Воронежской губернии десяти верстного в дюйме масштаба» с обозначением курганов и городищ отправил в Харьковский предварительный комитет известный этнограф Б.С. Познанский, проживавший в Острогожске [11. Т. I. С. 179-180]: карта части Коротояцкого уезда, на которую нанесена группа курганов на левом берегу р. Потудани недалеко от с. Солдатского; карта северной части Павловского уезда «с обозначением древностей расположенных вдоль упраздненной почтовой дороги на Саратов между селами Шестаково и Нижний Кисляй» — «глыбы сиенита», лежащей на горе у дороги, парных курганов, расположенных с двух сторон дороги напротив друг друга, около подошвы одного из них лежала «очевидно, сверженная с кургана каменная баба», и двух курганов у р. Мечетки, на одном из которых, автор находил «много кусков изразцов разноцветных и гвоздей»; карта окрестностей г. Павловска с нанесенными на нее «ясными остатками укреплений времен

Петра I» в самом городе, горой «Тахтаркой», расположенной «островом на лугу» недалеко от города («на горе видны следы окопов и дорог (спусков вниз)»), и курганами и «остатками каких-то укреплений» при р. Гавриле.

Сведения, собранные в ВГСК, представил предварительному комитету воронежский губернатор П.А. Слепцов [11. Т. II. С. 559-561]. В них сообщалось: о случайном разрытии в 1870 г. кургана в с. Волоконовка Валуйского уезда, «где найдены из красной глины сосуды в форме цветочных горшков»; о курганах на левом берегу р. Волчьей Борисовской волости и находке «каменного молотка» в Острогожском уезде; о находке остатков мамонта при рытье колодца в имении В.А. Резцова в Бобровском уезде (отосланы в Московский университет); о курганах в Солдатской и Ясеновской волостях Ниднедевицкого уезда, близ с. Богатырева Землянского уезда и близ сел Ильмень и Пески Новохоперского уезда; о раскопках кургана в с. Мазурки Новохоперского уезда, на земле П.А. Чицова.

Труд по составлению археологической карты Воронежской губернии взял на себя товарищ председателя комиссии Л.М. Савёлов. В заседании 11 декабря 1900 г. он предложил программу, по которой должны быть собираемы сведения: разослать по уездам опросные листы, использовать материалы уже имеющиеся в ИМАО, ИАК, ЦСК и других столичных и местных учреждениях, обратиться за «полезными указаниями» к тем, кто занимался ранее изучением губернии. ВУАК обратилась за содействием к неперемемному попечителю комиссии губернатору П.А. Слепцову, и он специальным циркуляром (от 20 декабря 1900 г.) поручил собирание таких сведений земским начальникам. Требуемые сведения предоставили только треть земских начальников. Ответы на циркуляр помогал разбирать В.Д. Языков. На основе этих донесений Л.М. Савелов составил реферат «Расположение курганов и городищ в Коротоякском уезде», прочитанный им в заседании комиссии 14 декабря 1901 г. и опубликованный затем в «Трудах» ВУАК [1. Отдел I. С. 115-121]. По форме он представляет собой пояснение к карте, впоследствии, на этом материале и была создана археологическая карта Коротоякского уезда. Этот же материал лег в основу доклада Л.М. Савелова на XII Археологическом съезде в Харькове. В реферате Л.М. Савелов отметил, что, по его мнению, большинство курганов являются «чисто сторожевыми», так как почти все они расположены на высоких местах, «служивших прекрасными обсервационными пунктами» [Там же. С. 115]. В основном они тянутся вдоль рек уезда — Хворостани, Дона, Девицы, Потудани; особенно много их в северо-восточном углу уезда по Дону и Хворостани и между ними. Из городищ на Дону Л.М. Савелов отметил: «Гольшевское» городище со следами бывших укреплений «в виде трех рядов валов», где, по народному преданию, были находимы «серебряные монеты треугольной формы»; городище близ села Сторожевого, «состоящее из трех валов»; курган, около которого «тянется полукружием вал, имеющий длину около 200 сажень» в урочище «Городище» недалеко от Старой Хворостани»; меловой вал «Городище» при впадении Потудани в Дон, в урочище «Попова яруга»; курган, «имеющий форму городища» на правом берегу Потудани «в 8 верстах от Коротояка». По выслушивании реферата, членами комиссии были высказаны некоторые замечания: указали на необходимость собирать народные предания, связанные с курганами; С.Е. Зверев предложил дополнить сведения материалами, собираемыми ВЦИАК по особой программе для описания епархий.

«Специальных археологических исследований» в период подготовки к съезду ВУАК не предпринимала. Комиссия обращала внимание на случайные археологические находки; некоторые члены Комиссии производили раскопки «по собственной инициативе». В заседании архивной комиссии 27 сентября 1901 г. С.Е. Зверев сообщил о случайных археологических находках на даче г. Кузнецова: в 1899 г. при вскапывании рабочими земли вблизи вала Хазарского городища был вырыт хорошо сохранившийся костяк с правильным круглым («брахицефалическим») черепом, возле которого найдены были: наконечник железного копья, шесть железных наконечников стрел, несколько многогранных глиняных пряслиц и хорошо обожженный черный глиняный сосуд с широким плоским дном и узким

горлышком (все предметы Кузнецов принес в дар музею) [1. Отдел III. С. XXXVI-XXXVII]. 1 сентября 1901 г. С.Е. Зверев и хранитель музея А.Л. Дольский осмотрели дачу Кузнецова: место погребения было перерыто землекопами под огород, поэтому точных сведений о положении костяка и расположении предметов узнать не удалось. Разведочные раскопки установили только факт погребения.

«По собственной инициативе» произвели раскопки члены комиссии В.Н. Тевяшов и М.П. Трунов. В.Н. Тевяшов в 1900 и 1901 гг. раскопал семь курганов в могильнике близ с. Владимировка Острогужского уезда в имении г. Полякова [1. Отдел I. С. 93-114]. Предполагались раскопки и в 1902 г., от ИАК был получен открытый лист, но занятый археографической работой В.Н. Тевяшов не смог им воспользоваться. Предваряя отчет, В.Н. Тевяшов писал: «Лишенные научной подготовки и практической опытности в деле археологических изысканий, но при запасе любознательности и познакомившись с описаниями исследований древних памятников известными археологами, мы решились сделать не научное исследование, а лишь подготовительные к нему раскопки... При производстве таких раскопок мы строго придерживались принятых на себя правил: производство работы только под личным своим наблюдением, записывать шаг за шагом ход работ и местонахождение всякой, извлеченной из земли вещи, как бы она не казалась незначительной, с производством промеров при этом, и затем сохранить в возможной целостности все, найденные при раскопках предметы, сняв с них рисунки» [Там же. С. 94]. К отчету приложены план курганной группы, разрез одного кургана по длине траншеи с указанием послойного снятия всех находок, вид сверху трех курганов, рисунки найденных древностей. Среди находок — три наконечника копий, кинжал, две бронзовые спиральки, «небольшой бронзовый предмет в форме фригийской шапочки», кремневый скребок, древесный уголь и зола, большое количество черепков и более 20 различных горшков «с плоскими днами»; среди орнаментальных мотивов на одном горшке был встречен знак свастики. Найденные вещи хранились сначала при делах комиссии, затем в губернском музее. Исследователем отмечена очень плохая сохранность костяков; лучше всего сохранившийся череп из кургана № 8 послали для антропологического исследования в Императорскую Военно-Медицинскую Академию. Экспертиза установила, что «означенный череп причисляющийся к категории коротко- и высокоголовых, принадлежал мужчине пожилых лет» [Там же. С. 111, 114]. Продолжение раскопок «в однородных могильниках, разбросанных в недалеком друг от друга расстоянии в одной и той же местности, образуемой течением рек Дона и Битюга, — по словам В.Н. Тевяшова, — должно нам представить картину расселения и культурности одноплеменной пастушеской народности, населявшей данную местность в отдаленные доисторические времена, и смены этой народности другою, последовавшей за нею в эту местность и поглотившей ее своею сравнительно более высокой культурностью» [1. Отдел I. С. 111].

М.П. Трунов провел археологические исследования в Бобровском уезде в августе 1901г.: раскопал два кургана у села Новый Буравль (или Сафоновка) в Мечетской волости и «осмотрел в археологическом отношении» местность «в восьми верстах от с. Новый Буравль» на земле крестьян с. Мечетка. Краткий вариант отчета был опубликован в протоколах заседания ВУАК [1. Отдел III. С. XL-XLII], более подробный содержится в рукописном отчете об исследованиях в 1902 г. [10. Л. 2-15]. В курганах у с. Новый Буравль М.П. Трунов обнаружил «два разнородных погребения: 1-древнее, скелет в сидячем положении, и 2-более позднее, в гробу, с предметами византийской эпохи» — «золотая серьга из тонкой проволоки в форме двух колец», «железная пряжка и небольшой кусочек тонкой плоской проволоки, согнутой по плоскости (в форме гофрировки)», кусок парчи, «чашка из какого-то белого металла с примесью меди» [1. Отдел III. С. XLI]. Находки было решено отправить в ИАК вместе с ходатайством о выдаче открытого листа на 1902 год. Неизвестно, было ли это сделано, так как ныне в экспозиции Воронежского краеведческого музея выставлена серебряная чаша из раскопок М.П. Трунова (год раскопок неверно указан

как 1902 г., нет сведений и в какой местности найдена чаша); может быть, вещи вернули из ИАК в Воронеж, хотя обычно наиболее интересные предметы не возвращали.

При осмотре «в археологическом отношении» местности на земле крестьян с. Мечетка М.П. Трунов обнаружил три кургана, два из которых носили название «каменные». Каменные курганы, по словам М.П. Трунова, «представляют собой развалины какой-то кирпичной постройки... попадаются куски изразцов синего, голубого, зеленого и белого цветов разнообразных форм и рисунков»; бывший управляющий Императорским фарфоровым заводом определил их как монгольские изразцы [Там же. XLII].

Раскопки в Бобровском уезде М.П. Трунов продолжил в 1902 г.; кроме того, было обследовано Маяцкое городище в Острогожском уезде. В ИАК был отправлен отчет об исследованиях за два года [10. Л. 2-15; 4. Отдел III. С. XXXIII-XXXV]. В Бобровском уезде были раскопаны: два кургана в окрестностях с. Новый Буравль — найдено захоронение в срубке в сидячем положении, около головы горшок грубой работы, без орнамента; в кургане на земле крестьян с. Новопокровки, близ станции Лиски не удалось обнаружить могилу, продолжение раскопок отложили на следующий год из-за начинавшейся пахоты, но оно не состоялось, так как М.П. Трунов уехал из Воронежа; один курган в группе из трех курганов близ хут. Складнева недалеко от с. Сергиевки Мартыновской вол. (у С.Н. Замятнина — близ станции Тойда [12. С. 14]) — обнаружены две могилы, в одной были найдены перемешанные кости человека, зуб лошади, два орнаментированных черепка близ головы, на костях обоих предплечий находились бронзовые браслеты в форме толстых проволок, сведенных концами на руках, и берцовая кость, тоньше и короче, найденных раньше, в другой — только кости нижних конечностей, а в углу — следы деревянных брусьев горизонтального положения.

Тема Маяцкого городища впервые в заседаниях ВУАК была затронута 27 сентября 1901 г. по поводу доклада В.Н. Тевяшова «Пещерные монастыри Острогожского уезда» [1. Отдел I. С. 52-71]. В докладе дано подробное описание городища. О времени его возникновения В.Н. Тевяшов полагал, что Маяцкое городище — укрепление древнерусское, сооружено до появления половцев в России; во время владычества половцев оно, как и «все бывшие славяно-русские укрепления» в нижнем течении Дона, были приспособлены половцами «к защите себя от войск русских князей»; а впоследствии оно использовалось крымскими татарами [Там же. С. 71].

11 марта 1902 г. в заседании ВУАК В.Н. Тевяшов доложил о находке близ Дивногорского монастыря на мельнице на р. Сосне: в январе 1902 г. крестьянин В. Боков в арендуемой им усадьбе нашел «медный топор с опущенным обухом и медный наконечник копья, украшенный по втулке елочным орнаментом» [4. Отдел III. С. 6-7; 13. С. 125]. При дальнейшем рассмотрении дела в этой же яме становой пристав нашел «два обломка позднейшего изразца с изображением зверей по бокам вазы», а у крестьянина обнаружился еще и медный перстень [14]. В газетной заметке сообщается, что, якобы, В. Боков «при этом же копании погреба... нашел узкий проход по направлению к монастырю» [15]. Находки были переданы Л.М. Савелову; затем направлены для определения в ИАК и возвращены в Воронежский музей. В одном из последующих заседаний ВУАК было доложено письменное сообщение крестьянина Ф. Бокова о преданиях, связанных с Маяцким городищем [4. Отдел III. С. XI]. Позднее, при проведении железнодорожными рабочими водоотводной канавы «на восток от городища, недалеко от края плоского рва» был обнаружен могильник, «принадлежавший, вероятно, обитателям городища»: «Могилы выступали по обоим сторонам канавы, высеченные в твердом меловом грунте. Вместе с костями людей и животных было выброшено из могил много черепков посуды, судя по обломкам, очень больших размеров по-видимому, больше ведра» [4. Отдел III. С. XXXIV; 10. Л. 9об.-10].

В мае 1902 г. Л.М. Савелов по личной инициативе провел раскопки на городище, в неглубокой впадине в северо-западном углу; о находках сообщает в отчете М.П. Трунов — много костей животных, черепки и два меловых камня, на одном из которых было высечено какое-то животное, похожее на собаку (на камни не обратили внимания и выбросили; камень

с рисунком сохранил и передал затем М.П. Трунову присутствовавший на раскопках местный мельник) [4. Отдел III. С. VIII; 10. Л. 7об.-8].

М.П. Трунов изучил находившиеся в Румянцевском и Публичном музеях в Москве бумаги и рисунки умершего художника Д.М. Струкова, обследовавшего Дивногорский монастырь и городище в 1897 г.; в заседании Комиссии 15 мая 1902 г. он сделал сообщение «О пещерных храмах Воронежской губернии по неизданным документам Д.М. Струкова» [4. Отдел III. С. VIII; 10. Л. 16-23об.]. В докладе развивается мысль Д.М. Струкова о тождестве воронежских пещерных храмов с римскими катакомбами и крымскими пещерами-храмами и о существовании христианства в воронежском крае уже в III-IV вв. н. э. Члены ВУАК с недоверием отнеслись к предположениям Д.М. Струкова. Этот же доклад М.П. Трунов представил XII археологическому съезду в Харькове (1902); извлечения из него были прочитаны в отделении церковных древностей его председателем проф. Н.В. Покровским, который также с сомнением отнесся к выводам Д.М. Струкова, поэтому доклад не был доложен на съезде [4. Отдел I. С. 153; 11. Т. III. С. 328].

Летом 1902 г. М.П. Трунов совершил три экскурсии на Маяцкое городище; он провел многочисленные замеры вала, рва, составил подробное описание местности, провел небольшие раскопки», доисследовал впадину, которую копал Л.М. Савелов [10. Л. 6-10об.]. Среди находок: кости животных, черепки, уголь, куски мелового камня и песчаника. На съезде в Харькове, после выслушивания сообщения А.М. Покровского о раскопках, произведенных им в Верхнем Салтово, М.П. Трунов высказал мнение, что можно попробовать сопоставить описанные остатки культуры, приписываемые хазарам, с развалинами каменного города на Маяцком городище [11. Т. III. С. 332].

Вместе с отчетом о раскопках 1902 г. М.П. Труновым были высланы в ИАК бронзовые браслеты из кургана у хут. Скляднева, горшок из кургана близ с. Новый Буравль и меловой камень с рисунком животного с Маяцкого городища [16. Л. 15].

По собственной инициативе проводил раскопки летом 1902 г. Л.М. Савелов. Кроме уже упомянутых раскопок на Маяцком городище, он раскопал несколько курганов в Коротоякском уезде: курган в окрестностях с. Горки, в нем обнаружил «небольшой камень со следами отделки и с какими-то правильно расположенными зарубками» и два кургана близ слоб. Репьевки, в одном из которых был «небольшой обделанный камень», а в другом — ничего (раскапывал курганы на небольшую глубину) [11. Т. I. С. 162, 166].

«Археологические наблюдения» в заинтересовавших их местностях провели члены комиссии А.А. Орлов и А.И. Милютин. А.А. Орлов — уездный член Курского окружного суда, провел археологический осмотр местности на берегах р. Оскол близ с. Шалаева Валуйского уезда [4. Отдел I. С. 143-146]. Он обследовал песчаные отложения — дюны, «на пространстве до одной версты» на берегах р. Оскол. Дюны, по его наблюдениям, были «усеяны осколками кремней и черепками битой посуды»: черепки из необожженной глины, орудия — скребла, наконечник копья «со следами обоя» — «характерные произведения человека палеолитического периода» [Там же. С. 143]. В песках, «примыкающих к старому руслу реки Оскола», был обнаружен «полный, хорошо сохранившийся скелет человека, а неподалеку валялись части разбитых (говорят, пастухами) человеческих же черепов». Описанное становище, как «чрезвычайно характерное» и «превосходно сохранившееся», по словам А.А. Орлова, нуждалось в охране. По выслушивании доклада члены Комиссии постановили обратиться «в видах охранения стоянки» за содействием в Валуйскую уездную земскую управу и к уездному исправнику; кроме того, подробные сведения о стоянке сообщили ИМАО «в видах производства специальных археологических изысканий в данной местности кем-либо из специалистов, по указанию Общества» [4. Отдел III. С. XVIII, XXXV-XXXVI]. Этот же доклад А.А. Орлов сделал на XIII археологическом съезде в Екатеринославле (1905) [17. Т.3. С. 106-109].

Александр Иванович Милютин А.И. был членом Комиссии по устройству губернского музея и членом ВУАК. Летом 1902 г. он после случайной находки фрагментов

глиняной посуды произвёл «археологические наблюдения» на городище близ с. Подклетного Воронежского уезда [4. Отдел III. С. XIX-XXII]. А.И. Милютин пишет: «От городища идет по направлению к с. Подгорному цепь курганов... Курганы почти все правильной полусферической формы... непрерывной цепью идут от с. Подклетного к с. Подгорному, близ которого они называются «Стрелицами» или «Частыми курганами»» [Там же. С. XX]. С противоположной стороны городища, тянулись, проходя чрез с. Подклетное до самого Дона, «продолговатые возвышенности... в несколько рядов, переплетаясь между собой». У подошвы курганов, на самих курганах, на продолговатых возвышенностях на берегу Дона исследователь обнаружил: большое количество черепков двух типов — от лепной необожженной или незначительно обожженной посуды и от гончарной керамики из лучшей глины, большей частью с грубым орнаментом; грузила из глины и камня; части черепа человека; кремневые осколки, части поделок, половина пряслица; куски разбитых на несколько частей круглых валунов; куски шлака; камни известняка, песчаника, гранитные валуны. А.И. Милютин проделал небольшое углубление в самом низком кургане, были обнаружены «разрубленные кости какого-то животного и черепки очень большого из черной глины необожженного горшка» [Там же. С. XXII].

По результатам исследования А.И. Милютин сделал вывод: «несомненно, что по р. Дону и его притокам в отдаленную уже эпоху была жизнь, и племена, одни других сменяя, занимали одни и те же излюбленные места» [Там же. С. XXII].

Сообщение А.И. Милютина возбудило вопрос об учреждении специальной комиссии по раскопкам в пределах Воронежской губернии из членов ВУАК, уже занимавшихся раскопками в одиночку [Там же. С. XVIII]. У нас нет сведений, была ли создана комиссия, но фактически исследования проводила более или менее постоянная группа лиц — М.П. Трунов, А.И. Милютин, С.Е. Зверев, В.Д. Языков, М.П. и М.К. Паренаго, А.Л. Дольский, позже к ним присоединился А.М. Мартинович.

В августе 1902 г. состоялся XII археологический съезд в г. Харькове. В заседаниях съезда от ВГСК, ВУАК и как частные лица участвовали Л.М. Савелов, С.Е. Зверев, В.А. Перелешин, М.П. Трунов, В.С. Преображенский, М.Д. Свербеев, В.Н. Тевяшов, А.М. Правдин, Т.С. Рождественский, Д.Г. Тюменев; воронежская делегация была самой многочисленной из губернских, за исключением харьковской. Свои впечатления о работе съезда изложил С.Е. Зверев в докладе на заседании ВУАК 27 сентября 1902 г. [Там же. С. XV; Отдел I. С. 147-157]. По мнению С.Е. Зверева, Воронеж не смог быть представлен на съезде «в надлежащей полноте современных местных историко-археологических данных», так как подготовка производилась «без опытного и специального научного руководства и направления, и без всяких материальных средств» [4. Отдел I. С. 151]. Несмотря на эти трудности, Воронеж выглядел на съезде достойно. Воронежские делегаты представили вниманию съезда две археологические карты (из шести намеченных Предварительным Комитетом к съезду карт губерний была составлена только карта Харьковской губернии и две воронежские). В заседании отделения древности славянские 23 августа Л.М. Савелов прочел свой реферат «Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении», демонстрированный археологической картой Коротоякского уезда и снимками с некоторых местностей, курганов и находок [11. Т. I. С. 158-167]. В основу доклада был положен реферат, изложенный в заседании ВУАК, который был дополнен сведениями об архитектурных памятниках, церковной утвари, древних книгах и др.; значительная часть сведений была проверена Л.М. Савеловым на месте. Но на карту были нанесены только археологические объекты: курганы (более 630), городища (12), майданы (3), валы, сторожи, колодези, пещеры, могилы, места находок каменных, бронзовых, железных и гончарных предметов, человеческих и мамонтовых костей, монет. Эта информация была нанесена на карту при помощи принятых в то время среди специалистов условных знаков. После съезда карту Л.М. Савелов подарил ВУАК, но не переставал работать над ней: в заседании ВУАК 2 декабря 1902 г. он вновь прочитал свой доклад, но уже со значительными изменениями: весь

материал был распределен по бассейнам рек и пополнен сведениями, добытыми после харьковского съезда [4. Отдел III. С. XVIII, XXVI]. Доклад с уменьшенной картой предполагалось напечатать в «Трудах» комиссии, но их третий выпуск так и не вышел из печати.

Археологическую карту всей Воронежской губернии представил съезду В.А. Перелешин. Карта была выполнена «в 3-х верстном масштабе», на основе сведений военно-топографического отдела Главного штаба. На карту были нанесены городища, курганы и Кальмиусская сакма по карте Е.Л. Маркова. Главным недостатком карты В.А. Перелешина было то, что на ней отсутствовала современная географическая номенклатура (нанесены были только названия городов), что серьезно затрудняло определение местоположения памятников. Именно на этот недостаток В.А. Перелешину указали на харьковском съезде; кроме того, проф. Б.А. Антонович указал, что на карту необходимо нанести места нахождения случайных находок, каменных баб, валов и пр. Председательница съезда графиня П.С. Уварова назвала карту В.А. Перелешина «опытом археологической карты» [11. Т. III. С. 395]. Под этим названием В.А. Перелешин прочел свой доклад в заседании ВУАК 11 ноября 1902 г.; ему было сделано то же замечание, что и на съезде, но большинство членов Комиссии поддержали докладчика, который считал излишним чрезмерное загромождение карты [4. Отдел III. С. XXIV, XXVI]. Карта и доклад не сохранились. Впоследствии члены ВУАК работали над составлением описательного приложения к карте, первоначально по памятникам Воронежского уезда [17. С. 188].

По мнению С.Н. Замятнина, обе карты страдали еще одним существенным недостатком — они совершенно не использовали существовавшую литературу о древностях Воронежской губернии, как печатную так и рукописную, и коллекции древностей [18. С. 44]. Археологическая карта Воронежской губернии в дореволюционный период так и не была составлена. Есть информация, что члены ВУАК работали над составлением археологической карты реки Воронеж, но сама карта не сохранилась.

Вещественные памятники различных эпох из Воронежской губернии были представлены на археологической и этнографической выставках харьковского съезда. Вещественных памятников на выставку было отправлено «более 40 пудов» (более 650 кг), были привлечены древности из губернского и церковного музеев, частных коллекций: типичные случайные находки в губернии — каменные и бронзовые орудия; керамика из раскопок В.Н. Тевяшова; кремневые поделки из коллекции А.А. Орлова; находки на Маяцком городище из раскопок М.П. Трунова и камень с начертанием животного; железные копья, пряслица с Хазарского городища; кроки Маяцкого и Хазарского городищ, вычерченные М.К. Паренаго, и акварельные рисунки «Див», выполненные М.П. Паренаго; фотография скифского котла из с. Мазурки; медная бляха с изображением Китовраса и др.

После заслушивания сообщения о выступлении воронежской делегации на XII археологическом съезде член ВУАК Г.И. Можаров предложил в дополнение к «Трудам» учредить особое издание под названием «Археологический атлас, издаваемый ВУАК», в котором собрать имеющиеся в распоряжении Комиссии карты, рисунки, чертежи, планы, снимки с древних мест, предметов, портреты исторических деятелей и т.п. [4. Отдел III. С. XXVII]. Было признано, что это вполне осуществимый проект, но его дальнейшая судьба неизвестна. Скорее всего, он не был осуществлен, так как даже с печатанием «Трудов» возникли проблемы.

Работа Воронежа для Харьковского съезда была высоко оценена ИМАО. Воронежцы приглашались для работы во всех последующих предварительных комитетах, в руководящий состав на заседаниях съездов. На Харьковском съезде был сделан вывод о недостаточности и отрывочности археологических данных, относящихся до Воронежского края, и было указано на необходимость систематического изучения губернии в археологическом отношении. Поэтому Воронежская губерния была включена в область изучения следующего, XIII археологического съезда, который намечалось провести в 1905 г. в г. Екатеринославле; при

ВУАК намечалось организовать воронежское отделение предварительного комитета съезда. Московский предварительный комитет поставил перед воронежским отделением две задачи: сбор сведений для археологической карты и составление указателей научных печатных материалов по истории, археологии и этнографии края [7. Отдел III. С. XVIII]. ВУАК сообщила о готовности в полном составе содействовать целям будущего съезда и неоднократно обращалась в ИМАО с просьбой о командировке в пределы губернии кого-либо из членов Общества для производства раскопок. Член ИАК А.А. Спицын на областном съезде в Твери (август 1903 г.) сообщил, что ИАК предполагает начать в Воронежской губернии систематические раскопки.

В силу изложенных причин ВУАК в 1903 г. также «воздерживалась» от раскопок и ограничивалась тем, что «все поступающие время от времени сообщения о случайных находках и отдельные известия, касающиеся находящихся в губернии памятников, заносила в журнал заседаний и по возможности проверяла на месте» [Там же. С. XLV]. В заседании 16 мая 1903 г., посвященном памяти императора Петра I «в виду 200-летия со дня основания Петербурга», С.Е. Зверев сообщил, что при разборе бумаг умершего Е.Л. Маркова, было обнаружено отношение Санкт-Петербургского Археологического института от 6 февраля 1903 г. с просьбой доставить в институт сведения «о настоящем положении дворца Петра Великого, а также заключение о мерах, необходимых для сохранения как этого здания, так и других памятников пребывания в г. Воронеже великого преобразователя России» [Там же. С. XXI]. К отношению была приложена записка вице-адмирала В.П. Верховского «Колыбель русского флота», в которой сообщалось: вещественными памятниками кораблестроения в Воронеже остаются «два указанных дворца в самом жалком виде. Один из этих дворцов находится в распоряжении Яхт-клуба, устраивает гулянья и пикники... Другой дворец имеет вид ужасный и печальный — от него уцелели только голые стены, немало поврежденные как от времени, так и от недостатка охраны и надзора» [Там же. С. XXVI]. О двух петровских зданиях, сохранившихся в Воронеже, писали много раньше М.А. Веневитинов и Л.Б. Вейнберг, те же сведения содержались в «Полном географическом описании нашего отечества», изданном под редакцией В.П. Семенова в 1902 г. [19. С. 380]. К 1903 г. шерстомойня уже прекратила свое существование во втором здании, его решено было отдать под бумажную фабрику, для чего начали серьезную перестройку, но потом она была запрещена. Члены ВУАК постановили создать Особую комиссию для осмотра зданий в составе С.Е. Зверева, М.К. и М.П. Паренаго, В.Д. Языкова и Н.И. Поликарпова. При осмотре было установлено, что «то здание, какое вице-адмирал Верховский называет «дворцом»... не представляет собой древнего сооружения, а что действительный памятник петровского времени, где теперь помещается воронежский яхт-клуб, поддерживается в сохранности» [7. Отдел III. С. XXI, XLV-XLVI].

В этом же заседании (16 мая 1903 г.) Т.С. Рождественский доложил о существующих близ с. Истобное Нижнедевицкого уезда пещерах и курганах, хищнически раскапываемых окрестными крестьянами, и представил древние черепки и остатки дубового гроба [Там же. С. XXII]. Т.С. Рождественского попросили изложить доклад письменно с целью препровождения сообщения об этих памятниках в ИМАО и ИАК. Крестьянам запретили раскопку курганов и меловых пещер. Уездный исправник представил в ВГСК план и описание кургана, составленные на месте раскопок инспектором народных училищ Нижнедевицкого уезда. В описании сообщалось, что существовавший ход из кургана к воде был выложен кирпичами «громადной величины, давно уже разобранными крестьянами на постройки»; курган сообщался подземным ходом с меловой пещерой в восточной части окружающих его гор, «в пещере несколько отделений, расположенных по обоим сторонам коридора»; весь ход и пещеры, кроме вентиляционных отверстий, были завалены землей на довольно значительную глубину; за исключением костей и черепков крестьяне ничего не обнаружили [20. С. 11-12]. Осмотр пещер произвели члены ВУАК В.Д. Языков, М.К.

Паренаго, М.П. Трунов и Г.П. Дикий, но не пришли ни к каким определенным выводам, «склоняясь более к тому, что пещеры эти естественного образования» [7. Отдел III. С. XLV].

Таким образом, исследование исторических древностей края наряду с археографической работой стало одним из основных направлений деятельности Воронежской ученой архивной комиссии сразу после ее открытия на рубеже XIX-XX вв. И хотя на первом этапе (до 1904 г.) ВУАК не проводила самостоятельных исследований, но уже в первые годы своего существования она проделала огромную работу по сбору сведений о различных памятниках губернии, активно пополняла фонды губернского музея, составила первые, пусть несовершенные археологические карты. Деятельность Комиссии получила высокую оценку на XII-ом Археологическом съезде и стимулировала на дальнейшую работу в этом направлении все лучшие силы губернии.

Библиографический список

1. **Труды ВУАК.** – Воронеж, 1902. – Вып. I. – 452 с.
2. **Архивные учреждения** // Воронежский телеграф. – 1902. – № 8.
3. **Воронежская старина.** – Воронеж, 1902. - Вып. 1. – 458 с.
4. **Труды ВУАК.** – Воронеж, 1904. – Вып. II. – 342 с.
5. **Зверев, С. Е.** Воронежский губернский музей в 1901-1903 годах / С.Е. Зверев. - Воронеж, 1905.
6. **Рождественский, Т.** Музей церковного историко-археологического комитета / Т. Рождественский // Воронежский телеграф. - 1903. - № 36.
7. **Труды ВУАК.** – Воронеж, 1908. – Вып. IV. – 525 с.
8. **Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 год.** – Воронеж, 1902. – 602 с.
9. **Шоков, А. Ф.** Половецкие памятники Подонья / А.Ф. Шоков // Известия ВГПИ. – 1964. - Т. 45. – С. 129-141.
10. **Архив ИИМК РАН.** Ф. 69. № 85.
11. **Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове.** 1902. В 3 т. - М., 1905.
12. **Замятнин, С. Н.** Очерки по доистории Воронежского края / С.Н. Замятнин. - Воронеж, 1922. – 16 с.
13. **ОИАК за 1902 год.** - СПб., 1904. – 199 с.
14. **Архив ИИМК РАН.** Ф. 1. Д. 43/1902.
15. **Археологические находки** // Воронежский телеграф. - 1902. - № 15.
16. **Архив ИИМК РАН.** Ф. 1. Д. 72 / 1902.
17. **Труды Тринадцатого археологического съезда.** - Т. 2.
18. **Замятнин, С. Н.** По поводу археологической карты Воронежской губернии/ С.Н. Замятнин // Воронежский историко-археологический вестник. – Воронеж, 1921. - Вып. 1. – С. 43-46.
19. **Россия. Полное географическое описание нашего отечества** / под ред. В. П. Семенова. – СПб., 1902. – Т. 2. – 716 с.
20. **Протокол заседания ВГСК 27 мая 1904 года.** – 16 с.

УДК 025.5

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет.
Главный библиограф
Т. С. Хуторная .
Россия, г. Воронеж, тел. (473)277-42-12
e-mail: thut1960@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering.
The Chief bibliographer
T.S. Khutorнай
Russia Voronezh, tel. (473)277-42-12
e-mail: thut1960@mail.ru*

Т. С. Хуторная

ЭЛЕКТРОННАЯ БАЗА «ТРУДЫ УЧЕНЫХ ВОРОНЕЖСКОГО ГАСУ» – ОПЫТ РАБОТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается опыт работы по ведению электронной базы «Труды ученых Воронежского ГАСУ». Дается краткая характеристика базы; ее цели; способы формирования текущего и ретроспективного библиографирования. Освещается опыт использования данных Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Ключевые слова: библиотечно-библиографическая электронная база, Воронежский ГАСУ,

T. S. Khutorнай

**THE ELECTRONIC DATABASE “THE WORKS OF SCIENTISTS OF THE
VORONEZH STATE UNIVERSITY OF ARCHITECTURE AND CIVIL ENGINEERING”
– THE EXPERIENCE AND FUTURE DEVELOPMENT**

This article discusses the experience of work on maintenance of an electronic database «The Works of scientists of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering». Article gives a brief description of the database; its objectives; methods of formation of the current and retrospective bibliographing. The experience of the use of the data of the Scientific electronic library eLIBRARY.RU. is described.

Key words : bibliographical electronic database, the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

Технический и технологический прогресс влечет за собой появление принципиально новых видов информационных продуктов, а также новых видов информационных услуг, при которых все средства передачи данных начинают взаимно дополнять друг друга и даже проявлять тенденцию к объединению в единое целое. Развитие технических средств несет с собой глубочайшие качественные перемены во всех сферах жизни.

Библиотеки вузов достаточно быстро адаптировались к изменениям, вызванным технологическими преобразованиями, и стали активно осваивать информационные технологии. Перед каждой вузовской библиотекой стоят задачи информационного обеспечения учебного и научно-исследовательского процессов на основе информационных технологий и развития документально-коммуникативной системы. Не исключением стала и научная библиотека Воронежского ГАСУ. В последние годы особое внимание стало уделяться работе по формированию, ведению и редактированию библиографической базы данных «Труды ученых Воронежского ГАСУ» и ее использованию в информационно-библиографическом обслуживании пользователей.

База данных (БД) – это совокупность относящихся к определенной области знания (теме, проблеме) взаимосвязанных данных, представленных в определенном формате на

машинном носителе (Справочник библиографа / науч. ред. А.Н. Ванеев, В. А. Минкин. – 3-е изд., перераб. и доп. СПб : Профессия, 2005. С. 429.)

В формировании любой базы данных условно можно выделить два направления : семантическое, связанное с определением состава, структуры и наполнения БД, и программно-техническое, связанное с представлением отобранной информации на машинном носителе. Прерогативой библиотекаря-библиографа при производстве БД является, прежде всего, содержательная сторона этой деятельности, связанная с технологией отбора и аналитико-синтетической переработки документов, структурированием записей в БД. Соблюдение технологий формирования БД является залогом успешного ее продвижения на информационный рынок.

Инновации не появляются из ничего. Они возникают на пути следования традициям. В 1997 г. традиционная картотека «Труды ученых Воронежского ГАСУ» дала начало формированию ее электронного варианта. Целью формирования как традиционной, так и электронной базы «Труды ученых» является сохранение научного наследия Университета, история возникновения которого относится к 1930 г.

Библиографическая база данных включает библиографические записи на опубликованные и депонированные рукописи, диссертации, статьи из периодических изданий, материалов конференций, сборников научных трудов и т.д. Библиографическая база данных формируется средствами АРМ «Каталогизация» АИБС «МАРС-SOL», пополняясь за счет записей Трудов текущего года и создания ретроспективных записей.

Текущее библиографирование включает :

- библиографирование трудов, передаваемых в научно-библиографический отдел (НБО) работниками Воронежского ГАСУ;
- библиографирование трудов, содержащихся в списках публикаций работников Воронежского ГАСУ, проходящих конкурс на замещение вакантной должности;
- библиографирование трудов, содержащихся в списках публикаций к отчетам по результатам научно-исследовательской работы кафедр;
- копирование в ББД записей на труды, содержащихся в электронном каталоге библиотеки;
- перенесение в ББД записей на труды, содержащихся в базах данных органов государственной библиографии.

Ретроспективное библиографирование включает :

- библиографирование трудов, содержащихся в списках публикаций работников Воронежского ГАСУ, проходящих конкурс на замещение вакантной должности;
- перенесение в ББД записей на труды из библиографических указателей на бумажных носителях;
- библиографирование трудов, находящихся в фонде библиотеки.

Библиографическое описание трудов составляется в соответствии с межгосударственными стандартами системы СИБИД :

- ГОСТ 7.1-2003. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления;
- ГОСТ 7.11-2004. Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на иностранных европейских языках;
- ГОСТ 7.0.12-2011. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила;
- ГОСТ 7.80-2000. Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления;
- ГОСТ 7.82-2001. Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов. Общие требования и правила составления.

Доступ пользователей Библиотеки к ББД осуществляется через локальную сеть и Интернет (<http://catalog1.vgasu.vrn.ru/Marcweb>).

С целью библиографирования трудов главный библиограф НБО организует следующие действия :

- сверку записей в списке публикаций с записями трудов в ББД;
- хранение списков;
- визирование списка публикаций;
- работу с дублетным списком публикаций для последующего формирования записей трудов, отсутствующих в ББД.

Главный библиограф НБО библиотеки с целью библиографирования трудов организует следующие действия :

- регистрацию отчетов кафедр в «Журнале регистраций входящей корреспонденции» НБО и хранение отчетов в течение пяти лет;
- сверку записей в списке публикаций в отчетах кафедр с записями трудов в ББД;
- копирование отсутствующих в ББД записей трудов из электронного каталога библиотеки или перенос записей из баз данных органов государственной библиографии;
- проверку de visu трудов, записи которых отсутствуют в ББД, электронном каталоге библиотеки;
- формирование списка трудов, отсутствующих в Фонде, для отдела комплектования библиотеки с целью решения вопроса по их приобретению.

В 2008 г. в целях рациональной организации документационного обеспечения и повышения ответственности за качество предоставляемых сведений о печатной деятельности Воронежского ГАСУ ректором университета был издан приказ N 458 от 30.12 2008 г. «О новых формах отчетности». Согласно данному приказу, заведующие кафедрами обязаны предоставить до 25 декабря текущего года в научно-библиографический отдел сведения о публикациях преподавателей, сотрудников и студентов. Сведения предоставляются как в электронном, так и в печатном видах с обязательным приложением одного экземпляра каждой публикации, изданной за пределами университета. Формы отчетности были разработаны сотрудниками управления образовательной политики совместно с сотрудниками отдела научно-библиографического обслуживания. Данные формы отчетности во многом улучшили качество вводимой информации и облегчили работу по систематизации печатных изданий ученых Воронежского ГАСУ.

Формирование каждой новой записи в ББД осуществляется выбором определенного шаблона :

«Каталогизация», в котором формируются записи на монографии, коллективные монографии, учебники, учебные пособия, методические издания, диссертации, авторефераты диссертаций, библиографические пособия, справочники, информационные листки, учебные программы;

«Статья(сер)», в котором формируются записи на статьи, тезисы, составные части Труда.

Далее, осуществляется подбор полей и подполей в соответствии с Руководством пользователя АИБС «MARC». Поиск информации в БД осуществляется с использованием внутренних словарей – простого и расширенного.

В последние годы сотрудники отдела принимают активное участие в формировании рейтинга преподавателя, учитывая сведения о его публикационной активности; подавать сведения в Департамент науки и инноваций Воронежского ГАСУ; в Управление подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации; в отдел аттестации научно-педагогических кадров высшей квалификации. Эти сведения могут иметь различные временные и качественные характеристики. Особенно актуальными они становятся при проведении аккредитации вуза, поэтому для улучшения качества подаваемых сведений в поле «Ключевые слова» стали заноситься такие понятия, как название кафедры, название факультета, год выпуска издания. В шаблоне «Статьи» были созданы

дополнительные поля, которые отражают источник публикации (статья в журнале ВАК, материалы конференций, сборники научных трудов и т.д.).

В последние годы, с целью уточнения сведений о публикациях ученых Воронежского ГАСУ, сотрудники отдела активно пользуются данными, размещенными на портале eLIBRARY.RU. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU - это крупнейший российский информационный портал в области науки, технологии, медицины и образования, содержащий рефераты и полные тексты более 18 млн. научных статей и публикаций. Более 2800 представлены в полнотекстовом виде, в том числе 1700 журналов - в открытом доступе, что позволяет в большинстве случаев ознакомиться и с текстом публикации. Научная электронная библиотека дает возможность уточнять выходные данные изданий, в частности, ключевые слова; заимствовать аннотации, что намного улучшает качество записей в БД «Труды ученых». На сегодняшний день в eLIBRARY.RU зарегистрировано 429 научных сотрудников Воронежского ГАСУ.

При всей оперативности и удобстве в работе электронная картотека трудов не исчерпала своих информационных возможностей и содержит большой потенциал ее принципиального совершенствования. Это касается, в первую очередь, возможности перевести ее в разряд полнотекстовых баз данных. Сейчас – это библиографическая картотека, отражающая только информацию о публикациях. Полнотекстовая же база данных позволила бы, помимо перечня работ ученого или кафедры, сразу прочесть, скопировать или распечатать любую из этих работ. Особенно важно это было бы для работ, отсутствующих в фондах библиотеки. Пока на этом пути существует много препятствий как технического, так и правового порядка, из которых не последнее место занимает проблема авторских прав. Но работа по созданию виртуальных библиотек идет полным ходом и, возможно, в скором будущем и наша картотека станет полнотекстовой базой данных и будет способна удовлетворить любые информационные потребности наших пользователей.

Библиографический список

1. **Калинина, И. Г.** Библиографическая продукция в электронном формате / И. Г. Калинина // Библиография. – 2004. – N 1. – С. 17-23.
2. **Рыбакова, Л. М.** Библиографическая продукция вуза : перспективы развития / Л. М. Рыбакова // Библиография. – 2007. – N 5. – С. 45-50.
3. **Справочник библиографа** / науч. ред. А.Н. Ванеев, В. А. Минкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Профессия, 2005. – 592 с.

**СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
SOCIAL PHILOSOPHY**

УДК 179

*Воронежский институт МВД России.
Кандидат философских наук, старший
преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и экономических дисциплин
В. А. Жданкин.
Россия, г. Воронеж, тел. (473)249-16-10;
e-mail: zhdankin.v@yandex.ru*

*Ministry of Internal Affairs Voronezh institute of
Russia.
Candidate of philosophical sciences, senior teacher of
chair of social and humanitarian and economic
disciplines V. A. Zhdankin.
Russia, Voronezh, ph. (473)249-16-10;
e-mail: zhdankin.v@yandex.ru*

В. А. Жданкин

**СВОБОДА, СИЛА, НАСИЛИЕ И НЕНАСИЛИЕ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСОВ
МОРАЛИ И ПРАВА**

В содержании статьи показывается этикодискурсивный характер связи философских понятий «свободы от», «свободы для», «насилия» и «ненасилия», раскрывается вопрос о соотношении нравственного и правового типов понимания насилия и ненасилия, рассматриваются перспективы влияния этического дискурса силы на языковое пространство российского права.

Ключевые слова: свобода, сила, насилие, ненасилие, мораль, право.

V. A. Zhdankin

**FREEDOM, FORCE, VIOLENCE AND NON-VIOLENCE IN THE CONTEXT OF
DISCOURSE OF MORALITY AND RIGHTS**

The article deals with the ethical discursive nature of the connection between philosophical concepts "freedom from", "freedom for", "violence" and "non-violence"; matters of the relationship between moral and legal understanding of violence and non-violence and, also, how the ethical discourse of the concept of force influences linguistic space of the Russian law.

Key words: freedom, force, violence, non-violence, morality, rights.

Тема морали и права относится к числу тех пунктов философского знания, которые практически всегда привлекают к себе пристальное внимание и со стороны научного сообщества, и со стороны широкой общественности. Поводы для дискуссий здесь, как правило, задаются тезисом о принципиальной неполноте сознания правового в сравнении с сознанием нравственным и о необходимости постоянных усилий по сближению дискурсов морали и права (понимаемых здесь в качестве сложных и непрерывных речевых композиций, взятых с точки зрения их внутренней логики).

Заметное место в этих дискуссиях занимает вопрос о нравственной и правовой оценке насилия и ненасилия – двух разновидностей социального активизма, традиционно представленных и в нравственном, и в правовом сегментах общественного сознания.

Отправной точкой осмысления феноменов насилия и ненасилия является категория силы. Обзор основных позиций по вопросу о сущности силы позволяет говорить о существовании двух основных её концепций □ бессубъектной и инструментальной. Бессубъектное понимание силы характеризуется мыслью о том, что духовный и физический потенциал человека в действительности ему не принадлежит, а являет собой аспект некой

мировой силы (самопроизвольной способности к действию), выступающей в качестве самостоятельной и первичной по отношению к человеку онтологической реальности.

Эта позиция в корне противоречит установкам дискурсов морали и права, насквозь «пропитанных» субъективностью и свободой. Понятие свободы выступает здесь в качестве исходного пункта всех концептуальных построений.

Дискурсы морали и права соотносятся с «инструментальной» концепцией силы. Её отличительной особенностью является наличие в ключевых определениях фигуры субъекта, деятеля, выступающего в качестве автономного начала действия. Сила здесь понимается в её собственном смысле, то есть как способность к действию, которая принадлежит субъекту, являющему собой автономное начало деятельности. Популярное определение И. Канта, который рассматривает силу (*Macht*) как «способность преодолевать большие препятствия» [1. С. 196], отличается в этом контексте тем, что включает в себя обстоятельства (наличие препятствий) развёртывания силы. Действующий субъект обладает свободой, идея которой, выражаясь словами Д. Локка, состоит в «способности в каком-нибудь действующем лице совершить какое-нибудь отдельное действие или воздержаться от него, согласно определению или мысли ума, благодаря чему одно действие предпочитают другому» [2. С. 289].

Свободное осуществление субъектом присущей ему силы (способности к действию), содержащее в себе посягательство на произвольность осуществления той же способности другим субъектом, следует понимать как насилие. Силовое действие обратного порядка – как ненасилие.

В традиционном понимании насилие выступает как отъем у человека его внешней свободы или «свободы от», как принуждение его к совершению действий, которые противоречат его убеждениям, целям и интересам. По определению Л.Н. Толстого насилие – это когда одни люди под угрозой страданий или смерти заставляют других людей делать то, чего они не хотят [3]. Указанное понимание включает в себя в том числе и узкую трактовку насилия как применения физической силы с целью причинения физического или материального ущерба.

Насильственный тип социального активизма может быть понят как разрушение господствующего положения свободы человека (его духовного) по отношению к естественным человеческим силам и способностям (его телесного). Воздействуя на тело человека (или угрожая таким воздействием) насилие стремится заблокировать свободу личности, спровоцировав её временное пленение безличной человечностью, как-бы обретающей независимость по отношению к человеку и как-бы обосновывающей его пригодность для отчуждения.

Порождаемое насилием состояние отличает, в том числе, и его субъекта, социум которого стремится к превращению в совокупность безличностных реалий, а сам он – за отсутствием достойных собеседников – в молчашую, то есть фактически в мертвую личность.

Потеря субъектом насилия (либо его жертвой) представления о свободе и достоинстве другого человека являет собой условие для развёртывания ненасильственной разновидности социального активизма.

Будучи отрицанием насилия, сила ненасилия может иметь два основания развёртывания – нравственное, и тогда ненасилие представляет собой этический принцип, безусловный нравственный запрет, и прагматическое, оформляющее ненасилие лишь как конкретную, сиюминутную программу деятельности [4. С. 559-560].

В зависимости от степени утраты потенциальным оппонентом уважения к достоинству человека ненасильственное действие может раскрываться либо в качестве убеждения, либо в качестве принуждения. Частичная утрата уважения к свободе человеческой личности (выражающаяся в сомнении по поводу зрелости его воли при сохранении убежденности в её достоинстве) снимается в ходе ненасильственного диалога. Восстановление человека, полностью потерявшего понятие о свободе другого, является

делом принуждающего ненасилия. Следует отметить, что раскрываясь в качестве принуждения ненасилие никогда не ставит своей целью принципиальное блокирование свободы человека. Оно лишь создает временную физическую преграду на пути однообразности и бездумности в осуществлении свободы, возвращая её таким образом, чтобы в будущем обеспечить соединение энергий оппонентов ненасилия с энергиями его сторонников.

Залогом сохранения нравственного характера ненасильственных действий принуждающего характера является не аксиологически-негативный характер волений тех или иных субъектов, а объективное постоянство пребывания ненасилия в пространстве межличностного отношения. Ненасилие всегда держит в уме свободу другого человека и всегда нацелено на сотрудничество с ней.

Последний признак позволяет говорить о социально-этической природе ненасилия, ценность которого оказывается состоящей не столько в сохранении свободы и биологической жизни человека, сколько в осуществлении его участия в реалии межличностности, предполагающем сохранение свободы и биологической жизни.

Ненасилие всегда держит в уме свободу человека, однако на первоначальной стадии его развертывания человек, подвергшийся принуждающему воздействию со стороны сторонников ненасилия, чаще всего экзистенциально переживает это воздействие как насилие над собой, как узурпацию своей свободы.

В результате возникает сложнейшая этическая задача □ как стороннику ненасилия, осуществляющему акцию ненасильственного принуждения в отношении оппонента, считающего эти действия несправедливыми, сохранить нравственный (социообразующий) характер своих на первый взгляд негативных по отношению к принуждаемому действий.

В основании решения этой задачи, как представляется, лежит мысль об исходной, фундаментальной соединенности человеческих личностей (ипостасей □ тех, кто является субъектами духовной жизни) между собой, характерной для русской (идеалистической) философской традиции. Субъективный ракурс этой связи в русском персонализме, в частности в философии С.Л. Франка, обозначается категорией «Мы».

Истоком этого представления является учение восточных Отцов Церкви о единстве Творения и, как следствие, изначальной связи всех человеческих личностей как со своим (и всемирным) душевным и телесным, так и между собой.

Исходность, первичность этой связи, означает, что причинение телесного или духовно-душевного ущерба людьми друг другу не имеет социоуничтожающей силы. С.Л. Франк пишет: «Даже когда я сознаю полную чуждость мне какого-нибудь человека или стою в отношении разъединения и вражды к нему, я сознаю, что «мы с ним» чужие или враги, то есть я утверждаю своё единство с ним в самом разделении, в самой враждебности» [5. С. 92].

Отмеченное Франком утверждение межличностного единства собственно и составляет суть нравственной жизни. И это единство оказывается застрахованным и от внутренней разобщенности, так как серьезный прессинг в принципе невозможно игнорировать, и от аморалистского изменения вектора активизма какой-то части его членов, поскольку в число его условий вполне может входить и конфликт.

В плане раскрытия потребности принуждаемой личности в присутствии в отношении принуждения представляется уместным обращение к философии Ж.-П. Сартра с её исходной интуицией о постижении Себя пред лицом Другого.

В перспективе философии Сартра самоопределение (и самосозидание) человека зависит от того, будет ли он предметом внимания со стороны Другого или нет. Даже при деструктивном содержании поступка Другого наличие самого факта такого поступка уже является ценностью. Здесь традиционная оценка принуждающего действия с позиций добра (физического приобретения) и зла (физического ущерба) не имеет особого значения. Фундаментальным аксиологическим смыслом наполняется сам акт внимания Другого, который позволяет человеку обнаруживать самое себя и определять самое себя. С этой точки

зрения, принуждение получает возможность оправдания не столько потому, что цели, предъявляемые принуждаемому, будут одобрены им в будущем, а сколько в связи с тем, что его целью является обретение внимания принуждающего субъекта как такового.

В этой перспективе отказ от борьбы при возникновении полярности мнений будет означать нежелание субъекта видеть личность Другого, отказ ей во внимании, а в случае всецелого согласия с позицией Другого – нежелание видеть собственную личность, что, очевидно, также поставит барьер на пути осуществления этически корректной ситуации межличностной взаимности.

Ненасильственное принуждение является актом внимания к личности Другого и на фоне возможности игнорирования насильствующего субъекта является нравственным, социосозидающим действием, позволяющим стороннику ненасилия «сохранить лицо» в момент осуществления им необходимых, но нравственно и физически болезненных для оппонентов действий.

Лишение человека такого внимания может быть понято как узурпация свободы в её модусе «свободы для». Это понятие позволяет объяснить ценностный смысл морального насилия – одной из сложных форм насилия – избыточного принуждения, не имеющего перспектив нравственного оправдания. Сложность интерпретации причинения морального ущерба (оскорбления, клеветы и т.п.) в качестве насилия связана с тем, что, причиняющий ущерб не заставляет человека непосредственно что-то делать против его воли и не наносит ему никакого физического вреда. То есть представление о насилии как об ограничении внешней свободы человека («свободы от») с вкладкой насилия как причинения физического ущерба не дает удовлетворительного объяснения моральному насилию. Однако, определение насилия через понятие «свободы для» позволяет квалифицировать моральное насилие именно как насилие – как узурпацию свободной воли человека. Человек, подвергшийся моральному насилию помещается в ситуацию избытка жизненных сил, находящихся в состоянии не востребованности со стороны других людей и в связи с этим утрачивающими свою цену в глазах их обладателя. Обеспечить же не востребованность услуг человека со стороны окружающих, а также поселить в его сознании мнение о собственной неспособности ни к чему конструктивному позволяют как раз оскорбления – наиболее распространенная форма морального насилия. У человека отбирается доброе имя, что лишает его возможности передавать результаты своего духовного и физического развития другим людям и попутно влечет за собой утрату мотивации к дальнейшему раскрытию этих способностей. Таким образом, лишение человека свободы помогать окружающим (свободы для) может быть определено как насилие. Такое определение, очевидно, способно дополнить спектр традиционных интерпретаций этого понятия.

Формируемое этическим дискурсом представление о насилии как о посягательстве на свободу человека в равной степени характерно и для дискурса правового. Насилие здесь это физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное Конституцией РФ право граждан на личную неприкосновенность. Физическое насилие выражается в непосредственном воздействии на организм человека: побои, телесные повреждения, истязания различными способами (в т.ч. с применением каких-либо предметов и веществ) и т.д. Психическое насилие заключается в воздействии на психику человека путем запугивания, угроз (в частности, угроз физической расправой), чтобы сломить волю потерпевшего к сопротивлению [6] (посягательство на «свободу от»). Язык юриспруденции знает также понятие оскорбления, что свидетельствует о присутствии в нем представлений о насилии как о блокировании «свободы для».

Что же касается этической интерпретации ненасилия, то она, в сравнении с насилием, гораздо в меньшей степени обнаруживает своё присутствие в языковом пространстве российской юриспруденции.

Одну из немногочисленных точек «вхождения» феномена ненасилия в дискурсивное пространство российского права являет собой Федеральный закон «О полиции».

Пункт 1.2 статьи 22 ФЗ «О полиции», регламентирующий применение специальных средств, гласит, что сотрудник полиции не имеет права применять специальные средства для пресечения незаконных собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований ненасильственного характера, не нарушающих общественный порядок, работу транспорта, средств связи и организаций [7].

Следует заметить, что наряду с ФЗ «О полиции» о феноменах ненасилия, а вернее о протестных действиях «ненасильственного характера» упоминается также в ФЗ «О судебных приставах» от 21 июля 1997 г., в ФЗ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 6 февраля 1997 г., в Приказе МВД РФ от 2 марта 2009 г. N 185 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения», а также в Приказе Минюста РФ от 27 декабря 2006 г. N 384 «Об утверждении Административного регламента исполнения государственной функции по обеспечению в соответствии с законодательством Российской Федерации установленного порядка деятельности судов».

Из содержания этих документов следует, что феномен ненасилия («ненасильственный характер действий») понимается российским законодателем исключительно как отказ участников массовых политических акций от применения физической силы. Что же касается этического аспекта ненасилия, его созидательного, энергичного, «освобождающего» смысла, то в данном случае он оказывается за пределами текстового пространства российского права.

В правоведческой литературе термин «ненасильственный» имеет несколько иной вид. С его помощью обозначается тип корыстной (связанной с безвозмездным удовлетворением имущественных потребностей) преступности, характеризуемой отсутствием в поведении преступника момента насилия в отношении потерпевшего (к этой группе преступлений относятся кражи, мошенничества и т.д.). Ненасилие (логично расположившееся в оппозиции насилию) раскрывается здесь как воздержание субъекта преступления от непосредственного воздействия на организм жертвы (нанесения побоев, телесных повреждений, истязаний и т. д.), а также от давления на её психику через запугивания, угрозы (в частности, угрозу физической расправой) в целях последующего блокирования воли жертвы к сопротивлению [8].

При анализе указанных выше значений термина «ненасильственный» становится очевидно, что в языке отечественного права фиксируется лишь физическая (связанная с охранением телесности человека) сторона феномена ненасилия. В частности в тексте всё того же закона «О полиции» содержится парадоксальная с точки зрения ценностного понимания ненасилия (выступающего в данном случае в качестве нравственной силы, высвобождающей свободу человека для его последующего участия в собственном нравственном преображении) формулировка о незаконных шествиях (акциях и т. д.) ненасильственного характера. Если ненасилие самоценно, если оно действительно и цель, и средство, то незаконным оно может быть только при одном условии – при несоответствии норм закона нормам морали. Маловероятно, что разработчики закона «О полиции» допускали возможность выпадения своего детища из нравственного контекста, а значит появление в тексте закона сочетания «незаконные собрания (митинги и т.д.) ненасильственного характера» объясняется либо принципиальным обращением к аксиологически-нейтральному типу понимания ненасилия (и насилия), либо отсутствием в терминологическом арсенале юридической науки средств, способных выразить полноту смысла ненасилия, либо простым нежеланием иметь дело этой полнотой.

Думается, что при наличии двух последних причин, фрагментарность в восприятии ненасильственных проявлений, демонстрируемая юридическим дискурсом, может быть понята как отправной пункт его последующего движения к исходной полноте смысла ненасилия. И, напротив, утверждение в языке юриспруденции аксиологически-нейтрального

типа понимания насилия и ненасилия полностью блокирует любые конструктивные изменения в этом направлении.

Реализация последнего сценария предполагает проведение процедуры элиминирования из содержания понятий насилия и ненасилия ценностных атоналий, присущих им в естественном языке. Исследователю, осуществляющему данную операцию, предстоит выбор: либо признать, что индивиды, принимающие участие в насильственном взаимодействии, не обладают свободой воли, либо абсолютизировать человеческую свободу, упразднив, таким образом, любые критерии оценки человеческих поступков.

В первом случае насильствующий индивид перестаёт фигурировать в качестве автономного начала деструктивного действия. Насилие начинает восприниматься как объективный феномен, имеющий независимые от субъекта истоки и располагающийся вне пространства нравственной оценки. Оно приобретает вид саморазвёртывающейся деструктивной силы, проявлением которой являются отдельные поведенческие акты. Ненасилие в данной системе координат оказывается фактически тождественным бессилию.

Во втором случае, напротив, индивидуальный выбор целей действия не только не отрицается, а признаётся настолько суверенным, что его условия и содержание просто выносятся за пределы дискурса (фиксирующего факт действия, но не рассматривающего мотивы того, кто это действие совершает). В данном случае ненасилие также обречено иметь вид бессилия, поскольку под насилием, в оппозиции которому оно всегда располагается, здесь понимается любое, даже незначительное, сопротивление воле индивида (то есть фактически все проявления внешних по отношению к индивиду социальных сил).

Можно предположить, что для современного правового дискурса более предпочтителен последний способ устранения ценностной коннотации. Строго же говоря, ни один из путей деаксиологизации понятий насилия и ненасилия не соответствует логической линии современной юридической науки, что, очевидно, указывает на необходимость дальнейшей разработки обозначенной в докладе проблемы.

Библиографический список

1. **Кант, И.** Критика способности суждения / И. Кант. – СПб.: Наука, 1995. – 512 с.
2. **Локк, Д.** Опыт о человеческом разумении / Джон Локк // Собр. соч. в 3 т. – М., 1985. – Т.1 – С. 78-620.
3. **Толстой, Л.Н.** Закон насилия, закон любви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: home.tula.net/ltolstoy.
4. **Гусейнов, А.А.** Ненасилие / А.А. Гусейнов // Философский энциклопедический словарь. – М., 2004. – С. 559-560.
5. **Франк, С.Л.** Духовные основы общества. – Нью-Йорк: Посев, 1988. – 280 с.
6. **Большой юридический словарь** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo-slovar.narod.ru>
7. **Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ "О полиции"** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>
8. **Юридический словарь** [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.glossword.info>

УДК 111.1

*Воронежский государственный университет.
Аспирантка кафедры онтологии и теории
познания В. В. Письменная.
Россия, г. Воронеж, тел. (473)249-91-55
e-mail: vasilina.p20@mail.ru*

*Voronezh State University.
Postgraduate student, ontology and theory of
knowledge Chair V. V. Pismennaia.
Russia, Voronezh, tel. (473)249-91-55
e-mail: vasilina.p20@mail.ru*

В. В. Письменная

ПРОБЛЕМА СВЯЗИ СИМВОЛА И БЫТИЯ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ К. ЯСПЕРСА

В статье рассматривается проблема связи символа и бытия в философской системе одного из крупнейших философов XX века - К. Ясперса. По замыслу самого Ясперса символы, или же в терминологии самого философа «шифры трансценденции» должны выполнять роль посредника между человеком и трансценденцией. Автор приходит к выводу, что Ясперсу не удаётся осуществить свой замысел, так он не может найти адекватный способ «мышления бытия» и, таким образом, «шифры трансценденции» оказываются барьером между мыслью и экзистенцией, между мыслью и трансценденцией (Богом).

Ключевые слова: бытие, символ, экзистенция, трансценденция, «шифры трансценденции».

V. V. Pismennaia

THE PROBLEM OF CONNECTION BETWEEN SYMBOL AND BEING IN K. JASPERS' EXISTENTIAL PHILOSOPHY

The article examines the problem of connection between a symbol and being in a philosophical system of one of the most prominent philosophers of the XXth century, K. Jaspers. According to Jaspers' theory symbols or as he named them "ciphers of transcendence" serve as a mediator between a person and transcendence. The author of the article comes to a conclusion that in fact Jaspers' concept does not work because Jaspers cannot find an appropriate way to "conceive the being" and thus "ciphers of transcendent" turn out to be a barrier between a thought and existence, between a thought and transcendence (the God).

Key words: symbol, being, existential, trans-cenden, "ciphers of transcendence".

Первоначально вопрос о символическом выражении бытия ставился проблемой, главным образом, в сфере богословия. В контекст философской онтологии символ входит гораздо позднее. Философия XX века по-новому высвечивает онтологическую роль символа в связи с новой проблематизацией бытия. К этому времени логика развития философии подводит к открытию таких форм бытия, которые могут быть выражены лишь в символической форме.

Необходимо сразу же прояснить, что мы будем в дальнейшем подразумевать под символом. Символ есть особый вид знака. Но, в отличие от знака, символы в общем случае обладают не только предметным значением (понятие, образ, действие, запрет, призыв и т.д.). По очень точному замечанию С. Н. Жарова, «Смысл присутствует в символе не только для того, чтобы обрести свою предметность в значении, но прежде всего для того, чтобы увлечь за собой человеческое существование» [1. С. 17] Иначе говоря, кроме значения, символы обладают нерационализируемой глубиной, которая отсылает к трансцендентному, непредметному. Это качество символа оказывается чрезвычайно ценным для онтологии, когда обнаруживаются такие формы бытия, которые в понятии выражены быть не могут, так как символ в самом себе содержит отсылку на нечто иное, это даёт возможность мыслить не конструируя (да и как можно даже и мысленно сконструировать трансценденцию?), но

только указывая. При этом опасность объективации трансцендентного исчезает. Символ, указывая на трансцендентное, не пытается подчинить его или создать иллюзию, но поддерживает живую связь человека с трансцендентным бытием. Отсюда понятны известные хайдеггеровские слова о языке как *доме бытия*.

Таковы, в общих чертах онтологические возможности символизма, акцентированные в философии XX в. Однако конкретная трактовка символов и их онтологического значения зависит от характера философской системы. В данной статье мы рассмотрим связь символа и бытия в философии Ясперса.

На вопрос «что есть бытие?» предшествующая философия, по мнению Ясперса ответа так не и дала, поэтому, при подобном вопрошании мы получаем знание «формального бытия», или же о «различных видах бытия», а самая суть ускользает от нас. «Ответ на вопрос удовлетворяет вопрошающего, поскольку он признаёт в нём своё собственное бытие. Но сам вопрос о бытии не имеет одного значения; всё дело в том, кто именно спрашивает» [2. С. 41].

Из приведённой цитаты наглядно видна экзистенциальная направленность философии Ясперса, его интересует не «бытие вообще», взятое в его объективированных, противопоставленных человеку формах, но бытие «спрашивающего», человека, ищущего свою суть и готового бороться за неё. Таким образом, главное для ясперовской проблематики – это бытие, которое делает возможной экзистенцию. Правда, Ясперс, в отличие от другого, философа экзистенциалиста – М. Хайдеггера, использует термин «бытие» в разных значениях, однако ключевую роль в его концепции играет бытие как трансценденция. Именно в соотношении с трансценденцией человек обретает себя как экзистенция: «В качестве экзистенции я существую, зная, что подарен себе трансценденцией. <...> ...Никакая воля не подарит меня мне самому» [3. С. 428].

Ясперовская трансценденция стоит по ту сторону различения субъекта и объекта, это недואльное бытие, не сводимое к какой-либо предметности. И чтобы выразить все эти качества бытия, Ясперс вводит понятие объемлющего. «Бытие, которое не есть ни только субъект, ни только объект, которое в расщеплении на субъект и объект присутствует и в том, и в другом, мы называем *объемлющим*. Хотя оно и не может стать адекватным предмету, мы в философствовании говорим, отправляясь от него и приближаясь к нему» [3. С. 5].

Ясперс, вводя понятие объемлющего с целью преодоления раскола на человека и мир, на объект и субъект, который породила классическая философия.

В пограничных ситуациях, в моменты, когда человек со всей явственностью осознаёт и переживает хрупкость, смертность и конечность собственного существования, при помощи трансценденции, по мнению Ясперса, человек обретает себя, открывает себя как «имманентную трансцендентность» [4. С. 171], свободную от духовной власти вещей и обстоятельств. Экзистенция обретается, только когда человек преодолевает заданность со стороны предметного мира, преодолевает через заступание в трансценденцию. При соприкосновении с объемлющим как с трансценденцией, человек вырывается из существования согласно *законам* в существование согласно *свободе*. Конечно, этот прорыв носит духовный характер, но освобождение духа в философии всегда было условием всякого иного освобождения. При этом, человек не может мыслить объемлющее в понятиях и предметных образах, так как в этом случае, оно неизбежно обратилось бы в объект, и потеряло бы свою суть. Мы можем знать объемлющее косвенно, обнаруживая «пределы допустимости» своей мысли.

Когда человек «совершает некоторое трансцендирование», [5. С. 5] то ему открывается мир родственный и близкий. Он непостоянен и изменчив, он не есть нечто известное, он «существует так, как будто бы утратил себя как постоянство. Мир меняется с изменением ... моей установки; он говорит не с каждым и не всякий раз одинаково... Если я не выхожу навстречу, – то, куда бы я мог трансцендировать, ускользает, потому, что оно есть лишь для свободы и через свободу и не имеет в себе решительно ничего убедительного» [5. С. 6].

Таким образом, бытие трансценденции по выражению Ясперса «протягивает мне руку» [4. С.88], которую человек может принять или же не принять.

Однако как выразить в формах мысли экзистенцию, которая стала собой благодаря соприкосновению с непредметным и трансцендентным? Здесь видим нетривиальную ситуацию, когда философу трудно, а порой просто невозможно выразить в формах мысли то, что открывается ему в его существовании. В этом смысле, любопытно сравнить, как с этой проблемой справляются соответственно Хайдеггер и Ясперс.

Хайдеггер находит нетривиальный способ «мышления бытия» (выражение самого Хайдеггера). Мысль здесь постигает бытие не напрямую, а через обращение к экзистенциальному опыту, через *экзистенциалы*. Ясперс же пытается пользоваться мышлением, взятым в его классических, предметно ориентированных формах. Однако ни экзистенция, ни бытие в этих формах не схватываются. Отсюда характерное сетование: «Мы вновь и вновь падаем, как кошка на четыре лапы, в предметную постигаемость» [3. С. 428].

Иначе говоря, Ясперс оказывается в плену им самим созданной антиномии: как философ, он хочет выразить экзистенцию и трансценденцию в формах мысли, но саму мысль знает лишь в ее объективирующих формах, что изначально делает задачу невыполнимой. Ясперс пытается выйти из создавшегося положения, используя символы как посредник между мышлением и трансценденцией. Человек слышит «зов» трансценденции», выраженный в шифрах, которые есть по своей сути «осознанный в предметности символ» [6. С. 15]. Сам Ясперс даёт следующее определение: «*Шифр* есть бытие, которое дает нам представление о трансценденции как присущей в настоящем, но так, что ни трансценденции нет надобности становиться бытием как бытием-объектом, ни экзистенции – бытием как бытием-субъектом» [3. С. 428].

По мнению Ясперса, шифров существует великое множество, сам философ исследует несколько шифров подробно, таких как – природа, история, язык, искусство. Для мыслителя важно не значение шифров, и не их истолкование, но то, что шифры выступают как язык трансценденции, указывают ему путь к ней. Как чувство долга в философии Канта призывает быть человека нравственным, так в теории Ясперса, человек слышит «зов» трансценденции, выраженный в шифрах которые велят поступать ему только в соответствии с собственной природой, с экзистенцией. Таким образом, как отмечает Гайденко, «связь с трансценденцией превращает, по Ясперсу, превращает эгоистическое «Я» индивида в личное «Я», где индивидуальная воля неразрывно связывается с волей Бога, так, что отделить их и сам индивид уже не в состоянии» [7. С. 284].

Шифры, выступают как символы только в своей связи с трансцендентным, человек, который ещё не обрёл собственную сущность не способен понять глубину шифров, их отсылку к трансценденции, и принимает их как знаки. «Как органы чувств должны нормально функционировать для того, чтобы мы могли воспринимать действительность мира, так и самобытие возможной экзистенции должно быть живо присущим, чтобы оно могло быть захвачено трансценденцией. Если я экзистенциально глух, то мне не будет слышен язык трансценденции» [4. С.187]. Отсюда понятно, почему только экзистенцию Ясперс называет «местом чтения тайнописи» [4. С.187], или шифров трансценденции.

Однако, чтобы чтение стало возможным, необходимо, чтобы экзистирование было истинным, то есть человек с ясностью осознал глубину своей самости. «Я должен быть готов к нему, если хочу слышать его» [5. С. 6]. «Формальное экзистирование», о котором писали все предшествующие философы, по мнению Ясперса не есть чтение шифров, так как в них угадываются только явления бытия, но не само бытие.

В чтении шифров трансценденции происходит «становление самости человека». В этом внутреннем процессе человек пытается преодолеть извечную расколотость своего бытия «вырваться из вечного отпадения» [4. С. 188], на трансцендентное и эмпирическое, обрести связь с объемлющим. Эта борьба как бег к краю мира, к линии горизонта – чем дальше бежишь, тем она ещё дальше отодвигается.

Итак, шифры указывают человеку путь к обретению своей экзистенции. Он идёт к ней, ведомый трансценденции. «В качестве экзистенции я знаю, что подарен себе трансценденцией» [8. С. 103]. Экзистенции «имманентная трансцендентность» открывается непосредственно, здесь нет нужды в каких-либо посредниках, так как это означало бы ограничение свободы экзистенции. Но пережитая в опыте трансценденция опредмечивается, «то, что узрели и помыслили – и растаивает вновь» [4. С. 188]. Мы не можем закрепить в своей подлинности, подлинном бытии. Мы в него можем иногда лишь заглянуть, заступить, но не более.

Человек может попытаться поведать о своем экзистенциальном опыте, выразить свою экзистенцию в символических формах. И здесь очень четко видна разница между Хайдеггером и Ясперсом. По Хайдеггеру, экзистенция может выразить себя в языке, который есть «дом бытия», она постигается себя через осмысление экзистенциалов, в которых она раскрывается. Ясперс же, как уже говорилось, знаем только объективирующие формы мысли. «Изреченная», осмысленная экзистенция – это если и не «ложь» (по аналогии с известными словами Тютчева) то всегда шифры. Тем более это относится к бытию, которое выступает по именами объемлющего и трансценденции. «Если экзистенция обращает свой взгляд за пределы всякого существования к подлинному бытию, это бытие предстает ей лишь в исчезающих шифрах, в которых она хотела бы приблизить его к себе и высказать его» [4. С. 188].

Разум, сопутствующий экзистенции, не может вырваться за пределы субъект-объектного восприятия действительности, а потому впадает в неразрешимое противоречие. Он не способен выразить свободу экзистенции, это важнейшее свойство её постоянно ускользает от него, так как разуму необходимо определить её, объективировать. В этом, пожалуй, и состоит вся противоречивость человеческого познания: «у него нет иного пути, кроме как мыслить трансценденцию или божество, о которых ему нельзя создавать образ и сравнение, все же в качестве конечного существа в образе и в сравнении, т. е. приближаться к ним в шифрах. Это противоречие никогда не перестает существовать, не может перестать существовать. Мы можем понять его. Мы можем сказать, выражаясь кантовским стилем: “Мы способны разглядеть в этом кажимость, и нет нужды давать ей обмануть себя”» [8. С. 113].

По мнению Ясперса, говорить о трансценденции, опыт которой мы можем лишь пережить, значит вновь и вновь использовать один из шифров, чтобы сохранить и за трансценденцией и за человеком возможность быть свободными. И в этом смысле, человек создаёт шифры, и их количество по мере развития науки приближается к бесконечности. Без них не обойтись в мире, где происходит нескончаемая борьба, вызываемая расколом на субъект и объект. Но даже в созданных шифрах, по мнению Ясперса, можно заметить «действительность трансценденции», как в каждой истине относительной есть часть истины абсолютной. Это исключает, по мнению Ясперса возможность «игры шифрами», запутывания в них. «шифры действительности трансценденции выступают только в тот конкретный миг, когда человек принимает решения, любит, твердо стоит на чем-то, не поступаясь им, обретает единство с самим собой» [8. С. 114].

Однако постепенно Ясперс всё же запутывается в своих шифрах, увлекаясь их описанием, в протоколах его поздних лекций это видно достаточно отчётливо. Всё вокруг для него предстаёт в качестве шифров, и вырваться за их пределы в философствовании уже не представляется возможным. И это видно на примере его труда «Философия», в котором он стремился по его собственному замечанию не построить философскую систему, но «дать классификацию» понятий, которые могли бы послужить в качестве основания для его философствования.

Здесь мы сталкиваемся с противоречивой и, можно сказать, трагической для мыслителя ситуацией. Экзистенциальная самость возможна только благодаря трансценденции, т.е. трансценденция есть нечто экзистенциально близкое. Однако, как только философ начинает осмысливать свой экзистенциальный опыт, он вынужден использовать объективирующие способы выражения, «шифры». Шифры не могут выразить заступление в трансцендентное.

Философ противоречит сам себе, так как он не может найти адекватной своему замыслу логики и языка выражения, который был найден Хайдеггером. Ясперс, вслед за Кантом только фиксирует противоречие, но не может найти пути его преодоления. Как справедливо отмечает Гайдено: «Ясперс гораздо ближе стоит к той традиции в немецкой философии ... для которой характерен дуализм, в то время как Хайдеггер пытается преодолеть этот дуализм...» [7. С.277]. Ведь для Ясперса всякая попытка мышления бытия сразу же превращается в одно из многочисленных явлений бытия, которое не может схватить и выразить сущности бытия. Способ мышления бытия представляет в своей философии Хайдеггер. Он находит и исследует формы, в которых бытие само открывается человеку как несокрытость – язык и художественное творение. Хайдеггер в поздних работах, прибегает к помощи символов, так как рационально глубину открывающегося нам бытия, мы выразить не можем, но это не является редукцией, или сведением к сущему. По Хайдеггеру, в символах, каковыми выступают творения искусства, бытие остаётся бытийствующим. «Воздымаясь и высясь в себе, творение растворяет мир и удерживает этот мир во владычественной правоте бытия» [9. С. 137]. Что же касается «шифров трансценденции» в философии Ясперса, то они не приоткрывают для нас бытие, а дают только «представление о бытии».

Сам Ясперс, вероятно, понимал это противоречие в своей теории, поэтому он делает попытку оправдать его в философской вере, в которой, однако, противоречие даёт о себе знать. Философская вера не может выразить непосредственно знание о трансценденции «самой-по-себе». Да это было бы и странно, ведь даже для выражения «имманентной трансценденции» о которой говорилось выше Ясперс вынужден использовать шифры. Но экзистенция, может, по крайней мере в опыте соприкоснуться с ней. Тогда как трансценденция «сама-по-себе», она закрыта для непосредственного опыта человека, о говорит с ним только посредством шифров. И такому ограничению Ясперс даёт следующее разъяснение: «Если бы трансценденция божества заговорила с нами зримым образом, то нам осталось бы только повиноваться, исчезнув в ничто перед нею. Вопрос прекратился бы сам собою. Повергнувшись ниц перед вступившим в явление из своей сокровенности всемогуществом, я утратил бы свою свободу. Для меня невозможны были бы ни упрямство, ни преданность. Ибо они оба обращаются к сокровенному божеству в вопрошании, ответ на которое есть риск возможной экзистенции. Мы еще находимся в пределах существования во времени. Пока божество остается в сокровенности, и не дает ответа, и оставляет все шифры двусмысленными, оно отбрасывает человека назад к его собственной свободе» [4. С. 101].

Ценность философской веры, по мнению Ясперса, состоит в том, что только посредством веры мы можем удостовериться в том, что трансценденция существует. Это вера не в личного бога, но вера «философская», в которой вера и знание обретают единство, и только такое единство позволяет нам читать шифры трансценденции. Такая вера, не даёт ответы на все вопросы, и не стремится объяснить всё, опираясь на Бога, но только в философской вере мы можем получить знание о трансцендентном, которое было бы истинно и при этом не нуждалось бы ни в какой верификации, кроме моей собственной.

По сути дела, Ясперс снова переходит от размышления о трансценденции к обсуждению шифров трансценденции. Но в шифрах нельзя ощутить живое присутствие абсолюта. То, что давала религия, не может дать «философская вера» Ясперса, ибо шифры есть несобственное, а потому неадекватное выражение трансценденции.

Итак, Ясперса символы не столько соединяют мышление с бытием, сколько являются преградой на пути понимания бытия. Шифры не столько связывают мышление и трансценденцию, сколько выполняют роль занавеса. Абсолют (Бог, бытие, трансценденция) остаётся скрытым для мысли за «частоколом» шифров.

Библиографический список

1. **Жаров, С.Н.** Трансцендентное в онтологических структурах философии и науки: монография / С. Н. Жаров; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 352 с.
2. **Ясперс, К.** Философия / К. Ясперс. – Москва: Канон+; Реабилитация, 2012. – Кн. 1: Философствование в мире. – 501с.
3. **Ясперс К.** Философская вера / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. – 2-е изд. – Москва: Республика, 1994. – 602 с.
4. **Ясперс К.** Философия / К. Ясперс. – Москва: Канон+; Реабилитация, 2012. – Кн. 3: Метафизика. – 503 с.
5. **Ясперс К.** Философия / К. Ясперс. – Москва: Канон+; Реабилитация, 2012. – Кн. 2: Просветление экзистенции. – 482 с.
6. **Судаков А.К.** Предисловие переводчика / А.П. Судаков // Ясперс К. Философия. – Москва: Канон +; Реабилитация, 2012. – Кн. 1: Философское ориентирование в мире. – 384 с. – С. 13 - 27.
7. **Гайденко П.П.** Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. / П.П. Гайденко – Москва: Республика, 1997. – 317 с.
8. **Ясперс К.** Шифры трансценденции / К. Ясперс // Культуры в диалоге. Екатеринбург; Изд-во УрГУ, 1992. – С. 102-115.
9. **Хайдеггер М.** Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Исток художественного творения. – Москва: Академ. проект, 2008. – 315 с.

УДК 172

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории

А. А. Радугин

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: aradugin@yandex.ru

Магистрант группы №215 А. В. Левченко

Россия, г. Воронеж, тел. (8920) 228-01-08;

e-mail: lef16@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

A .A. Radugin.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: aradugin@yandex.ru

Group № 215 graduate student A. V. Levchenko

Russia, Voronezh, tel. (8920) 228-01-08;

e-mail: lef16@yandex.ru

А. А. Радугин, А. В. Левченко

ЛИЧНОСТЬ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПСИХИКИ

Авторы стремились раскрыть аспект динамики личности в условиях современного общества, связанные с расширением границ личности на основе поиска личностных смыслов, формирования субличностей, механизмов отождествления и разотождествления.

Ключевые слова: личность, динамическая структура, смыслы, ценности, субличности. отождествление, разотождествление.

A. A. Radugin, A. V. Levchenko

PERSONALITY AS A DYNAMIC STRUCTURE OF MIND

The authors sought to reveal the aspect of personality dynamics in today's society of expanding the personality boundaries based on the search of personal meanings, the formation of sub-personalities, the mechanisms of identification and disidentification.

Key words: personality, dynamic structure, meanings, values, sub-personalities, identification, disidentification.

Актуальность темы связана с актуальностью проблематики динамики личности в современном обществе. Современное общество переживает процесс социальной трансформации, перехода от индустриального к постиндустриальному, в своей основе, информационному обществу. Информация становится доминирующим продуктом и ценностью. Благодаря современным средствам порождения и распространения, информационные потоки циркулируют с невиданной ранее скоростью. На это основе формируются качественно новые принципы организации жизни и деятельности людей, существенно повышается динамизм изменений, приводящих к снижению стабильности и возможностей устойчивого развития. Как отмечают специалисты, ситуация неопределенности в мире становится доминирующей, Эта ситуация исключает готовые стандартные решения и действия, и, тем самым, детерминирует адаптивные и креативные потенциалы личности, обуславливающие ее динамику.

При исследовании данной проблемы возможно применение деятельностного подхода на основе концепции опредмечивания и распредмечивания. Эта методология активно разрабатывалась в марксистской философии и ее плодотворные результаты известны общественности. При исследовании данной темы можно применить синергетическую методология и раскрыть динамику личности как развивающейся системы с точками бифуркации, аттрактором и т.д. Мы предполагаем, что реализация данного подхода имеет большой эвристический потенциал и ее реализация будет плодотворной в рамках широкого исследования. В масштабах статьи мы хотим взять лишь один аспект этой проблемы, связанный с расширением границ личности на основе поиска личностных смыслов, механизмов отождествления и разотождествления.

Цель данной статьи раскрыть аспекты динамики личности в условиях современного общества, связанные с расширением границ личности на основе поиска личностных смыслов, механизмов отождествления и разотождествления.

По нашему мнению, личность можно представить как субстанцию, находящуюся в состоянии равновесия и после потери равновесия изменяющуюся по закону инерции, т.е. когда включаются в действие центробежные силы, в зависимости от действующих факторов, определяющие ее эволюцию в прогрессивном или регрессивном направлении, а можно рассмотреть и как активный субъект, строящий свой мир, свое «Я», свои личностные качества. Исходным понятием в исследовании динамики личности данным аспекте является понятие «границы личности». Границы личности определяются всем жизненным опытом индивида и возможностями принять новые или усиленные переживания и состоят из целого спектра границ, которые определяют действия, идеи, людей, ценности, установки, образы, воспоминания – все, что индивид свободно выбирает, чтобы быть полностью вовлеченным в окружающую действительность и одновременно откликаться на свои внутренние реакции. Границы личности включают и риск, на который индивид готов пойти ради личного совершенствования. Когда границы личности устанавливаются прочно, человек опасается посягательства на них, потому что для него это может быть сопряжено с перегрузками и волнением, которое он не сумеет контролировать. Обобщенно можно сказать, что развитие личности – это расширение ее границ. Границы определяют поле возможностей, потребностей, поведения человека. По нашему мнению, психологически здоровый, зрелый

индивид обладает одновременно устойчивыми и динамичными границами личности, способен гибко строить отношения с другими и обладать качеством автономности. Человек пребывает в безграничном мире, в котором важную роль приобретает способность перестраивать границы собственной личности. Построение границ личности и их перестройка начинается с самого рождения и происходит на протяжении всей жизни индивида. Выдающийся представитель гуманистической психологии В. Франкл считал, что истинное бытие человека отражает сфера его выхода за пределы себя. В своей книге «Человек в поисках смысла» он писал: «Мы встречаемся здесь с феноменом, который я считаю фундаментальным для понимания человека: с самотрансценденцией человеческого существования! За этим понятием стоит тот факт, что человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя. Чем больше он отдает себя делу, чем больше он отдает себя своему партнеру, тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой. Таким образом, он, по сути, может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя, не обращает на себя внимания [1. С. 29–30]. В этом контексте В. Франкл представляет границы личности как способность человека понять себя и смысл своей жизни реализовать его на основе выбранных ценностей. По его мнению, «смысл это то, что имеется в виду: человеком, который задает вопрос. Или ситуацией, которая тоже подразумевает вопрос, требующий ответа» [2. С. 39]. Этот вопрос обобщенно можно сформулировать: «Зачем?» А реализация ответа на этот вопрос находится в плоскости «Как». Можно сказать, что смысл – это ответ личности, на вызов, который бросает ей ситуация.

Разъясняя свою позицию в отношении проблемы поиска личностных смыслов, включая и смысл жизни, Франкл подчеркивал: «Надо выучить самим и объяснить сомневающимся, что дело не в том, чего мы ждем от жизни, а в том, чего она ждет от нас. Говоря философски, тут необходим своего рода коперниканский переворот: мы должны не спрашивать о смысле жизни, а понять, что этот вопрос обращен к нам — ежедневно и ежечасно жизнь ставит вопросы, и мы должны на них отвечать — не разговорами или размышлениями, а действием, правильным поведением. Ведь жить — в конечном счете, значит нести ответственность за правильное выполнение тех задач, которые жизнь ставит перед каждым, за выполнение требований дня и часа. Эти требования, а вместе с ними и смысл бытия, у разных людей и в разные мгновения жизни разные. Значит, вопрос о смысле жизни не может иметь общего ответа. Жизнь, как мы ее здесь понимаем, не есть нечто смутное, расплывчатое — она конкретна, как и требования ее к нам в каждый момент тоже весьма конкретны. Эта конкретность свойственна человеческой судьбе: у каждого она уникальна и неповторима. Ни одного человека нельзя приравнять к другому, как и ни одну судьбу нельзя сравнить с другой, и ни одна ситуация в точности не повторяется — каждая призывает человека к иному образу действий. Конкретная ситуация требует от него то действовать и пытаться активно формировать свою судьбу, то воспользоваться шансом реализовать в переживании (например, наслаждении) ценностные возможности, то просто принять свою судьбу. И каждая ситуация остается единственной, уникальной и в этой своей уникальности и конкретности допускает один ответ на вопрос — правильный» [3. С. 293].

Этот выбор, по Франклу, принимает форму выбора ценностей. Ценности формируются в субъектно-объектных отношениях, они выражает смысловую позитивную значимость объекта для субъективного бытия. Причем объект может находиться в пространстве материального мира или культуры, или в виде различных форм внеприродного, иллюзорного, творимого фантазией небытия; индивид может усматривать в объекте не только личные смыслы, но и национальные, профессиональные или наделять смыслом традиции, сложившиеся в том или ином социальном институте. Таким образом, в

ценностях наиболее важным, существенным является отношение значимости. С этих позиций нам представляется продуктивным определение ценности, предложенное Л.С. Перевозчиковой: «ценность – это идеальное качество явлений Культуры, формирующееся в процессе общественно-исторической, предметно-практической, духовной и духовно-практической деятельности Человека, и отражающее отношения их (явлений) значимости в социальном взаимодействии и общении, служащее смыслообразующим основанием человеческого бытия, задающее направление и мотивацию конкретной деятельности, поступков и всей жизнедеятельности» [4. С. 150].

Ценности выступают важным связующим звеном между обществом и внутренним миром личности. На основе базовых ценностей формируются культурные смыслы. Смысл соотносит любое явление, любой предмет с человеком: если нечто лишено смысла, оно перестает существовать для человека. С точки зрения психологии, осмысленная ценность приобретает для человека значимость личностного смысла. В современной психологии и этике широко оперируют понятием «личностные ценности». Личностными ценностями становятся те смыслы, по отношению к которым субъект самоопределился. Конструктивная роль личностных ценностей наиболее явно выступает при интерпретации «моральных решений» и процессов личностной регуляции принятия решений (интеллектуальных, поведенческих и т.д.). В них субъект реализуется на уровне целостного Я, предполагающего сознательный и ответственный выбор не только в плане внешне заданных альтернатив, но и в плане достигнутого потенциала саморегуляции как внутренней динамики движения мотивов, целей и смыслов. Личностные ценности являются специфической формой функционирования смысловых образований в личностных структурах.

Из вышеизложенного следует, что, ценность характеризуется двумя главными свойствами - значимостью и личностным смыслом. Значимости и смыслы находятся в тесном взаимодействии, они взаимно обуславливают друг друга. Значимости выступают ориентирами деятельности индивида, они отражают личностные смыслы. Ключевым показателем наличия личностного смысла является осмысленность жизни. Осмысленность жизни определяется как осмысленность прошлого, настоящего и будущего, как наличие цели в жизни, как переживание индивидом онтологической значимости жизни. Перед любым человеком стоит экзистенциальный выбор: оценивать мир и свое место в нем с позиции утилитарно-гедонистического интереса или видеть мир в перспективе «высшего сознания», то есть морально-эстетической рефлексии. Только выбор последней перспективы и свободное волеизъявление в свете высших ценностей придают человеку чувство собственного достоинства и возможность оценить свое высокое предназначение в мире. Сущность человеческого бытия состоит в том, что это есть рефлектирующее и ответственное отношение к миру в свете высших ценностей. Американский психолог Эрих Фромм считал, что люди с богатым духовным миром определяют смысл жизни через трансцендирование, то есть соотнесение с высшими, ведущими ценностями. Для некоторых в качестве ведущей духовной ценности может выступать Познание, для других - Любовь, Творчество, Вера, Свобода, забота о благе Отечества. Ради этих ценностей люди способны переносить жизненные невзгоды и лишения, сознательно идти на самоограничения и даже жертвовать собой. Трансцендирование к духовным ценностям делает индивида самостоятельным и последовательным в действиях, независимым от случайных, равнодушных оценок. С другой стороны, человек, чуждый духовных ценностей, способен жить только сегодняшним днем. Его судьба зависит от прихоти случая и расхожих мнений, собственных пристрастий и капризов, и в целом его жизнь представляется бессмысленной. Когда в обществе накапливается слишком много таких людей, они начинают представлять социальную опасность.

Смыслотворчество, выражающееся в создании ценностного мира в психологическом аспекте связано с формированием в психике человека особых психических образований. Как утверждает итальянский психолог Роберто Ассаджолли, невозможно создать что-либо значимое, не отнесясь к этому лично, то есть, не ощущая соответствующий проект как *свой*,

то есть являющийся реализацией интимной, внутренней цели, поддержанной внутренним «Я». Реализация значительной цели всегда сопровождается созданием соответствующей субличности. Если человек чувствует, что должен сделать этот мир (в целом или в каком-то фрагменте и аспекте) лучше, ярче, добрее или чище, и предпринимает длительные и эффективные усилия для этого, то у него неизбежно возникает и оформляется субличность, которая идентифицируется с этой его программой». Субличность» – это метафора, фиксирующая наличие устойчиво функционирующего в психике индивида на уровне подсознания аспекта его личности, который во многих случаях ассоциируется с тем или иным статусом, ролью, программой действий или существенным качеством человека. Понятие «субличность» в психологии используется как удобная модель, позволяющая в определенной степени объяснить *движущие силы личности*, но не надо забывать, что это всего лишь модель, не претендующая на статус оригинала.

С точки зрения психологии, субличность представляет собой программу подсознания, поддерживающую определенную самоидентификацию и состояние сознания, определяющие, способы мировосприятия и воздействия на мир. Итальянский психотерапевт, Пьеро Феруччи, характеризует субличности как «психологические спутники, которые одновременно существуют как множество различных жизней». Каждая субличность имеет свой собственный стиль и свою собственную мотивацию, отличающуюся от других. Субличности соответствует определенное состояние сознания человека, или четко очерченная область таких состояний; у развитой субличности появляются свои этика и эстетика, а также свойственные лишь ей особенности физиологии, осанки, движений, интонаций и мимики человека. Субличности свойствен определенным способ видения мира и воздействия на него, а также рамки этого видения и инструменты воздействия на мир. Итак, субличность – это психодинамическая структура, которая, став достаточно сложной, стремится к независимому существованию. Она обладает собственными характеристиками, требует независимого существования и старается удовлетворить собственные потребности и желания через личность.

Субличности имеют свою судьбу: в какой-то момент они возникают, определенным образом эволюционируют и в какой-то момент покидают психику, оставляя в ней лишь незначительные следы своего бывшего в ней пребывания. По мнению А. Подводного, есть два, в некотором отношении противоположных пути образования субличности: нисходящий и восходящий. Субличность, образуемая по нисходящему пути, возникает из того или иного качества или роли, которые возникают у человека вначале чисто символически как таковые, и лишь потом постепенно обрастают атрибутами и конкретными проявлениями. Однако бывает и наоборот, когда материал впечатлений, событий и поступков, из которых впоследствии формируется субличность, вначале никак не организован и представляет собой отдельные хаотические вкрапления в общем жизненном потоке, которые постепенно складываются психикой в особую программу, впоследствии осознаваемую человеком как субличность. Многие субличности получаются обобщением регулярно возникающих у человека в чем-то похожих друг на друга психических состояний или жизненных проявлений, соответствующих тем или иным качествам природы человека, у человека, но в субличность они оформляются лишь при достаточно частой актуализации – лишь тогда образуется специальная программа подсознания, их объединяющая. Этому моменту (то есть образованию субличности) часто соответствует выражение человеком соответствующего качества как черты своего характера или ритма жизни. Субличности – это психоэнергетические образования, подобные живым существам, сосуществующим в общем пространстве нашей личности. Каждая субличность ведет собственный стиль жизни и имеет свои собственные движущие мотивы, зачастую отличные от стиля жизни и мотивов других субличностей.

Итак, субличность – это психодинамическая структура, которая, став достаточно сложной, стремится к независимому существованию. Она обладает собственными

характеристиками, требует независимого существования и старается удовлетворить собственные потребности и желания через личность. Будучи энергетическими психодинамическими структурами, субличности ищут самовыражение во внешнем мире. Хотя человек может быть в полном неведении насчет сублинностей, доминирующих в его жизни, знание путей самовыражения субличности открывает доступ к психике индивида, указывая на психодинамические структуры, с которыми человек идентифицирует себя. Изменение или трансформация хотя бы одной субличности влияет на всю психику индивида в целом.

Процесс расширения границ личности в методологии психосинтеза рассматривается как процесс построения соборного «Я». Исходным моментом и интегрирующей структурой в этом процессе выступает истинное «Я». Истинное «Я», – это стержень личности, это чистое сознание, то есть сознание, свободное от влияния временно господствующих в нем элементов и сублинностей. Истинное «Я» отличается от элементов и сублинностей своей неизменной сущностью. Именно это свойство и позволяет ему (истинному «Я») выполнять роль объединяющего центра на протяжении жизнедеятельности индивида. Данные структуры располагаются вокруг «Я», как духовного центра притяжения. Они обеспечивают целостность личности.

Максимальное слияние индивида с той или иной субличностью называется идентификацией или отождествлением. Склонность идентифицироваться или не идентифицироваться со своими сублиностями у разных индивидов выражены не одинаково. Тем не менее, у каждого человека есть самые значимые субличности, которые он в большей степени считает своим "истинным" «Я». Для одних людей это их социальный статус, для других – профессиональные роли, для третьих - любовная сторона жизни, для пятых – родительская и т.д. Исследования показывают, что идентификация чаще всего осуществляется со статусом индивида. В этом ракурсе исследования статус можно представить как аксиологическую категорию. Статус личности - это ее значимость в социальном и межличностном взаимодействии. Статус как аксиологическая категория, это ценностный феномен, и как всякий ценностный феномен имеет объективно-субъективную природу. Объективно статус связан с оценкой положения личности в различных (конкретных) структурах социума. Этот социальный аспект статуса изучает социология. Статус в структурах социума порождает ролевые ожидания. И это явление объясняет социологическая теория ролей. Но более важным для личности является субъективный аспект статуса. В этом аспекте статус предстает как оценка личностью своей значимости, т.е. места роли в социальном взаимодействии, которая включает в себя и субъективное представление как окружающее люди, социум оценивает твой статус. И уже на основании личностной оценки статуса формируются личностные роли. Поэтому, видимо будет большим упрощением представлять субличности личностных ролей как интернализацию социальных ролей. По-видимому, субличности, формируются не просто на основе интернализации социальных ролей, а через механизмы психологизации ролей. И здесь возможен разворот исследования в русле логики значимости и смыслы. Статус и в социальном аспекте это значимость личности. В психологическом аспекте статус – это смысл значимости позиции личности в обществе для нее самой. Следует иметь в виду, что оценка значимости позиции личности в социуме, проявляющаяся в межличностном взаимодействии и оценка значимости позиции личности в обществе для нее самой могут существенно не совпадать. Иногда личность чувствует это не совпадение. Но для нее важнее собственная оценка и она переживает свой статус в собственной оценке. Таким образом, статус можно определить как переживание личностью своей позиции в социуме (в социальном и межличностном взаимодействии). Одни люди отождествляют себя преимущественно со своим телом (спортсмен, манекенщица), другие — с должностью (директор, ректор, декан); третьи — с чувствами (влюбленный, любовник). *Над индивидом властвует все то, с чем он себя отождествляет.* Такое однобокое отождествление себя с

одной из частей своей личности, прежде всего, затрудняет познание «себя для себя». Более того, длительное отождествление себя с отдельными элементами личности нередко ведет к трагедии: «страдающий спортсмен», «блекнущая актриса», «ушедший в отставку директор» и т. п. Эти отождествления могут быть стойкими, но могут носить и временный характер. Каждый из нас временами говорит (или думает): я раздражен; у меня все валится из рук; у меня ничего не получается. И индивид может сдаться этим чувствам или отождествиться с ними и надолго впасть в гнев или депрессию, а можем и отграничить эти чувства от своего сознательного «Я» осознать их, постараться увидеть их причину и нежелательные последствия.

Механизм отделения своего чистого Я от субличностей называется разотождествлением. Смысл разотождествления, по мнению Р. Ассаджиоли, заключается в том, чтобы отделить выделенные комплексы и «мыслеобразы» от нашего сознательного «Я», разложить их на элементы и постараться контролировать их и управлять ими. «Иными словами, — пишет Ассаджиоли, — нам следует наблюдать их холодно и бесстрастно — так, как если бы они были просто внешними природными явлениями. Необходимо установить между собой и ними «психологическую дистанцию» и, удерживая эти комплексы и мыслеобразы, так сказать, на расстоянии вытянутой руки, спокойно изучать их происхождение, их природу и их глупость» [5. С. 36].. Это не означает, что энергию этих негативных чувств и желаний нужно обязательно сдерживать и подавлять. Эту энергию нельзя пускать и на самотек. Нужно научиться контролировать ее и управлять ею, направляя в конструктивное русло, но это возможно только при отграничении и постижении стержня своей личности, своего истинного «Я». Таким образом, процесс разотождествления приводит к сужению границ личности, приведение личности к нормальному гармоничному состоянию ее элементов.

Итак, личность представляет собой динамическую структуру, которая в процессе жизнедеятельности попадает в различные ситуации и вынуждена искать смыслы своего бытия в виде тех или иных ценностей. В процессе смысловорчества и реализации смыслов психике личности формируются субличности, с которыми личность отождествляет себя. Формирование субличностей нередко приводит к существенному расширению границ личности. Субличности как психоэнергетические образования стремятся к независимому существованию. Они обладают собственными характеристиками, требуют независимого существования и стараются удовлетворить собственные потребности и желания через личность. Каждая субличность ведет собственный стиль жизни и имеет свои собственные движущие мотивы, зачастую отличные от стиля жизни и мотивов других субличностей. Нередко это приводит к внутренним конфликтам личности, которые чреваты формированием неврозов. Разрешение этих конфликтов осуществляется через механизм разотождествления. Процесс разотождествления приводит к сужению границ личности, приведение личности к нормальному гармоничному состоянию ее элементов.

Библиографический список

1. **Франкл, В.** Человек в поисках смысла: [пер. с англ. и нем.] / В. Франкл; под общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
2. **Там же.**
3. **Там же.**
4. **Перевозчикова, Л.С.** Аксиологические основания гуманистической парадигмы высшего образования в культуре информационного общества: дисс. д-ра философ. наук: 09.00.13: защищена 12.05.09 /Лариса Сергеевна Перевозчикова. — Тула, 2009. — 395с.
5. **Ассаджиоли, Р.** Психосинтез [Текст] / Р. Ассаджиоли. — М.: Институт Психотерапии, 2008. — 384 с.

УДК 130.2

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.
Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
О. А. Радугина.
Россия, г. Воронеж, тел. (473)271-50-04;
e-mail: radugina@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.
PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
O. A. Radugina.
Russia, Voronezh, tel. (473)271-50-04;
e-mail: radugina@yandex.ru*

О. А. Радугина

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ СОЦИУМАХ

В статье рассматривается взаимоотношение национальной и этнической культуры в национально-государственных социумах, выявляются закономерности формирования национальной культуры на базе этнической и определяются носители той и другой формы культуры в современном российском обществе

Ключевые слова: национальная культура, этническая культура, ценностно-смысловое ядро, периферия, ценности, национально-государственный социум.

O. A. Radugina

THE RELATIONSHIP OF NATIONAL AND ETHNIC CULTURE IN THE NATION-STATE SOCIETIES

The article considers the relationship of national and ethnic culture in the nation-state societies, identifies patterns of national culture formation on the basis of ethnic culture and carriers of both forms of culture in contemporary Russian society are defined.

Key words: national culture, ethnic culture, value-semantic core, periphery, values, national-state society.

Современное мировое сообщество развивается невиданными ранее темпами. В динамике развития мирового сообщества значительную роль играют национальный и этнический факторы. Эти факторы в мировом масштабе заметным образом корректируют интеграционные процессы в усилиях по созданию глобальной цивилизации. От них также зависят темпы социальных изменений в национально-государственных социумах.

Цель статьи исследовать взаимоотношения национальной и этнической культуры в национально-государственных социумах.

По нашему мнению, в каждой культуре национально-государственного социума, в том числе, и в культуре российской цивилизации существуют два вертикальных уровня: первый – устойчивое ценностно-смысловое ядро, второй – изменчивая периферия. Ценностно-смысловое ядро составляют духовные ценности, образующие определенную иерархическую структуру. Эта структура определяет своеобразие мировоззрения, ценностные приоритеты, а также самобытность уклада и образа жизни носителя этой культуры.

На основе этого ценностно-смыслового ядра в процессе взаимодействия с другими национальными культурами и в результате творчества интеллигенции, формируются периферийные элементы. Эти периферийные элементы несут характер национально-культурных «конструктов» – устойчивых образно-смысловых, понятийных и ценностных систем, с помощью которых индивиды пытаются осознать и интерпретировать события, происходящие в их жизни. «Конструкты» как рационализированные структуры

формируются на основе отражения действительности и передаются из поколения в поколение через каналы культурной идентификации. Взаимодействие между «смысловым ядром» и периферией происходит по законам взаимодействия между культурной традицией и культурной инновацией. При этом действует принцип доминанты ценностно-смыслового ядра, в соответствии с которым попасть из периферических в «ядерные» слои культуры имеют возможность те ценности и смыслы, которые слабо или совсем не противоречат входящим в состав ядра.

Принцип взаимодействия ценностно-смыслового ядра и периферии, по нашему мнению, можно конкретизировать на основе рассмотрения взаимодействия между этнической и инновационно-национальной культурой. Этническая и инновационно-национальная культуры имеют общую основу, но отличаются друг от друга по ряду признаков. Этническая культура исторически первична. Она формируется на ранних стадиях развития человечества. Особенности этнической культуры, в первую очередь, связаны с тем, что она формируется под непосредственным влиянием природной среды, зависимость от которой на начальных стадиях существования человечества была очень высокой. В ней выражается народный опыт жизнедеятельности, рационального хозяйствования в данных природных условиях, организация социального взаимодействия и т.д. Аксиологическим основанием этнической культуры являются этнические ценности. Этнические ценности лежат в основе культурных традиций этноса, образующих специфическое содержание духовного мира этноса. Система этнических ценностей и традиций формируется на основе социального опыта коллективной жизнедеятельности членов этноса – этнофоров. В эту систему входят традиционные формы хозяйственной жизнедеятельности, особенности организации семьи, характер освоения окружающего пространства, отношение с природным миром, предания, верования, черты народной художественной культуры и т. д. Важнейшую роль в этнической культуре играет традиция. Культурная традиция представляет собой один из важнейших механизмов поддержания, сохранения устойчивости, ценностей, норм и образцов этнической культуры. Благодаря действию механизма традиции осуществляется идентификация членов данного этноса, упорядочивается взаимодействие в стандартных ситуациях с представителями других общностей. Традиция выполняет также функцию селективного механизма по отношению к инновациям. Благодаря ее действию из них, отбираются только те, которые не оказывают разрушительного воздействия на специфические черты данного этноса, и отвергаются те, которые представляют угрозу этнической идентичности. Таким образом, этническая культура – это разновидность локальной культуры как культуры определенного этноса, формирующейся, как правило, на ранних стадиях этнической истории и характеризующейся традиционными ценностями, представлениями, верованиями, образцами поведения.

В мировом сообществе существуют различные исторические формы этносов: союзы племен, народности, нации. Каждая из этих исторических форм существования этносов вырабатывает особенности этнической культуры. В связи с целями нашего исследования мы не будем анализировать эти особенности на уровне союза племен и, поскольку объектом нашего интереса является культура дворянского общества, то сконцентрируем внимание на народности и нации. По классической теории формирования исторических форм общности, народность как форма общности формируется по мере того, как за теми или иными этносами, существовавшими в виде союза племен закрепляется общая территория, из многообразных диалектов формируется общий язык, и складывается общность психического склада в форме менталитета, на основе общности религии и иных форм культуры. Сердцевину культуры народности составляют определенные константы духовности – культурные архетипы, в которых выражается и закрепляется основополагающие характеристики этноса. Культуре каждой народности присущи свои этнокультурные архетипы, существенным образом определяющие особенность мировоззрения, характера,

обычаев, традиций, поведенческих стереотипов и т. д. Культура народности это, по преимуществу, этническая культура.

Нация, как разновидность этносоциальных общностей, появляется на высоком уровне развития общества. Исторически возникновение наций в социальном аспекте связано с ликвидацией феодальной раздробленности, усилением хозяйственных связей до уровня единого экономического пространства, образованием национальных государств. В культурном аспекте огромное значение для образования и функционирования наций имеет формирование единого семиотического пространства на основе унификации языка в процессе распространения его литературной формы через систему образования, литературу и средств массовой информации, а также развитие профессиональной культуры и искусства, традиций и символики национальных государственных систем власти и социального контроля. Не менее важное значение для формирования и функционирования наций имеет формирование определённых ценностных установок на культурное творчество и развитие, взаимодействие и взаимообогащение опытом других народов [1. С. 150.].

Национальная принадлежность, как и всякая этническая принадлежность, определяется самосознанием индивида. Но если этническая принадлежность связывается с происхождения человека, с его историческими корнями, то национальная принадлежность в большей мере связана с включением индивида в семиотическое и ценностное поле данной национальной культуры и чувства его причастности к ней.

Каковы же особенности национальной культуры, и особенности её взаимодействия с этнической культурой? Неверным является утверждение, что национальная культура – это культура определенной нации. Каждая национальная культура подразделяется на два слоя, два уровня: традиционный, этнический и инновационный, национальный. В основе любой национальной культуры находится этническая культура тех этносов, которые эту нацию и образовали. В развитых национальных государствах этническая культура – это народная культура. Ее сосредоточением является повседневность, которая охватывает сферу быта и включает в себя обычаи, традиции предков. Они проявляются в стереотипах социального поведения, в народных промыслах, языке фольклора, особенностях пищи и одежды, специфической формы досуга и т. д. Важное качество повседневной культуры любого этноса – традиционность. Традиционность определяет ценности повседневной этнической культуры, её нормативное и смысловое содержание, социальные механизмы передачи по наследству традиции, нормы и ценности минуя такие социальные институты, как учебные заведения. Однако, понятие «национальная культура» гораздо шире, чем этническая. В узком смысле национальная культура – это инновационная культура. В её основе лежит письменность и образование, а воплощается она в литературе и искусстве, науке и философии, социально-политическом и технологическом развитии общества. Лучшие достижения национальной культуры – это продукт творчества наиболее талантливых представителей науки, просвещенных эрудированных людей. «Национальность, – утверждал известный русский мыслитель Д. Н. Овсяннико-Куликовский, есть явление по преимуществу интеллектуальное, творческое. Поэтому интеллигенция полнее других слоев населения выражает национальную «подоплеку» народа. Отсюда следует, что национальная культура, в узком смысле этого слова, это культура интеллигенции и образованных слоев общества. Овладение культурой широкими массами достигается на основе институтов образования и самообразования» [3. С. 210.]. Поэтому в узком смысле национальная культура – это культура интеллигенции и образованных слоев общества. Широкие массы постигают культуры посредством институтов образования и самообразования. Соответственно проблема взаимоотношения этнической и национальной культуры – это проблема взаимоотношения «корней» и инновационной культуры. Однако взаимоотношения между национальной культурой, в узком смысле слова, и этнической культурой, как ее наиболее древним компонентом, весьма сложны и противоречивы. С одной стороны этническая культура – это источник творчества, создания национальной культуры в узком значении

этого слова. Из неё заимствуют писатели сюжеты и образы, композиторы – мелодии и ритмы, архитекторы – стиль и орнамент, оформление построек. От её многими веками складывающихся традиций во многом зависит своеобразие и неповторимость «мира» любой национальной культуры.

С другой стороны, этническая культура консервирует архаичные, во многом уже не отвечающие современным условиям нормы жизни. Часто этническая культура сопротивляется переменам и новшествам, отличается неприязнью ко всему чужому и незнакомому. Национальная же культура, чем выше развита, тем более открыта для контактов с другими культурами, становится лишь богаче от того, что впитывает в себя их достижения. Этническая культура стремится сохранить различия между локальными, местными, свойственными лишь отдельным группам населения особенностям быта, поведения, произношения и т. д., а в национальной культуре эти отношения нивелируются и с развитием постепенно исчезают.

Этническая культура по своей направленности является традиционалистской. В российском сословном обществе наибольшей мере традиционализм на базе этнической культуры определялся нормами «Домостроя». В нем детализация устройства повседневной жизни «малого мира» – семьи, неразрывно связывалось с представлениями об открытости этого мира высшим духовным ценностям через восприятие Дома как Храма, а повседневности как служения Богу. В «Домострое», прежде всего, подробно описывались нормы религиозного и этического поведения, утверждались правила воспитания и семейного быта, давались практические советы ведения домашнего хозяйства. Национальная культура в российской цивилизации начинает формироваться тогда, когда преодолевается парадигма традиционализма, и в российском обществе начинает укореняться парадигма инноваций на базе ценностей европеизма. В истории России укоренение этих процессов связано с реформами и деятельностью Петра Великого. Особо сложные и неоднозначные процессы в России происходили во время проводимой Петром I и его приемниками модернизации. Здесь в довольно сильной степени проявились пренебрежение сложившимися стереотипами образа жизни, и их целенаправленное разрушение во имя «светлого завтра», которое российские реформаторы связывали с европеизацией культуры. Как отмечают исследователи, модернизация – это особая форма социокультурного развития, в ходе которого трансформации ориентированы на формирование современного общества, поэтому она предполагает прогрессивный вектор изменений. Несмотря на успехи в формировании национальной культуры в российской истории традиционализм длительное время занимал доминирующие позиции в формах взаимодействия индивида, власти и общества. В идеологических конструкциях различных эпох и течений опора на традицию интерпретировалась как опора на «народную почву». Важнейшей особенностью политической культуры России является то, что большинство её населения ориентируется на ценности корпоративизма: коллективизм, «соборность», тесную взаимопомощь, социальное равенство и т. д. Эти ценностные ориентации сложились в русской общине, которая была основой социальной организации жизни на протяжении всей российской истории [2. С. 230.].

Для того чтобы понять значение этнической и национальной культуры в современном обществе, необходимо выяснить, кто является носителями того или другого уровня культуры. По нашему мнению, носителями этнической культуры традиционно во все времена является крестьянство. Этническая культура – это деревенская культура. Влияние этнической культуры довольно сильно проявляется в небольших населенных пунктах, в том числе, и в малых городах. Национальная культура это – городская культура и ее влияние больше всего проявляется в мегаполисах. Поэтому носителям этнической культуры и ареалам их жизнедеятельности присущ консерватизм. Напротив, жизнь в мегаполисах пронизана динамизмом, быстротекущими изменениями всех сфер, открытости к заимствованиям иных форм и норм жизни.

Библиографический список

1. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. / Л. Н. Гумилев – М., 1980. – 580с.
2. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв. / Ю. М. Лотман – М., Гнозис. Изд. группа «Прогресс», 1992. – 572 с.
3. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. История русской интеллигенции / Сочинения в 9 тт. / Д. Н. Овсяннико-Куликовский – СПб., 1909г., Т. 8. – 360 с.

УДК 123.1

Воронежский институт государственной противопожарной службы МЧС России.

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин И. Д. Черноусова.

Россия, г. Воронеж,

e-mail: ivcher67@mail.ru

Voronezh Institute of the State Fire Service of Russian Emergencies Ministry.

PhD in Philosophy, Associate Professor of Humanitarian and Socio and Economic Disciplines I. D. Chernousova.

Russia, Voronezh,

e-mail: ivcher67@mail.ru

И. Д. Черноусова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СВОБОДЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Менталитет российского общества исторически целостен и тесно связан с православными ценностями. В статье раскрываются ценностные характеристики свободы в русской традиции.

Ключевые слова: свобода, свобода и ответственность, свобода и необходимость, внутренняя свобода, любовь как синтез свободы и необходимости, ценностный идеал свободы.

I. D. Chernousova

AXIOLOGICAL ASPECTS OF FREEDOM IN THE RUSSIAN CULTURAL TRADITION

The Mentality of the Russian society is historically connected closely with Orthodox values. The article reveals the value characteristics of freedom in the Russian tradition.

Key words: freedom, freedom and responsibility, freedom and necessity, inner freedom, love as a synthesis of freedom and necessity, the value of the ideal of freedom.

В русской культурной традиции понимание свободы отражает некоторые существенные особенности русской истории и имеет свои объективные причины. Первый фактор, оказывающий влияние на формирование представлений о смысловом значении свободы и ее соотношении с другими категориями, можно обозначить как природно-географический. Окружающие природные условия на протяжении всей истории человечества оказывают влияние на жизнь человека, а следовательно, и на представления

людей. К. Маркс справедливо и обоснованно указывал, что, чем больше природное плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. В этом случае как бы «ослабляется» влияние природной необходимости и, соответственно, возрастает роль свободы. Неблагоприятные природные условия средней полосы России (Новгородская, Владимиро-Суздальская, Московская Русь) – суровая зима и короткое лето, подзолистые и суглинистые почвы, леса и болота – явились тем мощным объективным «катализатором», усиливающим роль и значение необходимости, на базе которой и только в связи с которой и могла развиваться свобода. Вместе с тем, географическая среда оказывает серьезное влияние и на производственную деятельность человека, что по отношению к российским условиям сказалось в явно доминирующей роли общинных, коллективных форм хозяйствования, так как в одиночку, частным образом, выжить было практически невозможно. Само равнинное положение России, между Европой и Азией, по образному выражению И.А. Ильина и И.Л. Солоневича, представляло собой «проходной двор» для многих кочевых народов.

Второй объективный фактор, оказывающий воздействие на формирование определенных взглядов на смысл свободы в русской национальной традиции, – военно-исторический. На протяжении всей своей истории Россия испытывала колоссальное военное и экономическое давление со стороны как европейских, так и азиатских соседей.

Постоянная борьба за существование требовала максимального напряжения всех жизненных сил, самоотверженности и самоотдачи всех слоев населения, концентрации всех имеющихся средств, военной, политической, экономической дисциплины и централизации, положительное значение которой отметил еще А. И. Герцен: «Необходимость централизации была очевидной, без нее не удалось бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства» [1. С. 154].

Свобода, как личная, так и общественная, могла существовать и развиваться именно благодаря связи с необходимостью, при этом необходимость не воспринималась как нечто «внешнее» и «чуждое», но как свое собственное, личное, родное и заветное. Эти же факторы во многом обусловили определенные представления о ценности как святыне, то есть о том главном, заветном, нерушимом, священном, за что отдана жизнь и пролита кровь многих поколений и что позволяет жить, и дает смысл национальной жизни.

В русской религиозной философии при рассмотрении взаимодействия свободы и ответственности ответственность имеет большую смысловую значимость. Дело в том, что и западноевропейской философской традиции, в целом присуще признание значения ответственности в отношении собственной внутренней свободы, но ответственность здесь заключается в рамках индивидуалистического понимания, то есть безукоснительное следование своим убеждениям без учета их собственно ценностного содержания (честность). Из русских мыслителей уже Ф.М. Достоевский в известном споре с «западником» К.Д. Кавелиным о понятии нравственности указал на принципиальную недостаточность индивидуалистического истолкования ответственности: «... нравственное еще не исчерпывается лишь одним понятием о последовательности со своими убеждениями... Нужно постоянно проверять: верны ли мои убеждения?» [2. С. 22].

В символическом мировоззрении под ответственностью понимается прежде всего высший ее тип – ответственность перед содержанием высших, истинных ценностей-святынь, а следовательно, ответственность и за другого, за ближнего. И чем шире и совершеннее ценностный идеал, тем шире и глубже становится ответственность. В Православии, «Абсолютной мифологии» (А.Ф. Лосев), где абсолютным идеалом является Абсолютная личность – Христос, пределом тотального состояния ответственности является ответственность каждого за всех и всех за каждого. Состояние тотальной ответственности есть одновременно и свобода и необходимость. Субъект свободно становится необходимостью, а необходимость осуществляется свободно. Характерной чертой

ответственности является состояние внешней освобожденности при внутренней связующей необходимости.

Свобода существует, благодаря связи с содержанием необходимости, а связь осуществляется добровольно, в силу внутренних побуждающих причин, но благодаря этому, прочна и действенна. Свобода сама, в целях своего содержательного обогащения, свободно полагает необходимость, исходя из общего родственного, ценностного содержания. Здесь уже нет ничего внешнего и чуждого, а свобода и необходимость находятся в постоянном смысловом общении. Синтезом свободы и необходимости в данном случае является уже не знание, а чувство. Чувствовать что-нибудь – значит переживать его так, как будто бы оно было ты сам.

Чувство есть смысловой факт становящейся самоотнесенности. Отсюда и «тихая и доступная» философия «поющего сердца» Ивана Ильина. «Русская идея есть идея сердца, созерцающего свободно и предметно и передающее свое видение воле для действия и мысли, для осознания и слова... Вот почему в основе русской культуры лежит живая очевидность сердца, а русское искусство всегда было – чувственным изображением нечувственно-узренных обстоятельств». И еще: «... порыв к свободе укоренен в структуре русского национального акта; так как этот акт есть, прежде всего, чувство» [3. С. 22].

Стоит сделать важное уточнение. В русской религиозной философии у А.Ф. Лосева, И.А. Ильина, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина, С.Н. Трубецкого содержание таких понятий как «сердце», «ум» и «чувство» исходят из их патристического средневекового понимания, которое коренным образом отличается от расхожего новоевропейского, с присущим последнему резким разделением на «ум», «чувство» и «волю», что отражает состояние расколотости внутреннего мира частичного индивидуума гражданского общества, в противоположность цельному «естественному», человеку средневековья.

Чувством, которое может проявиться в синтезе свободы и необходимости, является любовь. Классическое определение любви дается в послании апостола Павла к коринфянам, которое некоторые богословы торжественно именуют новозаветным гимном любви: «любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносит, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (к коринф. 13. 4-8). Именно в любви взаимоотношения строятся не по типу господства-подчинения, но восполнения и взаимообогащения обеих сторон. Именно в любви и возможно то состояние «неслиянности и нераздельности», о котором впервые в истории богословия и философии заговорили восточные отцы Церкви в эпоху Вселенских Соборов.

Наряду с православной святоотеческой традицией, где любовь является основополагающим жизненным принципом, в западноевропейской философии также существовали попытки указать на особое ценностное значение и роль любви в истории культуры, в деле познания мира, общества и человека (Августин, Б. Паскаль, Г. Гегель, Л. Фейербах).

Новозаветный принцип всеобъемлющей любви является основой эстетического отношения к природе и человеческому обществу, так как любви свойственно беречь и развивать разнообразие форм жизни в их взаимной внутренней самоценности. Вполне закономерно, что русскому православию, как религии любви, присуще художественное мироощущение в противовес научно-утилитарному, потребительскому. С.Н. Трубецкой писал: «умозрение в причинах» [4. С. 54].

Любовь как синтез свободы и необходимости в православном символическом мировоззрении обращает внимание на внутреннюю сторону свободы, усиливает ценностное значение ее духовной сущности по сравнению с конкретными внешними формами свободы (юридической, экономической, политической).

Любовь – это, прежде всего, свобода духа. «Свобода, по самому существу своему, есть именно духовная свобода, ибо дух есть сила самоопределения к лучшему, а потому может быть и независима от каких-либо внешних обстоятельств, гибка и стойка по отношению к их воздействиям, ведь внутреннее ценностно-священное содержание не возможно «достать» с помощью внешних средств (запретов, угроз, физического насилия) [5. С. 452]. Духовной свободы можно лишиться лишь при одном условии – физическом уничтожении носителя этой свободы, «убить плоть, но не дух». Духовно свободным можно и должно оставаться, находясь в самых неблагоприятных условиях, порой вопреки окружающей обстановке (в заключении, пленении, рабстве). Переживание внутренней свободы при видимом внешнем пленении превосходно передано графом Л.Н. Толстым в романе «Война и мир» (Пьер Безухов во французском оккупационном лагере). Христианство, как религия любви, несет человеку, прежде всего духовное освобождение, открыто признавая, что в земной истории человеку невозможно достичь полного материального освобождения, полной независимости от природной необходимости.

Положение о тесной связи человека и природы, о влиянии географической среды на развитие общества разделяли и развивали представители советской географической школы, основателем которой по праву считается Н.Н. Баранский: «... Более высокий уровень в развитии производительных сил подразумевает неизбежность в усилении и всего процесса взаимодействия и внутри системы «общество – природа». И если непосредственная зависимость общества от природы будет продолжать сокращаться (хотя и она никогда не будет равна нулю!), то опосредованная производством зависимость общества от материалов и сил природы будет бесконечно возрастать» [6. С. 27]. Поэтому основная свобода есть, прежде всего, духовная свобода, или, как ее еще называют «свобода совести», хотя это не совсем точно выражает суть данного понятия, а все прочие виды свободы обладают ценностью в зависимости от основной. «Нельзя освободить совесть. Совесть только в одном случае может быть несвободной – это когда она затемнена, то есть когда она не судит с точки зрения абсолютной личности, но судит с точки зрения безличной материальности и вещественности. Но как раз христианство в этом отношении сделало человека свободным, открывши ему опыт абсолютно-личностного бытия. Следовательно, максимальная свобода, какая возможна, уже человеку дана. Все прочие «свободы» есть только новое обезличение и закабаление, есть только поклонение сатане» [7. С. 32]. Приведенное суждение принадлежит А.Ф. Лосеву, который в 30-е годы принял тайный постриг с монашеским именем Андроник, его духовным наставником был один из авторитетных афонских старцев.

Данное суждение передает понимание свободы, характерное для святоотеческой традиции, где именно духовная свобода выступает фундаментом всех прочих многообразных форм свободы. Отсюда и спокойно-равнодушное, и терпеливо-покорное отношение к исторически сложившимся формам свободы. Однако это обстоятельство не свидетельствует о политическом и культурном нигилизме. На деле внутренняя и внешняя свободы легко соотносимы и находятся в диалектическом единстве. Абсолютно разделять и разлучать внешнее и внутреннее, содержание и форму можно только с позиций формальной логики и вульгарного рационализма. Любое внутреннее содержание требует определенной внешней организации, а любое внешнее представляет собой какое-либо объективно-содержательное начало. Внешнее есть проявление внутреннего, а внутреннее есть специфическое отражение внешнего. Диалектическое единство внешнего и внутреннего является необходимым условием истинного познания. Иначе внешняя свобода без внутреннего содержания оборачивается произволом, анархией и хаосом, а внутренняя свобода без внешнего проявления и осуществления остается, в лучшем случае, потенцией подлинной «цельной» свободы, в худшем – ни о какой свободе нельзя вести и речи.

В русской религиозной философии приоритет сохраняется за ценностно-смысловой стороной свободы, от которой и внешняя получает свое ценностное обоснование: «политическая свобода есть нечто драгоценное и ответственное, но именно постольку,

поскольку за ней живет и действует духовная, внутренняя свобода»; соответственно «внешняя свобода есть естественное и необходимое условие для водворения и упрочения внутренней» [8. С. 67].

В русском православном мировоззрении свободе присущи следующие сущностные черты: самоопределение, самоотдача, самопожертвование, служение. Необходимость же понимается как надобность, желательность, ценность, родственность, что отражает подвижную субъективную сторону необходимости, помогает полнее выразить ее внутренний смысл, а не только ее внешнюю оболочку.

В отличие от потребительской идеологии в русской традиции определение свободы как проявление священной необходимости содержательнее более полно, точно отражает смысловое богатство действительности в ее разнообразных формах, бесконечно разворачивающихся закономерностях, в их взаимосвязях, переходах и движении. Общеизвестные и общераспространенные определения свободы, существовавшие до этого, не только не отвергаются, но содержатся в качестве моментов общего содержания свободы. Свобода как возможность сохраняет свое ценностное значение не в виде формального выбора, но на уровне жизненной доминанты. Священная необходимость – это всегда осознанная и познанная необходимость, так как само понятие «священного» подразумевает, что субъект знает и понимает его внутреннее ценностное содержание и в силу этого эстетического знания вводит в состав внутренних определений. Свобода – это мера необходимости, мера существования, но мера, вытекающая из ритмической закономерности необходимости, мера, заданная имманентными ценностными основаниями, а потому свобода и устойчива в отношении инобытия, мера, необходимая в силу внутреннего саморазвития, ибо помыслить бесконечную смысловую мощь духовной свободы можно только при наличии определенного предела. В символическом мировосприятии три предыдущих определения свободы существуют не в качестве изолированных элементов, но в живом взаимодействии, переходе и смысловом «мерцании», что и позволяет им выйти на более высокий уровень общего развития понятия свободы, открыть новые, еще неизведанные грани проблемы.

Современное понятие свобода обозначает деятельное начало самоопределения и самоутверждение прежде всего отдельного индивидуума, самостоятельного как правового лица и личности. Свободой такой индивид считает автономность от традиционных уз общности, сдерживающих и подавляющих личную свободу, частную инициативу, предприимчивость. Именно так в настоящее время представляет себе свободу большинство. К соборности у него отношение как к категории прошлого, ушедшего и уходящего, категории традиционного общества, означающего несвободу для индивида, тоталитарный государственный строй, подавляющий личность.

Для индивидуалистического воззрения общинность – это жесткие нормы, дисциплина, ограничение и подавление свободы личности. Отделенность от общины, обособление, превращение в независимого от нее частного лица есть благо, свобода, самостоятельность и утверждение своей, не общей, воли. Проблемой является то, что индивид получая такую свободу в обществе: экономическую, политическую, гражданскую, права человека, права гражданина - не получает духовно-нравственного удовлетворения. В людях зреет чувство неудовлетворенности и разочарования этими внешними свободами и правами, по сути отражающими фактическую зависимость человека от другого человека, от других, от власти социального, экономического, политического и государственного механизма общества. Об этом много писал В. Франкл.

Представители соборного мироощущения стремятся и к соборной жизни. Для соборного образа мысли свобода – это свобода в общине, это благо, лишить которого означает осудить человека на несчастное одиночество, означает суровое наказание, обречение на несвободу.

Сегодня распространено мнение, отождествляющее соборность и коммунизм (Корольков Н.А., Цветкова Е.Г. Патриотизм созидания. КИПРФ). И хотя русский коммунизм тесно связан с русскими традициями, он извратил соборную традицию, потому что «отрицал свободу, отрицал личность, отрицал дух» [9].

В статье В.А. Кругликова отражены взгляды современных либералов, которые отождествляют коммунизм с соборностью и отвергают их как безусловно реакционные. «В России коммунисты или большевики, называть можно по-разному, были всегда. В самом низу – это был сход, мир, круг (казачий), а в верхних слоях гнилой атмосферы этого места располагались различные виды соборности. В зависимости от климата столетия, стоявшего на дворе, они варьировались в способах означивания, но оставались неизменными их архетипические телодвижения... Основная направляющая этих архетипических телодвижений мира или соборности – тоталитаризация с редуцированием к нулевым отметкам всего выходящего за горизонт соборного видения... корень общности манифестируется в качестве общины и содержание этого корневища характерно наблюдаемыми признаками: (1) приведение к общему знаменателю; (2) усреднение индивидуальных ментальностей; (3) страх персональной ответственности. Общий принцип соборности – стремление к связанности... посему наши нынешние доморожденные патриоты-фашисты сами по себе не удивительны» [10. С. 98-99].

Н.А. Бердяев считал, что вместо соборности в русском коммунизме восторжествовала лжесоборность. Уточняя понятие соборности, Н.А. Бердяев отделял его от коллективизма, в котором находил извращение соборности: «Коллективизм есть подавление личности, подавление человека коллективом, массовым началом» [11. С. 238]. Философ проводит далее растождествление соборности как явления Духа с церковными Соборами: не там действует Дух Святой, где есть Собор, а там Собор, где действует Дух Святой. В православии соборность означает не фактическое наличие Соборов, которые в Русской Православной Церкви долгие столетия не созывались, а дух соборности.

Из-за недостатка соборного начала в западном сознании появляются механизмы компенсации. Так, наиболее распространены принципы корпоративности, многочисленные внешние связи и объединения при разделенности и внутреннем отчуждении людей. Это явление – особенность не только западноевропейской светской жизни, но оно характеризует также западную (и католическую, и протестантскую) религию. Предельная форма этого феномена выражена как антиидеал свободы в символическом образе Великого Инквизитора.

Обретя свободу лиц, индивидуальностей, западный мир в дальнейшем воспроизводит существенные черты отречения человека от свободы. «Абсолютный папизм как предел снимает бремя свободы — вот в чем его ужас и провал. И всякий, отказавшийся от несения бремени свободы, от долга быть свободным, последовательно вынужден стать папистом и признать догмат непогрешимости... В абсолютном папизме торжествует соблазнительный для людей путь принуждения, путь, облегчающий людей от непосильной свободы. За свободного человека и свободное человеческое общество все мучительное и трудное решает папа, материальное явление в эмпирическом мире, через которое голос Божий принудительно воспринимается. Папизм есть как бы превращение веры в принуждение» [12. С. 196].

Н.А. Бердяев ставит ряд принципиальных вопросов. Смеем ли мы осуждать Церковь, говорить о зле и насилиях в ней, если внешняя принудительность Церкви рождается от нашей же несвободы? Быть свободными — значит быть в Церкви и притом быть ее сынами, а не рабами. Мы прежде должны стать свободными, т.е. почувствовать себя внутри Церкви, и тогда только получим право судить о ее болезнях, говорить о зле в церковной действительности.

Протестантизм провозгласил свободу христианина от церковной принудительности и церковной опеки, от церковной иерархии и от власти папы, выдаваемой за божественную. Реформация знаменовала переход к признанию нормальным существование человека как лица самостоятельного, свободно строящего собственную жизнь по своему разумению, по

своей вере. Далее получили развитие в эпоху Ренессанса идеи гуманизма о достоинстве человека. Затем требование не только свободы религиозной совести, но и свободы мысли и деятельности, свободы выбора жизненного пути и, наконец, свободы распоряжаться своим достоянием. Став стержнем идеологии и жизнеустройства, индивидуализм на Западе воспринимался, прежде всего, с положительной стороны, пока не проявил себя духовный кризис.

Еще Ю.Ф. Самарин критиковал в «латинстве» стремление отвлечь от живого начала идею единства, понятого как власть, и превратить единство веры и любви из душевного согласия в «юридическое признание», а членов Церкви в подданных ее главы - папы. В католической Церкви личность исчезает, теряет свои права и делается «как бы мертвой». Критику латинства Ю.Ф. Самарин распространяет и на социальную, и на историческую сферу, поскольку католицизм он понимал, как и другие славянофилы, не только в конфессиональном смысле, но шире, как характерное явление западной культуры [13. С. 431-432].

И.В. Киреевский различия в русской и западноевропейской мысли подробно описал в статье «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России». «Восточные (т.е. русские мыслители) для достижения полноты истины ищут внутренней цельности разума: того средоточия умственных сил, где все отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство. Западные, напротив того, полагают, что достижение полной истины возможно и для разделившихся сил ума, самодвижно действующих в своей одинокой отдельности. Одним чувством понимают они нравственное; другим — изящное; полезное — опять особым смыслом; истинное понимают они отвлеченным рассудком, и ни одна способность не знает, что делает другая... Западный человек не понимает той живой совокупности высших умственных сил, где ни одна не движется без сочувствия других» [14. С. 293-294].

В Европе внешняя жизнь развивается, а «душа убывает» (К.Аксаков), как бы уходит в себя. Культура рационализируется и разделяется на ряд независимых сфер. Подробно и придирчиво рассматривая этот процесс, И.В. Киреевский возводит все явления расторгнутости европейского бытия к раздробленности духа, к утрате внутренней целостности, к потере духовной интегрированности. К этому же корню причастна и интеллектуальная раздвоенность, подрывающая уверенность и неколебимость в делах и поступках. «Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих» (Иак. 1, 8); он находится в противоречии с идеалом единства и цельности.

Определенно прослеживаемый в славянофильской литературе эмоционально-оценочный нравственный момент не препятствует, а помогает вскрыть несоразмерность западного — в широком смысле слова, включая наше западничество, — и русского способа анализа жизненных явлений, особенно отечественной истории с ее национальной спецификой. Приходится согласиться с известным замечанием А.С. Хомякова на западнические по своей основной установке исторические экскурсии Б.П. Чичерина, что, кроме ума и таланта, кроме усердия и искреннего стремления к истине, для понимания русской истории нужна еще духовная укорененность в ее своеобразной «почве», без чего не будет «живого чутья русской жизни».

В сознании западноевропейского человека Россия — страна, в которой либо вовсе нет личности, либо она крайне слабо выражена. Это представление дает повод считать русский народ еще варварским народом, ибо интенсивность, обостренность личного сознания является признаком более высокой цивилизации. Соборность, или, как говорит Н.А. Бердяев «коммюнитарность» (объединяющее оба значения: соборность и общинность) европейцы отождествляют с безличностью. Россия им представляется «безличным Востоком», и это русский философ считает удручающим заблуждением. Он выдвигает тезис, обратный общепринятому. Коммюнитарность не отрицает, а предполагает личность. Русские — «самый коммюнитарный народ в мире», и именно поэтому личность в России всегда была «более выражена, чем в нивелированной, обезличенной, механизированной цивилизации

современного Запада»; западный индивидуализм не тождествен ярко выраженной личности и соборность может представляться отрицанием личной свободы только при смешении самой соборности с авторитаризмом и деспотическим устройством, а личности — с атомизированным индивидуумом, с его свободой от соборного единства, с его свободой своеволия и произвола [15. С. 288].

А.С. Хомяков первым высказал мысль о том, что соборность не означает ни индивидуализм, ни авторитарность. Соборное единство заключено в основе православного учения и церковной жизни православного человека совсем не как извне данный авторитет, а как внутреннее достояние личности, как ее качество. В понятии соборности он нашел оригинальное сочетание двух трудно соединимых принципов: свободы и единства. В католической авторитарной Церкви есть единство, но принудительное, без свободы. В протестантской — свобода без единства. Принцип строения православной Церкви: единство в свободе и свобода в единстве. Это и есть соборный принцип, означающий единство многих лиц на основе общей любви их к Богу, к Богочеловеку Иисусу Христу и к правде Божией. Любовь свободно объединяет верующих в Церкви.

В исторических претворениях церковной — и не только церковной — соборности в жизни нашего Отечества обнаруживаются различные ее модификации. Одна форма соборности уступала место другой. Исчезало новгородское вече — вечевой дух оставался. Не только при созыве земских соборов, но и в промежутках между ними дух соборности не утрачивался. Временными рамками «эпохи земских соборов» (первый земский собор был созван Иваном IV в 1550 г., последний — Петром I для суда над царевной Софьей — в 1698 г.) жизнь земской соборности не ограничивалась и не исчерпывалась. Изменялась ее интенсивность, формы — соборная суть оставалась и определяла национальное бытие на протяжении всей его истории. Традиция эта начиналась из незапамятной глубины веков. Полностью она никогда не угасала. Земские соборы исчезали, но соборный идеал, укорененный в глубинах нравственно-религиозного сознания народа, оставался. В кризисные времена, когда в эмпирическом бытии соборность подвергалась разрушению, она тем энергичнее проявлялась в «идее». И так было всякий раз.

Итак, в русском православном мировоззрении мы обнаруживаем антиномию столкновения свободы и необходимости, которые находят разрешение в таких значимых для православных ценностях, как любовь, подвиг, соборность, совесть, жертвенность. Человек служит Высшему и Главному, и своим служением осмысляет собственную жизнь, а это открывает путь для дальнейшего ценностного возрастания и развития как индивида, так и общества в целом.

Реализация этических начал, не снимая трагического противоречия между свободой и необходимостью, приводит их к плодотворному духовному синтезу, который находит свое разрешение в высшем принципе сознательно-духовной организации людей в православной культуре — принципе соборности. В этом сходятся взгляды на природу личности как церковных иерархов, так и взгляды светских, но религиозно мыслящих философов (А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев).

Библиографический список

1. **Герцен, А. И.** Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3 / А. И. Герцен – М.: Правда, 1975. – 447 с.
2. **Кавелин, К. Д.** Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / К. Д. Кавелин – М.: Просвещение, 1989. – 620 с.
3. **Там же.**
4. **Трубецкой, С. Н.** Учение о Логосе у отцов Церкви / С. Н. Трубецкой - М., 1914.; М.: РФМ, 1993. – 200 с.

5. **Св. Григорий Нисский.** Творения. Ч.4. – М.: Сретенский монастырь; «Новая книга»; «Ковчег», 1998. – 703 с.
6. **Соловьев, А. И.** Н.Н. Баранский и советская экономическая география / А. И. Соловьев, М.Т. Соловьева – М.: Просвещение, 1978. – 112 с.
7. **Лосев, А.** Самое само: Сочинения / А. Лосев – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.
8. **Там же.**
9. <http://www/kprf.ru/articles/3169/shtml>. Корольков Н. А., Цветкова Е. Г. Левая альтернатива.
10. **Кругликов, В. А.** То, что увиделось / В. А. Кругликов // Коллаж – 2. Социально-философский и философско-антропологический альманах. Ин-т философии РАН, 1999. – 133 с.
11. **Бердяев, Н. А.** Истина и Откровение / Н. А. Бердяев - СПб.: РХГИ, 1996. – 541 с.
12. **Бердяев, Н. А.** Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев - М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. – 413 с.
13. **Самарин, Ю. Ф.** Избр. произвед. / Ю. Ф. Самарин –М.: РОСПЭН, 1996. – 608 с.
14. **Кириевский, И. В.** О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // И.В. Кириевский // Критика и эстетика. – М.: МГУ, 1988. – 439 с.
15. **Бердяев, Н. А.** Истина и Откровение / Н. А. Бердяев – СПб.: РХГИ, 1996. – 541 с.

**ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ
PHILOSOPHY OF CULTURE AND CULTURAL STUDIES**

УДК 94 (4)

*Воронежский государственный университет.
Доктор исторических наук,
доцент кафедры регионоведения и экономики
зарубежных стран
М. В. Кирчанов.
Россия, г. Воронеж, тел. (473)239-29-31
e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University.
Doctor of Historical Sciences, Associate
Professor of Department of Regional Studies and
Foreign Countries Economics,
M. V. Kirchanov.
Voronezh, Russia, tel. (473)239-29-31
e-mail: maksymkirchanoff@gmail.com*

М. В. Кирчанов

**ЧУВАШСКИЙ МОДЕРН НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ:
НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФУТУРИЗМ**

Автор анализирует чувашский модернизм начала 1920-х годов. Модернизм был одной из форм чувашского национализма. Сеспель Мишши являлся центральной фигурой в истории чувашского модернизма. Непродолжительный период модернизма содействовал национальному возрождению. Оригинальное течение чувашского модернизма сравнимо с аналогичными тенденциями в истории культуры Запада XX века.

Ключевые слова: Чувашия (Чăваш Ен), Сеспель Мишши, национализм, идентичность, модернизм, футуризм

M. V. Kirchanov

**CHUVASH MODERN IN THE EARLY 1920S:
NATIONAL REVOLUTION AND FUTURISM**

The author analyzes Chuvash modernism in the beginning of the 1920s. The modernism was a form of nationalism movement. Çeçpel Mişşi was the central figure in the history of the Chuvash modernism. Short period of modernism promoted national revival. Original Chuvash forms of modernism are comparable with similar trends in the history of Western culture of the twentieth century.

Keywords: Çăvaş En, Çeçpël Mişşi, nationalism, identity, modernism, futurism

На протяжении 1920-х годов чувашская культура развивалась под лозунгами и знаменами национализма. Среди национализмов тюркских народов СССР в 1920-е годы чувашский национализм выделялся значительными особенностями. Идея тюркизма и связи национализма с религией (чувашаи являются в большинстве своем православными христианами) не получила сколь бы то ни было значительного развития. Чувашский национализм развивался не как тюркское или клерикальное (или антиклерикальное) течение, а как именно чувашский проект.

Начало этому было положено Сеспелем Мишши [13; 20 – 43] – чувашским поэтом, который в чувашской интеллектуальной традиции признается основателем современной чувашской литературы [10; 11; 12; 14; 16; 19; 46; 47]. Сеспель стал одним из основателей концепта особого чувашского мира и чувашского будущего. Сеспель – фигура знаковая в истории чувашской литературы [15; 17; 18]. Вероятно, это не только своеобразный

«чувашский Маяковский» [4; 5], но и самый модернистский чувашский поэт, жизнь которого в чем-то повторила основные тенденции той эпохи. И то, что в 1922 году Сеспель, по словам Хумма Семене, за свою короткую жизнь «успев страстно прокричать о любви к родному народу» [47], покончил жизнь самоубийством подчеркивает его особый статус: он ломал устоявшиеся нормы не только в поэзии, но и в поведении. Комментируя биографию Мишши Сеспеля, Атнер Хузангай пишет, что «из всех чувашских поэтов — реализовался наиболее лично, вплоть до самораспинания себя и своей Родины на коммунистическом кресте. В огне своих борений, в своей мучительной любви, в своем жертвенном национализме он выходил на христианский подвиг как мятежник, как богоборец, как бы проецируя себя в будущее» [45]. После своей смерти Сеспель оказался в центре многочисленных дискуссий между чувашскими интеллектуалами и их русскими московскими цензорами и кураторами. В этом идейном противостоянии, вероятно, победила именно чувашская национально ориентированная интеллигенция и усилиями гуманитариев интеллектуалов Сеспель был возведен в негласный пантеон отцов нации [2; 7; 8; 10; 11].

Сеспель – поэт идей. Вероятно, на протяжении его жизни в творчестве поэта доминировали, взаимно переплетаясь и дополняя друг друга, несколько основных идей. С ними, идеями («*шухайсемпе*»), нередко не соглашалась критика, но даже оппоненты Сеспеля признавали уникальность его стихов. Для своего, даже революционного, времени Сеспель был слишком модернен, современен и оригинален. Например, в 1924 году, два года спустя после гибели поэта, журнал «Сунтал» писал, что «с идеями Мишши Сеспеля редакция согласится не может. Однако с технической стороны стихи настолько хороши, что это трудно даже выразить. Среди чувашских поэтов очень мало таких, которые писали бы как Сеспель. Поэтому, мы публикуем его стихи» [52].

В значительной части произведений Мишши Сеспеля, которому в 1930-е годы приписывали чувашский национализм [49], доминирует национальный нарратив, который в ряде случаев сочетался с религиозным. Одно из стихотворений поэт начал с отсылки читателя к явно религиозному сюжету, воскликнув «*Или! Или! Лима савахвани!*» («Боже! Боже! Зачем ты оставил меня!») [23; 30; 41]), тем самым повторив слова распятого Иисуса Христа. Для Сеспеля характерен достаточно легкий переход с религиозной на светскую, национально маркированную, проблематику. Начав словами распятого Христа, Сеспель продолжает сравнением своей родины с религиозным гонимым мучеником: «край мой распят – гляжу и горю... одинок его крест среди пустыни» [9; 37]. Такая дихотомия «светское – религиозное» сопровождается у Сеспеля и игрой цветов. Он создает мир, постепенно погружающийся во тьму, мир, где «недрузи света» спрятали солнце, которое, как кажется Сеспелю, «не проглянет уже никогда» [9]. Но Сеспель все же оставляет своему герою, не человеку, а герою-народу, возможность выбора. И словно в порыве отчаяния или бунта восставший человек низвергает крест.

Образ поверженного креста не имеет антирелигиозного характера, а проникнут, скорее, пафосом утверждения нового, триумфа современности над старым миром. В этом контексте Сеспель выступает как трибун, как глашатай масс, что давало повод авторам 1930-х годов писать, что «Сеспель был одним из тех, кто своим проникновенным словом делал (коммунистические) идеи достоянием масс» [10], а критикам 1970-х годов утверждать, что Сеспель верил в то, что «вдохновляющей силой и ядром в освободительной борьбе были пролетариат и коммунистическая партия» [14]. Кроме креста среди национально маркированных образов в текстах Сеспеля, вероятно, следует признать «*Ирĕклĕх, хĕрлĕ ялавçăм*» [27] («Свободу и алое знамя» [38]). В этом контексте заметно сочетание различных форм национализма и националистического протеста, которые имеют под собой не только национальные, но и социальные, антитрадиционные основания и мотивы.

Но и утверждение нового, что в принципе поэт приветствует, оказывается далеко не самым приятным. Поэтому, настоящее, современность – это наименее приятные образы в творческом наследии Сеспеля. Современность стала для него своеобразной пыткой,

истязанием и тяжелой борьбой за существование. «дороги... на дорогах трупы... у околиц – мертвые кости... тяжело, тяжело, душно» («*Сулсем... Сулсем синче вилесем, укълчасем панче вил шймсем... Ах, йывър, йывър, пӓчӓ*» [20, С. 114 – 116]) – именно такие слова нашел поэт для описания современности. С другой стороны, для него было характерно осознание того, что современность временна, уходяща. Вероятно, прав, в связи с этим Атнер Хузангай, когда пишет, что Мишши Сеспель открывает новый этап в развитии чувашской культуры [44]. Именно с Сеспеля начинается ее современность.

Поэтому, возникают новые образы – смерть старого мира становится временем рождения мира нового: «Эй! Вы живые через трупы, по грудам костей... к солнечному завтра мост резной перекиньте» («*Эй! Эсир, чӗррисем, вилесем урлӓ, шӓм куписем синче хӗвеллӗ ыран енне кӗпер чӗнтӗрлӗр*»). В такой ситуации устремленности в будущее одна человеческая жизнь теряет свое значение и уже для поэта ничего не значит и его собственная жизнь. Он словно приносит себя в жертву на алтаре агрессивно рождающейся современности: «я упаду без сил, втопчите меня в прах, смело топчите мое сердце... сломайте мне шею... прошу меня швырнуть под мост» («*Энӗ халрав кайса укссесӗн, ман урлӓ таптаса каҫса кайӑр, тимӗр урӑрсемпе чӗрем ҫине хӓюллӑн таптӑр. Ах! Таптӑр. Ёнсене хуҫӑр*» [9, С. 8.]). На смену старому миру в национальном и одновременно футуристическом проекте М. Сеспеля приходит мир «*Ҫӗн Кун*» [33] («Нового Дня») – пока еще неопределенного, но качественно другого времени. Образ «*Ҫӗн Кун*» в поэзии М. Сеспеля встречается неоднократно [31].

В поэзии Сеспеля разворачивается не просто история чувашей, Сеспель пытался показать, как она разворачивалась в традиционном ландшафте, который постепенно стал частью чувашского национального самосознания. Для Сеспеля чувашская история предстает как череда сменяющихся друг друга трагедий и неудач («со времен стародавних жил чувашский народ в неволе, какого только горя не мыкал, какой муки не претерпел он, чтобы сберечь родное чувашское слово»), величайшая из которых разделение чувашского народа, которого пытались лишить и родного языка («кто куда разбежались они, в глушь дремучих лесов... сирый, горемычный чувашин! Разлучили тебя с братьями и сестрами. По-чувашски и пикнуть не давали тебе чужаки»). На смену такой истории грядет чувашский век, в которой чуваша станут подлинными активными творцами своего нового мира. Поэтому, Сеспель и призывал «чуваша с могучим сердцем, жителя новой эры» [4] трудится во имя чувашского завтра: «*Чӑваш тӗнчи ҫывхарнӑ чух... Чӑвашӑн кунӗ йӑваш-ши! Анаслӑ ыйӑхӑн йиши – Вьрӑнлӑ-ши?.. Вьрӑнлӑ-ши?*» («Когда наступит чувашская эра, может ли душа чуваша быть кроткой? А сон с широкой зевотой уместен ли?.. уместен ли?» [9, С. 9.]). И в этом чувашском национальном футуруме есть место не только для национального, но и для социалистически лояльного новому режиму «Интернационала» [31].

Сеспель в своей поэзии формирует новый образ чуваша – творца и борца. Это уже не тот неграмотный, темный и забитый чуваш, угнетаемый русскими православными попами и помещиками, над которым смеются русские жители города: «*Авалхи кунсен ёречӗ ун чунне тпта-тапта, ун чунне чӗри тӗнне хурлӑхлӑх юрри хӑварнӑ*» («Старый мир, глумясь над его душой, в его душе, глубине сердца оставил напев печали»). Это уже совершенно другой, новый, человек. Герой поэзии Сеспеля – это именно чуваш с чувашским сердцем. Поэтому, Сеспель, обращаясь к читателю, призывал: «*Чӑваш чӗри! Хӓюлӑх вучаххи пулса тӑр!*» («Сердце чуваша! Стань горном отваги»), «О, сердце, бейся отважнее, пой веселее песню отваги» («*Чӗрем, сик хӓюллӑн, хавассӑн, хӓюлӑх юрри кӗвӗле*»). Такой герой разрушает старый мир ради нового: «*Эй, вӗре, вутлӑ юн! Эй Ҫӗн Кун, йӑлтӑр Кун, кив ҫӗре сунтарса, ҫун! ҫун! ҫун!*» («Эй, бурли, огненная кровь! Эй, Новый День, светлый День, сжигая старую землю гори! гори! гори!» [9; С. 8 – 9]). Новый чуваш – это человек, который расстался с религиозными предрассудками, но действует в большей степени социально и национально: «*Халӑх хум пек ҫӗкленет // Тӑвӑллӑн, хаяррӑн // Таса маар патша йӑхне // Час юхтасра ярӗ*»

[32] («Поднимается народ // грозною волною // Смочит грязный царский трон // С черною бедою» [40]).

Поэзия Сеспеля националистична, но националистический текст более очевиден и в драматических опытах поэта. Сеспель, не без оснований, в белых чувашей в прошлом винил русскую администрацию, чиновников, которые не проявляли к чувашам никакого сочувствия. Известна недописанная пьеса «Чувашский поэт» («*Чăваш поэтĕ*»), в центре которой – трагедия молодого чуваша Яхрава, исключенного из университета за то, что он придерживался национальных идей и стремился к лучшему будущему для чувашей. В порыве гнева Яхрав обвиняет во всем русских: «*ăста курнă эс чăваш ирĕклĕ пурăннине. Вырăсла чăваш пĕрех пулнăран мана университетран кăларса ячĕс-и?*» («...где ты видела, чтобы чуваша жили свободно? Разве потому, что русские и чуваша на одном положении, меня исключили из университета» [9, С. 9]). Яхрав, будучи националистом, обвиняет свою знакомую Анук в том, что она не видит разницы в том быть русским или чувашом. Яхрав последователен в своих взглядах, он верит, что «*чăваш та пусмăрçăсене хирĕç тавăрма пĕлĕ*» («и чуваша сумеют отплатить своим притеснителям»), «*вăхăт ситĕ, чăваш патша ури айĕнчен ирĕке тухĕ*» («настанет время и чуваш вырвется на свободу из-под пяты царизма») [19].

Герой поэзии Сеспеля – это, действительно, герой коллективный, активно создающая сама себя чувашская нация. В каком-то смысле поэзия Сеспеля – массовая не в том контексте, что она проста (поэтическое наследие Сеспеля – один из наиболее сложных для восприятия феноменов в чувашской литературной традиции XX века), но в контексте того, что поэт соотносил себя с чувашской нацией в целом: «*Кăвар чĕрем – пин çын чĕри. Эп пĕр çын мар – эп хам пин-пин. Эп пин чăваш, эп пин-пин çын! Чĕрем юрри – пин çын юрри*» («мое огненное сердце – сердце тысяч людей. Я не один – я сам тысяча тысяч человек! Песня моего сердца – песня тысяч людей» [9; С. 9]). В поэтическом наследии Сеспеля чуваш предстает как человек земли, как пахарь, «человек сохи», активно вступающий в новый мир, где «солнце новой жизни будет над землей гореть». Этот новый мир в поэзии Сеспеля явно социально окрашен. В такой ситуации в его стихах заметны и социальные мотивы. Мы находим и «обездоленный люд», который с трудом выживал, будучи угнетаемым и социально и национально. В такой ситуации поэзия Сеспеля словно играет цветами, а сама цветовая гамма имеет не просто художественное значение.

Чередование и смена цветов не только обогащает чувашский «*кăмăллă чĕлхи*» [28, С. 64 – 69] («ласковый язык» [36]) поэзии Сеспеля («*тăван чĕлхене юратма кĕртет*» [47] – «любовь к родному языку», по мнению критиков, отличало поэзию Сеспеля), но вводит читателя в социальный контекст авторского текста. Белый цвет в поэтическом наследии Сеспеля окрашен в холодные и, поэтому, отталкивающие, тона. Зима для Сеспеля – это злое время, врем сна, сковывающего силы и потенцию народа. В стихах Сеспеля мы находим противостояние белого цвета с красным, противостояние огня и снега. В этом противостоянии стихий, по мысли Сеспеля, победа будет за огнем. Образ огня, как и некоторые другие мотивы поэзии Сеспеля, так же социально детерминирован: если в «буйном ветре», в «пыльном небосводе» гибнет герой Сеспеля, то смерть – категория второстепенная. Гораздо важнее то, что «красный флаг», который был в руках героя, сохраняет свое значение, становясь уже новым символом, указывающим направление в будущее.

За столь тонкое умение играть цветами в 1920 – 1930-е годы Сеспель критиковался чувашскими авторами, которые, с одной стороны, возводили его на пьедестал, как основателя чувашской советской литературы, как певца Октября (например, чувашский поэт Н. Васянка охарактеризовал Сеспеля как «хĕрĕллĕ поэт... Аслă Октябрь тивлетне мухтаканскер» – «пламенного поэта... воспевającego успехи Великого Октября»), но, с другой, и критиковали за то, что например, «в период чехословацкого мятежа коммунист Сеспель отождествлял понятия “чувашский язык” и “революция”, распростираясь ниц перед

всем чувашским, он скатывался к националистическим мотивам, а его пламенное сердце искрилось шовинизмом» [23; С. 5].

Развитие чувашского языка, «*Тăван сĕршыв чĕлхин малашнехи сунчен*» [24, С. 70 – 72] («родного языка, окрепшего в борьбе» [39, С. 71 – 73]), который, как казалось Сеспелю должен «гореть жаром солнца» («*Чăваш чĕлхи, чăваш чĕлхи хĕвел кăварене вултан*» [9, С. 11]), было знаменем нового революционного времени, эпохи утверждения современности: «мир очищен от старья огнем свободы и... стал белым, белый свет... с тьмой исчезли униженья... ты, чувашский наш язык, увидел свет» [42; 43]. К языку Сеспель Миши относился с национальным пафосом, который порой перерастал в почти религиозный («...чувашский сломлен был язык, другие властвовали языки... растоптан был чувашский наш язык... как дуб увял, поник чувашский наш язык... завещайте молодым всегда любить язык родной за то, что ожил он весной... ликуй и песни пой, чуваш, он жив, язык могучий наш, воистину воскрес родной язык... язык чувашский – слышите? – воскрес!... язык чувашский на земле воскрес! Чуваши, гряньте громче древних месс: Родной язык воистину воскрес!» [34, С. 26 – 27]), но качественно отличный от старой религиозности – как новая светская и универсальная религия фигурировал чувашский национализм, изрядно сдобренный идеями национального коммунизма и революционной борьбы. Воскресший чувашский язык («*чăваш чĕлхи чĕрĕлчĕ вилĕмрен*» [26; С. 74 – 79]) в поэзии Сеспеля уподобляется огню, пожару, выжигающему старый мир. В такой ситуации, язык становится мощным каналом модернизации чувашской культуры, который успешно использовал Сеспель. Вокруг такого отношения к языку среди чувашских интеллектуалов уже после смерти Сеспеля развернулась полемика. Часть наиболее одиозно настроенных критиков обвиняла его в национализме, другие, наоборот, пытались доказать, что языковое новаторство Сеспеля изначально имело революционный характер [12].

Сеспель приветствовал приход к власти большевиков и активно поддерживал их. С другой стороны, его отношение к революции было двойственным. Он позитивно отнесся к тому, что именно большевики принесли не только социальное, но и национальное освобождение. Но именно национальному компоненту в революции он отдавал приоритет. Вероятно, Сеспель воспринял революцию как именно акт национального протеста против политики русификации и подавления национальных культур, которая в целом была характерна для России до 1917 года. Об этом, в частности, свидетельствует и то, что писал Сеспель в 1920 году: «революция вдохнула в нашу жизнь новый животворный дух... всюду и во всем – Возрождение... стала развиваться и чувашская поэзия, призванная освещать путь чувашского народа и вдохновлять его... надо искать новые пути... надо наметить правильную линию» [22]. Аналогичные идеи позднее выражал и Михаил Акимов, который подчеркивал, что чувашам «во что бы то ни стало нужно стремиться к свету» [1; С. 75]. Идеи Возрождения, точнее – рождения Нового мира – занимают одно из центральных мест в творчестве Сеспеля.

В этом отношении Сеспель Миши – национальный футурист. В наибольшей степени подобный футуристический контекст, вероятно, характерен для стихотворения «Пуласси», где предстает новый, идеальный мир будущего: «*Чухăнлăх, пуянлăх, уйрăмлăх йăранĕ // Ирĕкле сĕнелнĕ пурăнăсран тарĕ // Чĕрере ачашишăн сунĕ, сулăмлăнĕ // Тантăшлăх, тăванлăх, юрату кăварĕ*» [21, С. 30] («рубежи и цепи, бедность и богатство // Сгинут от сиянья солнечного века // Загорится пламя равенства и братства // И любви высокой в сердце человека» [35, С. 31]). Для Сеспеля характерно сочетание идей социального и национального возрождения, национального и социального освобождения. Поэтому он приветствовал то, как «возрождается моя страна... в деревнях с низенькими избушками веет новый, животворный дух» («*Сĕршывăм чĕрĕлет! Пĕчик пÿртсемлĕ ялсенче... Сĕн сывлăш чун усса вĕрет*» [9, С. 12]).

Этот национально маркированный нарратив, характерный для творческого наследия Сеспеля, был понят далеко не всеми его современниками. Уже после смерти, в условиях

признания заслуг, Сеспель все же подвергался критике за приверженность «чувашскому буржуазному национализму», за то, что не смог избавиться в своих стихах «от налета какой-то грусти, одиночества и байронизма» [3]. В 1933 году критик Д. Данилов обвинял Сеспеля в том, что тот «не давал четкого классового освещения причин, которые привели чувашский язык к крайнему захирению». Сеспель критиковался официальной советской критикой 1930-х годов за то, что он создал «романтически мученический ореол вокруг прошлого и излишне преувеличенное романтическое представление о боевой силе чувашского языка» [6].

Языковая тема – одна из центральных в творчестве Сеспеля. Для поэта родной язык – не просто один из атрибутов чувашской нации. Для него язык является проявлением ее силы, будущности: «*Йывър асапран та, тимёр сӓнчӓртан та эсӓ парӓнмасӓр хӓтӓлтӓн пулсан – пулас пурнӓсра та сивӓпче хӓватлӓх ют чӓлхесенчен те кая пулмӓ сан*» («если ты выдержал непокорно тяжкие пытки и железные оковы, то и в грядущей жизни по остроте и силе ты не уступишь другим языкам»). Именно поэтому Мишши Сеспель обращается к современникам с призывами не забывать чувашский язык, но, наоборот, развивать и поддерживать его: «*Часрах килсе хӓватлӓх кӓртчӓ чӓвашӓн капӓр чӓлхине*» («Приди скорее и дай силу красивому чувашскому языку» [9, С. 13]).

Чувашский язык в поэзии Сеспеля – это сама современность, жесткая, железная, безкомпромиссная («настанет время – и чувашский язык сможет рубить железо... станет он острым, точно каленая сталь»). С другой стороны, это и традиционная культура с народной, полной архаики и прошлого, песней («настанет время – и грянет над землей чувашская песня... любовно восславит она чистое небо, радостный мир, красное солнце» [9, С. 13]). В такой ситуации чувашский язык играет почти мистическую роль связующего моста между тремя эпохами – седым чувашским прошлым, тревожным настоящим и светлым будущим чувашского мира. Параллельно чувашский язык «привязан» к чувашской земле. Таким образом, в поэзии Сеспеля утверждается триада «чувашская земля – чувашское время – чувашская нация». В такой ситуации чуваш превращается в человека будущего, в жителя новой эры.

Мишши Сеспель своими экспериментами над чувашским языком значительно обогатил его, вывел на новый уровень. Многие стоки его стихотворений звучат афористично: «*Чӓвашӓн ӓсӓ – хурӓс пул*» («Чувашский ум, сверкай как сталь» [25, С. 93 – 95; 13, С. 18 – 19]), «*Аспа чул кас ва тут кӓлар*» («Умом режь камень, высеки огонь»), «*Кусна тӓлле хӓвел сине*» («Глаза – на солнце, рвись вперед»), «*Сырулӓхӓн пулӓ тӓрӓс сулӓ, кӓнеке те пулӓ сӓршив мулӓ*» («Ученье – дорога к правде, книги – богатство родины»), «*Ман сунатлӓ вутлӓ чунӓм, сӓн сӓре чӓнен чӓре кӓрешӓ вӓйне анчах кӓмӓлатть сак тӓнчере*» («Я душою огнекрылой, сердцем жарким, что зовет в обновленную страну, лишь борьбу могучей силы ставлю выше всех красот» [9, С. 14]).

Поэзия Сеспеля – феномен европейского масштаба, мы находим мотивы характерные и для европейских националистов. В творчестве европейских националистов конца XIX – начала XX века особое внимание занимал гендерный вопрос. Утверждение модернизма было немислимо без утверждения новых норм в отношениях между полами. В Европе среди разрушителей старой морали, отказ от которой способствовал политизации женщин и радикальным переменам среди женских образов в литературе (на смену сентиментальной девице приходит свободная, иногда – распутно развязанная героиня, матери семейства – Мать-Отчизна), было немало националистов-мужчин. Чувашская, стремительно модернизирующаяся, культура начала XX века не стала исключением. Сеспель решительно выступает против того образа чувашской женщины, который пытались утвердить в литературе его предшественники. Для него она уже не просто девица, мать, сестра, женский образ у Сеспеля окрашен социально и национально. Сеспель радикально отрицает образ чувашской женщины, как забитой и бесправной, как образ женщины-рабыни, «от рождения, с которой было рабство».

Поэзия Сеспеля – это не просто совокупность модернистских экспериментов. В значительной степени его поэтическое наследие футуристично в том смысле, что будущее часто фигурирует в его стихах как одна из доминирующих тем. Будущее – категория, маркированная цветом и светом: «после темной бури день ясный улыбнется... мир весь обновится... кровь погибших... станет алым цветом» [9, С. 15]. Аналогичные настроения были характерны и для текстов С. Эльгера, который в стихотворении «» («Мы свободны») культивировал образ нового чувашского мира будущего, освященного чувашским солнцем: «Тёнчене сунанё // Сёне вут-хёвел // Сёр синчен сухалё // Ирсе́р хурт-кёве // Пурна́с илеменё // Пурте тулăхран // Сын тени хёмленё // Емёр сунăран» («яркое солнце озарит новый мир // сгинет зло // прекрасной станет жизнь // покинут человека невзгоды» [50, С. 7 – 8; 51, С. 355]). Мотивы некоего особого чувашского будущего, национального футуризма заметны и в других текстах С. Эльгера, писавшего: «Салам сана, килес тёнче; килех, килех, эс сул синче» («Привет тебе, грядущее, явись, ты уже в пути» [9, С. 8]). Для Сеспеля характерна своеобразная дихотомия «прошлое – будущее». В этой паре прошлое окрашено в темные и неприятно отталкивающие цвета, будущее, наоборот, ассоциируется, как правило, со светом, с позитивными эмоциями. Будущее, «новый день» для Сеспеля – это и в значительной степени чувашское будущее, своеобразный чувашский мир, время расцвета чувашского языка и культуры.

История творчества Сеспеля Мишши – неотъемлемая часть истории чувашского национального движения начала XX века, развития чувашской национальной идентичности – в первую очередь, ее культурной составляющей. Национализм Сеспеля не ограничивался только поэтическими экспериментами. Иными словами, Сеспель не был исключительно культурным националистом. Участие Сеспеля в политике, членство в коммунистической партии и поддержка начинаний большевиков – все эти моменты из творческой и жизненной биографии Сеспеля Мишши свидетельствуют о том, что с деятельностью Сеспеля в истории чувашского национализма совпало начало нового этапа, отмеченным расширением сферы проявления национализма и националистической идеологии.

В том числе, благодаря деятельности Сеспеля чувашский национализм стал политическим, возникли условия для постепенной институционализации чувашского национального движения, в том числе – и в культурной сфере. Сеспель – фигура в истории чувашской националистической традиции знаковая и уникальная. Широко используя традиционную поэтику, традиционный стих, рифму в традиционном понимании этого слова, Сеспель никогда не был консерватором. Несмотря на преобладание внешне традиционной поэтической формы, поэзия Сеспеля уже далека от романтической традиции его предшественников. В творчестве Сеспеля мы наблюдаем разрыв с более ранней чувашской литературной традицией.

Творчество Сеспеля предстает как многоплановый феномен – это национальная культура и культура советская. Такая игра в соединение советского и чувашского была опасной с политической точки зрения. Позднее, в 1930-е годы некоторые чувашские авторы, которые не сомневались в ценностях коммунизма, но были и умеренными чувашскими националистами, по причине чего – свято верили в возможность существования чувашского национализма, именно эти чувашские авторы, некоторые из которых пришли в литературу вместе с Сеспелем пали жертвами советских репрессий. Сеспель не стал дожидаться разгрома чувашской интеллигенции и сам затянул петлю в Украине в 1922 году – Сеспель Мишши был последовательным модернистом, низвергателем канонов.

В такой ситуации творчество Сеспеля предстает как многоплановый феномен – это национальная культура и культура советская. Такая игра в соединение советского и чувашского была опасной с политической точки зрения. Позднее, в 1930-е годы некоторые чувашские авторы, которые не сомневались в ценностях коммунизма, но были и умеренными чувашскими националистами [48, С. 178 – 190], по причине чего – свято верили в возможность существования чувашского национализма, именно эти чувашские авторы,

некоторые из которых пришли в литературу вместе с Сеспелем пали жертвами советских репрессий. Сеспель не стал дожидаться разгрома чувашской интеллигенции и сам затянул петлю в Украине в 1922 году – Сеспель был последовательным модернистом, низвергателем канонов. Для большинства интеллектуалов в национальных республиках такие интеллектуальные упражнения и культурные рефлексии над собственной историей и культурой заканчивались крайне плохо. К концу 1920-х годов центру показалось, что местные интеллектуалы распоясались и слишком много себе позволяют. Поэтому, советская цензура попыталась подчинить местный литературный текст, подогнав его под рамки активно формировавшегося советского канона, способствовать формированию единого пространства, которое отвечало бы нормам большевистской идеологии, были призваны обобщающие исследования, посвященные чувашской истории и литературе, которые появляются к концу 1920-х – началу 1930-х годов.

Библиографический список

1. **Акимов, М.** Вăхăтсăр вилĕм / М. Акимов. – Шупашкар, 1965. – С. 75.
2. **Алка, А.Е.** Сĕспĕл Мишши // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии). – С. 35 – 51.
3. **Васильев, Н.** За большевизацию чувашской литературы // Национальная книга. – 1931. – № 2.
4. **Владимиров, Е.В.** В русле времени / Е.В. Владимиров. – Чебоксары, 1979. – С. 93.
5. **Владимиров, Е.В.** Обретение традиций / Е.В. Владимиров. – Чебоксары, 1982. – С. 238 – 240.
6. **Данилов, Д.** Октябрьская революция и чувашская литература // Советская Чувашия. – М., 1933. – С. 122.
7. **Дедушкин, Н.С.** Великий поэт чувашского народа // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии). – С. 12 – 18;
8. **Егоров, Н.Е.** Основоположник чувашской советской поэзии // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии). – С. 5 – 11.
9. **Кӓрчан, М.** Сеспель Мишши: рождение советского дискурса в чувашской литературной традиции / М. Кӓрчан // Сеспель Мишши: рождение советского дискурса в чувашской литературной традиции / сост. М. Кӓрчан. – Воронеж, 2007. – С. 6.
10. **Кузнецов, И.Д.** Сĕспĕл Мишши пултарулаӗхӗ тавра / И.Д. Кузнецов // Канаш. – 1930. – 6 августа.
11. **Кузнецов, И.Д.** Сĕспĕл Мишши пултарулаӗхӗнчи нациллипе интернационалли // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии). – С. 117 – 123.
12. **Кузнецов, И.Д.** Хальхи поэзипе истори сӓнчен (Сĕспĕл Мишши сӓнчен калаҫнӑ маях) / И.Д. Кузнецов // Канаш. – 1930. – 7 августа.
13. Мечта веков. 1917 – 1967 / ред. А. Алга и др., общ. ред. Г. Регистан. – Чебоксары, 1967. – С. 18 – 29.
14. **Павлов, Н.С.** Михаил Сеспель в чувашском литературоведении / Н.С. Павлов // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии). – С. 57.
15. **Поэтика М. Сеспеля.** Сборник статей. – Чебоксары, 1991.
16. **Равлюк, М.** Співець чуваського народу / М. Равлюк // Жовтень. 1953. – № 1. – С. 121 – 124.

17. **Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспеля.** – Чебоксары, 2001.
18. **Родионов, В.Г.** Энергия, воплощенная в слово / В.Г. Родионов // Сеспель М. Собрание сочинений / М. Сеспель. – Чебоксары, 1989. – С. 8 – 46.
19. **Романова, Ф.А.** Драматургический опыт Михаила Сеспеля (Наброски его пьесы «Чувашский поэт») / Ф.А. Романова // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии);
20. **Ҫеҫпел, Миши.** Кёпер хывар / Ҫеҫпел Миши // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 114 – 116.
21. **Ҫеҫпел, Миши.** Пуласси / Ҫеҫпел Миши // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 30.
22. **Ҫеҫпел, Миши.** Савă ҫырасипе ударени правилисем / Ҫеҫпел Миши // Канаш. – 1920. – 17 ноября.
23. **Ҫеҫпел, Миши.** Савăсем / Ҫеҫпел Миши – Шупашкар, 1928. – С. 5.
24. **Ҫеҫпел, Миши.** Таван ҫёршыв чёлхин малашнехи синчен... / Ҫеҫпел Миши // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 70 – 72.
25. **Ҫеҫпел, Миши.** Чаваш! Чаваш! / Ҫеҫпел Миши // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 90 – 93.
26. **Ҫеҫпел, Миши.** Чан чёрёлнё!, Ҫеҫпел Миши // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 74 – 79.
27. **Ҫеҫпел, Миши.** Чухансен кёрешү тертёнчи кун ҫути / Ҫеҫпел Миши // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 26 – 28.
28. **Ҫеҫпел, Миши.** Эпё вилсен / Ҫеҫпел Миши // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 64 – 69.
29. **Ҫеҫпел, Миши.** Савăсем / Ҫеҫпел Миши. – Шупашкар, 1940.
30. **Ҫеҫпел, Миши.** Хурҫа шанчак / Ҫеҫпел Миши – Шупашкар, 1948.
31. **Ҫеҫпел, Миши.** Ҫён Кун аки / Ҫеҫпел Миши // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 94 – 97.
32. **Ҫеҫпел, Миши.** Час / Ҫеҫпел Миши // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 22 – 24.
33. **Ҫеҫпел, Миши.** Шършля каҫ йавърри / Ҫеҫпел Миши // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 86 – 88.
34. **Сеспель, М.** Воистину воскрес / М. Сеспель // Мечта веков. 1917 – 1967 / ред. А. Алга и др., общ. ред. Г. Регистан. – Чебоксары, 1967. – С. 26 – 27.
35. **Сеспель, М.** Грядущее / М. Сеспель // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 31.
36. **Сеспель, М.** Как умру... / М. Сеспель // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 65 – 68.
37. **Сеспель, М.** Когда надвигается ночь / М. Сеспель // Мечта веков. 1917 – 1967 / ред. А. Алга и др., общ. ред. Г. Регистан. – Чебоксары, 1967. – С. 20.
38. **Сеспель, М.** Обездоленных свет в непосильной борьбе... / М. Сеспель // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 27 – 29.
39. **Сеспель, М.** Памяти чувашского поэта Агаха / М. Сеспель // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 71 – 73.
40. **Сеспель, М.** Скоро / М. Сеспель // Сеспель М. Паянтан. Отныне / М. Сеспель. – Чебоксары, 2006. – С. 23 – 25.
41. **Сеспель, М.** Стальная вера / М. Сеспель. – Чебоксары, 1948 (1979).
42. **Сеспель, М.** Чувашский язык / М. Сеспель // Мечта веков. 1917 – 1967 / ред. А. Алга и др., общ. ред. Г. Регистан. – Чебоксары, 1967. – С. 23.
43. **Сеспель, М.** Чувашский язык / М. Сеспель // Сеспель Миши: рождение советского дискурса в чувашской литературной традиции. – С. 25.

44. Хузангай, А. Книга Пигамбара, или Какое наследие мы имеем // Новый ЛИК. – 2002. – № 1.
45. Хузангай, А. Во имя... // Дружба народов. – 1999. – № 5.
46. Хузангай, П. Мильон сердец / П. Хузангай // Хусанкай, П. Сърнисен пуххи / П. Хусанкай. – Шупашкар, 2005. – Т. 5. – С. 341 – 345.
47. Хумма, Семенё. Пирён писательсем / Хумма Семенё // Канаш. – 1923. – 2 ноября.
48. Шпорлюк, Р. Комунизм і націоналізм / Р. Шпорлюк // Націоналізм. Теорії нації та націоналізму від Йогана Фіхте до Ернеста Гелнера. Антологія / уряд. О. Проценко, В. Лісовий. – Київ, 2010. – С. 178 – 190.
49. Шубоссини, Н. Чувашская литература на подъеме / Н. Шубоссини // Растет Советская Чувашия. – Горький, 1934.
50. Эзенкин, В.С. Путь к роману. Особенности развития повествовательных жанров в чувашской советской литературе / В.С. Эзенкин. – Чебоксары, 1976. – С. 7 – 8.
51. Эльгер, С.В. Собр. соч. / С.В. Эльгер. – Чебоксары, 1964. – Т. 5. – С. 355.
52. Сунтал. – 1924. – № 1.

УДК 970

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

С. А. Коршунова.

Россия, г. Воронеж, тел. (473)271-50-04;

e-mail: skorsh5@gmail.com

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.

PhD in philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

S. A. Korshunova.

Russia, Voronezh, tel. (473)271-50-04;

e-mail: skorsh5@gmail.com

С. А. Коршунова

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ РОССИИ

Статья посвящена проблемам модернизации России и процессу смены национальных ценностей. Автор статьи приходит к выводу, что использование позитивных возможностей культурной традиции может быть фактором преобразования социокультурной среды.

Ключевые слова: модернизация, социокультурная среда, нормативно-ценностная система, модернизационный проект, культурная политика.

S. A. Korshunova

PROBLEMS OF MODERNIZATION OF THE SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT OF RUSSIA

The article is devoted the problems of Russia's modernization and the process of changing national values. The author concludes that the use of positive possibilities of cultural traditions can be a factor in the transformation of socio-cultural environment.

Key words: modernization, sociocultural environment, the regulatory system of values, a modernization project, cultural policy.

Современное состояние российского общества характеризуется высокими темпами исторической и социокультурной динамики. На наших глазах происходит трансформация универсалистской, имперской социокультурной системы в новую национальную модель, стремящуюся включиться в общемировой процесс модернизации.

Осознание необходимости модернизационных изменений российского общества является не просто результатом западной ориентации отечественной элиты, этот выбор продиктован жизненной необходимостью не растерять экономический, научно-технический, культурный и человеческий капитал, накопленный с таким трудом за все прошедшие десятилетия.

Однако существует определенная проблема в понимании сущности модернизации и ее целей. В ряде публикаций можно встретить трактовку модернизации как экономического «подтягивания» развивающихся стран к уровню обществ, находящихся на постиндустриальной стадии развития. Такое «выравнивание» предлагается осуществлять за счет прикладных, технологизированных приемов и методов.

В докладе «Культурные факторы модернизации», подготовленном Фондом «Стратегия 2020» под руководством А.А. Аузана, приводятся расчеты, оценивающие модернизационные успехи стран, вышедших на данную траекторию развития. Тем странам, которые не смогли вслед за экономическим преобразованием изменить свои ценностные ориентиры и поведенческие модели (Аргентина, Греция, отчасти Восточная Германия), так и не удалось пока вписаться в модернизированный мир. Согласимся с авторами доклада, что модернизация не должна ограничиваться сферами экономики и законодательства. «Модернизация предполагает запуск комплексного социокультурного процесса, в котором управленческие и технологические решения подчинены гуманитарным целям, а гуманитарные цели соотносены с экономическими задачами.» [1. С. 4].

Таким образом, необходимо создавать новую социокультурную среду, которая позволила бы развиваться новым культурным практикам.

Рассматривая модернизацию как всесторонний, комплексный социокультурный процесс трансформации традиционного общества, необходимо выявить те модернизационные изменения, которые проявляются в различных областях функционирования социокультурной системы. Можно выделить следующие факторы, свидетельствующие о процессах обновления:

- в социальной сфере: базовой социальной единицей становится индивид, передача отдельных функций, ранее принадлежавших семье, специализированным социальным институтам, разделение сфер частной и общественной жизни, рост образования и профессиональной специализации, улучшение качества жизни;

- в демографическом плане: снижение рождаемости, увеличение продолжения жизни, рост численности городского населения и сокращение сельского;

- в экономической сфере: технологическое развитие, основанное на использовании научного (рационального) знания, углубление общественного и технического разделения труда, развитие рынков товаров, денег и труда, обеспечение устойчивого экономического роста;

- в политической сфере: образование централизованных государств, разделение властей, возрастание политической активности масс, развитие и распространение современных институтов и практик, а также современной политической структуры;

- в духовной области: изменения в ценностных ориентациях социальных групп, секуляризация образования, развитие многообразия течений в философии и науке, религиозный плюрализм, развитие средств распространения информации, приобщение крупных групп населения к достижениям культуры.

Таким образом, модернизация предполагает разрыв с социокультурной национальной традицией. Изменение культурной идентичности можно считать необходимым условием успеха модернизационного проекта.

Большинство исследователей выделяют два типа модернизации социокультурных систем. Первым тип модернизации получил название «догоняющей». Он предполагает обращение к культурному опыту, накопленному более развитыми сообществами, прежде всего, к технологиям в промышленной, военной и научной сферах. Россия встала на этот путь в результате петровских реформ.

Второй тип модернизации предполагает наибольшую открытость социокультурной среды для культурного влияния извне, со стороны более развитых цивилизаций. Часто такой тип модернизации именуют «вестернизацией», подразумевая особенности культурного развития Японии или Германии после второй мировой войны.

Выбрав путь «догоняющей цивилизации», Россия с успехом заимствовала научные знания, технологии, связанные с развитием промышленности, военного дела, точных наук. Но трансформировать государственную власть, сформировать новую политическую культуру по образцу западных демократий российская политическая элита не захотела.

Начиная с реформаторской деятельности Петра I, модернизационный процесс инициируется в России сверху, при этом само общество, играя лишь вспомогательную, комплиментарную роль, не осознает необходимости этого процесса.

Характерной чертой российской социокультурной традиции стала своеобразная дихотомичность, проявляющаяся в сочетании демократической и авторитарной тенденциях. Если Киевская Русь имела возможность развиваться как европейское государство, то монголо-татарское нашествие привело к проникновению в российскую государственность этатизма, патернализма, автаркии, сформировавших деспотизм самодержавной власти.

Вектор последующего развития России определялся ориентацией на «цивилизацию» или «почву» правящей элиты страны и, прежде всего, ее императоров. В определенные периоды царствования Екатерины II, Александра I, Александра II отдельные элементы модернизации насаждались сверху, однако решение вопроса о проведении политических реформ, перехода к многопартийной парламентской демократии затягивалось на столетия.

Прежудыщий исторический опыт продемонстрировал, что попытка замедлить социокультурную динамику, стремление ее законсервировать, выразившиеся в идеологиях славянофильства и евразийства, может привести общество к социальному взрыву и хаосу.

После периода торможения социокультурной динамики неизбежно наступает скачок, сопровождающийся ускорением всех динамических процессов, и тогда проблемы, не находящие своего решения в течение сотен лет, необходимо решить в минимальные сроки.

Модернизационный проект России можно охарактеризовать как «маятниковое» движение, тем не менее, специфическая «советская модернизация» привела к тому, что Россия потеряла свой облик общинного, крестьянского, православного государства.

В 90 гг. XX века мы стали свидетелями резкого изменения социокультурной среды, обусловленного переходом к новой социокультурной системе. Этот процесс сопровождался не только состоянием динамического хаоса, но и исчезновением контроля над внутренними и внешними коммуникациями.

Для успешного развития модернизационных изменений Россия нуждается в выравнивании социокультурного пространства, синхронизации динамических процессов, в выборе единого вектора развития в сторону постиндустриального общества.

Исследования процессов модернизации в постсоветский период свидетельствует о наличии серьезных проблем адаптации российского общества к изменяющимся условиям. Как правило, модернизация в традиционном обществе – весьма болезненный процесс. Закрытость социокультурной системы, отсутствие в ней демократических принципов, слабая выраженность личностного начала, а, следовательно, приоритет коллектива над личностью, ориентация на «сегодняшний день», сопротивление инновациям – все это серьезно тормозит процессы модернизации. Очевидно, что такое общество нуждается в институциональных и ценностных трансформациях, поскольку, как справедливо отмечает С.Н. Гавров: «ускорение социокультурной динамики последнего десятилетия, свидетелями и участниками которого

мы все являемся, внесла элементы неопределенности, несогласованности институциональной и ценностно-нормативной систем, что объясняется различной интенсивностью допустимых перемен для различных систем» [2. С. 98].

Известно, что ценности как элементы национального сознания существуют на личностном и общественном уровнях. Личностный уровень национальных ценностей формируется в глубинных пластах человеческой психики и определяет особенности поведения и мышления человека. Как правило, этот ценностный уровень складывается из общечеловеческих ценностей, но их соотношение и акцентирование в различных социокультурных системах может существенно отличаться.

Ценности, составляющие второй уровень, - общественные. Они формируются под влиянием национальной и государственной идеологии и во многом зависят от социально-политических условий общества. В период социальных потрясений этот уровень национальных ценностей подвержен наибольшему динамизму и связан с общим процессом трансформации общества.

Исследования ценностных ориентаций современного российского общества фиксируют начавшийся с 90 гг. исторический процесс смены национальных ценностей.

В сознании россиян происходила актуализация ценностей и установок, которые раньше или находились под идеологическими запретами (частная собственность), или имели формальный, декларируемый характер (свобода мнений). В это время возникает социально-групповая поляризация ценностных ориентаций, так как в разных социальных группах в зависимости от адаптации к новым экономическим отношениям происходит трансформация смыслового содержания ценностей.

За эти годы сформировалось первое поколение россиян, чья первичная социализация проходила в условиях свободы от идеологии. По данным ВЦИОМ поколение 18-23-летних поддерживает идею включения России в мировую (западную) цивилизацию. Современные молодые люди ориентированы на жизненный успех (64%), в отличие от традиционной ориентации на равенство и социальную справедливость (36%).

В то же время большая часть российского общества, прежде всего, старшее поколение осталось в рамках старых нормативных и ценностных представлений, поскольку их социализация и инкультурация осуществлялись в совершенно других социокультурных условиях.

Процессы модернизации стали накладываться на процессы, обусловленные переходом страны к постиндустриальному этапу развития глобальной, мировой экономики. В этих условиях в рамках одной страны уже невозможно сохранять даже относительную гомогенность культуры, и, соответственно, в центр внимания попадает вопрос о соотношении в рамках каждой национальной культуры носителей разных типов нормативно-ценностных систем. Как свидетельствуют, например, результаты общероссийского опроса Института социологии РАН «Готово ли российское общество к модернизации» (2010 г.), нынешние жители крупнейших городов страны в зависимости от условий их социализации характеризуются заметными различиями в разделяемых ими нормах, ценностях и даже в видении перспектив и приоритетов модернизации. [3. С. 116]

Постепенно начала складываться тенденция формирования разных культур внутри одного социума, основанных на разных ценностных доминантах, о чем свидетельствуют многие исследования этих лет. Если жители столицы отстаивают индивидуалистические ценности, ориентируются на собственные силы, придают большую значимость свободе (прежде всего, в политической сфере), то жители провинции еще сохраняют патерналистские ориентации, свободу они понимают как волю, у них выражена потребность в сильном лидере. Эта часть населения наиболее долго сохраняет в себе потребность в традиционных ценностях, которые выполняют функции защитного механизма, придающего обществу ощущение определенной стабильности.

Большинство модернизационных теорий рассматривало адаптацию человека традиционной культуры к новым реалиям как необходимое условие создания модернизационного общества. Однако анализ успешных модернизационных проектов некоторых азиатских стран, например, Японии, позволил утверждать, что использование позитивных возможностей собственной культурной традиции также может стать фактором успешного преобразования социокультурной среды.

Любая социокультурная традиция содержит консервативную и креативную составляющие. Креативная составляющая традиции обуславливает способность культуры генерировать новации, которые могут быть восприняты обществом на данном этапе своего развития. В странах, вставших на путь модернизации, но не завершивших модернизационный «проект», его успешное завершение в той мере, в какой оно вообще возможно, связано с использованием части собственной культурной традиции.

Жизнеспособность традиции, проявляющаяся в процессе адаптации ценностных систем, свидетельствует о существовании процессов самоорганизации культуры, обеспечивающих взаимодействие традиции и новации. В результате можно говорить о формировании благоприятной ситуации, способствующей тому, что модернизация социокультурной среды России будет происходить без потери ее культурного и национального своеобразия.

Если рассматривать данный вариант модернизационного развития России, то возникает вопрос: существуют ли механизмы ненасильственной трансформации ценностного сознания россиян, и на какие сложившиеся неформальные общественные институты можно опереться, создавая новую социокультурную среду?

Следует иметь в виду, что неформальные институты, так же как и формальные могут, как способствовать застою, так и провоцировать модернизационные процессы. Осмысление тех институциональных условий, которые позволят неформальным институтам оказывать промодернизационное воздействие, является основной задачей в ходе разработки политики модернизации.[4].

В настоящее время в России существует большое количество неформальных групп, объединенных общими интересами, в том числе, и социальными целями. Эти группы уже участвуют в производстве промодернизационных ценностей и новых неформальных институтов. Необходимо найти механизмы и способы тиражирования этих ценностей, сформировать определенные институциональные предпосылки, которые будут не только способствовать модернизации и самореализации российского человека, но и определяют новые поведенческие характеристики россиян.

Очевидно, что без помощи государства этот процесс не осуществить. На наш взгляд, спор между сторонниками модернизации сверху и сторонниками модернизации снизу должен иметь единственное безальтернативное решение: эти процессы должны осуществляться одновременно. Политическая власть и элита должны определиться: на какие ограничения исторической культурной традиции они готовы пойти ради ускорения социального и экономического развития; сколь решительно они готовы преодолевать консервативно-патерналистские ожидания, свойственные зависимым от государственного патронажа социальным аутсайдерам (пока еще составляющим электоральное большинство); какую степень свободы политического, социального и культурного самовыражения людей власть готова допустить. [5].

Только государственная власть может обеспечить условия для трансляции и воспроизводства новых ценностей и превращения неформальных институтов в нормы социального поведения. «В ее руках находится, быть может, ключевой формальный институт такой трансляции – средняя общеобразовательная школа, через которую проходит практически все население страны. Школа, ставшая носителем идей ненасильственной модернизации, даст России шанс превратиться в цивилизованную страну с правовым сознанием, не порывающей со своим прошлым и мирным путем идущей в будущее без

социальных потрясений и территориальных потерь. Другими ретранслирующими институтами являются кино и телевидение, при определенной постановке дела – литература и библиотечная система, вписавшаяся в цифровую эпоху». [1. С.10].

Таким образом, необходимо, с одной стороны, используя формальные и неформальные общественные институты, все больше втягивать людей в модернизационные процессы, с другой – формировать новую социокультурную среду, не разрывая с культурной традицией, а наполняя ее новым содержанием. Следовательно, актуализируется проблема разработки новой государственной политики в области культуры.

Под культурной политикой мы понимаем часть государственной политики, обеспечивающей функционирование культуры общества и сформировавшейся на основе определенных ценностно-смысловых парадигм общественного сознания. Так, если советская культурная политика была опосредована жесткой идеологической детерминантой, то культурная политика западных стран определялась экономическими интересами среднего класса как основного потребителя культурной продукции.

Идеология модернизации, влияющая на процессы формирования новой социокультурной среды России, приводит к переосмыслению роли и функции культурной политики в XXI веке, концентрируя внимание на расширении социального пространства современной культуры, ставя вопрос о создании рынка культурной индустрии, способствующей воспитанию общества, которое является ее покупателем.

Новая стратегия культурной политики должна отталкиваться от понимания культуры как динамически развивающейся силы, которая стимулирует творческую деятельность людей. «На смену доминирующей поддержке культурных запросов людей, по разным причинам не способных к эффективной конкуренции на рынке труда и избалованных патерналистской практикой государственного покровительства, должна прийти приоритетная поддержка культурных интересов той части населения, которая вполне конкурентоспособна, не нуждается в государственном патронаже и способна к самостоятельному культурному саморазвитию» [5]. Новая социокультурная среда должна формироваться на основе культурных интересов и нормативно-ценностной системы социально конкурентоспособных людей – представителей среднего класса.

Предпосылками возникновения среднего класса в любом модернизирующемся обществе являются высокий уровень урбанизации, развитие высшего образования, рост социальной мобильности, диверсификация собственности.

В условиях России XXI потенциальным претендентом на роль субъекта модернизации становится «креативный» класс – люди, осуществляющие рациональный выбор, ориентирующиеся на жизненный успех, на реализацию своего творческого потенциала. В то же время российский средний класс неоднороден, ему присуща внутренняя гетерогенность. Положение этих людей достаточно противоречиво, поскольку только часть из них является собственниками, другая часть выступает в качестве наемных работников: менеджеров, ученых, специалистов. Однако, отличаясь рациональным мышлением, ориентацией на либеральные ценности, эта социальная группа способна противостоять деструктивным общественным явлениям и стать основой гражданского общества.

Социокультурные динамические процессы последнего времени привнесли элементы несогласованности и неопределенности в институциональную и ценностно-нормативную системы общества. Характерным свойством современного среднего класса России стала дихотомичность между успешно освоенными модернизационными социально-экономическими практиками и традиционной нормативно-ценностной системой, затрудняющей вхождение представителей российского «креативного» класса в западный модернизированный мир.

В этой связи большой интерес представляют проведенные в 2011 году социологические исследования, которые должны были выявить представления о специфических «культурных» чертах, отличающих представителя российского

«креативного» класса от его коллег в ведущих странах запада и/или востока и определить, как эти черты могут тормозить или, наоборот, способствовать процессам модернизации. [1. С. 102].

Результаты этого исследования продемонстрировали, что российские новаторы вполне модернизированы, однако в качестве механизмов торможения модернизационных процессов выступают организационная культура и культура производства России.

Таким образом, авторы исследования считают, что снятие внешних институциональных барьеров обеспечит развитие ненасильственной гуманитарной модернизации и будет способствовать тому, что креативная часть нашего общества сможет вписать российские ценности в новую социокультурную среду.

Библиографический список

1. «Культурные факторы модернизации». Доклад фонда «Стратегия 2020». - Москва-Санкт-Петербург - 2011.- С. 221.
2. Гавров, С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества / С.Н. Гавров. - М.: МГУКИ, 2002. - 146 с.
3. Тихонова, Н. Е. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России / Н.Е. Тихонова // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 // Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. — Вып. 10. М. ; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История, - 2011. — С. 110-126.
4. Ясин, Е.Г. Модернизация или разрушение / Е.Г. Ясин // Газета.ру. 2005. 16 июня (www.gazeta.ru/comments/2005/06/16_x_301222.shtml).
5. Астафьева, О.Н. Социокультурная модернизация: формирование новой культурной среды. Культурологический журнал / О.Н. Астафьева, А.Я. Флиер. – 2013. - №1. (<http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskiy-zhurnal/ku1-2013/20969-sociokulturnaya-modernizaciya-formirovanie-novoy-kulturnoy-sredy.html>)

УДК 970

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

И. Т. Пархоменко.

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: kira-korf1@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.

PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

I. T.Parhomenko.

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: kira-korf1@yandex.ru

И. Т. Пархоменко

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ГЕРОЯ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена проблеме идентификации героя в современной массовой культуре. Один из главных выводов автора заключается в том, что массовое производство культурных артефактов, брендов, стилей и т.д. ведет к редукции героического к базовым составляющим успеха, к числу которых относятся богатство, молодость, сила, сексуальность. Героическое «биологизируется» и воплощается в образах «супермена»

Ключевые слова: идентификация, успех, массовая культура, герой, героическое, супермен.

I. T. Parhomenko

THE IDENTIFICATION OF HERO IN CONTEMPORARY MASS-CULTURE

The article dwells upon the main features of hero in the context of mass-culture. The author concludes that «mass-hero» (superman) may be identified given the specificity of mass-production of cultural artefacts, trends, style and brand as means of reducing the heroic to the features of success. The latter is interpreted in terms of glamour, opulence, youth and sexuality manifested by «superman».

Key words: identification, success, mass-culture, hero, the heroic, superman. .

Рубеж веков характеризуется невиданным количеством потрясений, конфликтов, катастроф социального и личностного плана, которые чрезвычайно усложнили эмоциональный мир человека. В основе таким образом формирующихся психологических состояний и проявляет себя глубинная потребность человека ощущать и видеть перед собой определенные персонифицированные образцы. Массовое искусство широко использует данный прием, ибо «... художественные создания, давая повод к совместному переживанию высоко ценимых ощущений, вызывают чувства идентификации, в которых так остро нуждается каждый культурный круг» [1. С.103]. Понятие «идентификация» происходит от позднелатинского – *indentifico* – отождествляю и характеризует процесс опознания объекта путем выявления базовых черт и характеристик, определяющих его идентичность, что в понимании современного человека связано «...с сознательной ориентацией на определенный стиль жизни, «выбирая» который индивиды формируют свою тождественность с определенной группой, образом жизни, ценностями» [2. С.78-79]. Идентификация означает осознанное или бессознательное стремление человека действовать и чувствовать себя как объект, с которым он себя отождествляет, а также получать от данной ситуации «... развлечение, релаксацию, забывание проблем и забот» [3. С.61]

Впервые, наиболее последовательно механизм идентификации рассмотрен в философско-психологической концепции З.Фрейда (речь идет о его работах «Три очерка по теории сексуальности» (1905), «Будущее одной иллюзии» (1927)). Философ обосновывал данное явление в ходе разрешения Эдипова комплекса. По мысли Фрейда, идентифицируя себя с отцом или с лидером, ребенок или слабый человек приобретает сходство с ним, делает попытку перенять его силу и таким образом уменьшить чувство страха перед реальностью. В процессе идентификации человек вбирает в себя определенные качества объекта, включает в свой внутренний мир воспринимаемые им взгляды и установки других людей. Отсюда следует, в полном смысле этого слова, гипнотическое подчинение человека влиянию объекта. Последователи Фрейда значительно расширили представления об этом механизме. В работе «Человек для себя» (1947) Эрих Фромм называл человеческое стремление к отождествлению, поиск объекта поклонения как одну из глубинных потребностей человека. Идентификация, по мысли Фромма, служит для индивида определенной системой ориентации в совокупности явлений окружающего его бытия и дает человеку возможность отождествлять себя с неким образцом.

Современные научные исследования еще более аргументировали представления о сущности и возможностях механизма идентификации. Здесь особо выделяются экранные образцы, ибо сама природа зрения делает зрительный образ ближе к возбуждению чувственности, стимулируя глотать всякую «дрянь», лишь бы (как говорил К.Поппер) «с перцем». Как правило, эти экранные образцы представляют собой кино, теле и видео-героев – уверенных в себя, удачливых и всесильных в жизни. Эти герои, по мысли теоретиков массового искусства должны «носить определенное лицо»: либо классически красивое (как у Г.Пека или Т.Круза), либо мужественно некрасивое (Ж.-П.Бельмондо, А.Шварцнеггер). Задача художника состоит в том, чтобы не только уловить тенденции, характерные дл

определенного состояния общественного сознания, но и сработать на крайне примитивном материале весьма профессиональным образом. И только тогда произведение массовой художественной культуры ждет успех, когда идентификация с его героями будет наиболее полной.

Как правило, образцами для идентификации служат особые герои или звезды. «Культ звезд» или «старизм» (от англ. *star* – звезда) – это сформировавшаяся структура, которая в ходе своего развития претерпела существенные изменения внутри себя. Исторически «культ героев-звезд» рожден кинематографом, а затем получил распространение и в других ипостасях массовой художественной культуры. «Культ героев-звезд» стал результатом сознательного отбора образцов для подражания со стороны тех групп людей, которые контролируют средства массовой коммуникации и отвечают за характер передаваемого через них содержания. Сущность «старизма» исторически менялась. В до-телевизионный период абсолютизировались исключительные качества «звезды» – такие как героизм, одержимость идеей и т.п.. Современные «звезды-герои» предельно «заземляются», становятся более доступными для психологических процессов идентификации. Отождествляя себя со «звездой-героем», подражая ей, переживая с ней невероятные взлеты и триумфы, реципиент (т.е. зритель, слушатель, читатель) как бы компенсирует свои собственные житейские промахи и неудачи.

Пожалуй, главная отличительная черта современного понимания героического «... заключается в том, что в ходе героического действия человеческое становится сверхчеловеческим, выходит за рамки обыденного, приобретает титанические черты и масштаб и, как следствие, широкий общественный резонанс. В этом качестве героическое и его носитель – герой – фиксируется в исторической памяти с течением времени, подвергаясь мифопоэтической обработке, выявляя архетипические черты. Вторая важная особенность героического – заведомая недостижимость для других людей того уровня сверхчеловеческого, который был достигнут в ходе героического действия. В обыденном сознании и исторической памяти герой остается таковым, пока его подвиг не превзойден. Таким образом, героическое следует отличать от иных проявлений мужества, лежащих всецело в плоскости обыденного и не имеющих архетипического характера» [4. С. 104].

Феномен массовой культуры – это апофеоз процесса неуклонной пролиферации форм и способов бытия человека, выводящих его за рамки морфологической самотождественности вида *Номо*. Бытие человека здесь становится, по факту, постоянно возрастающей экспонентой инобытий, мимикрией состояний, умножением персон, делающих любую идентичность (самотождественность) условной и нежелательной. Карнавал становится синонимом самой культуры, осуществляется в промышленных масштабах. Система оппозиции, характерная для стационарного (традиционного) типа культуры в этой ситуации подвергается систематической деконструкции за счет всеобщей релятивизации понятий в нее входящих. Последнее – неизбежное следствие и код пролиферации культурных форм. Релятивизм ценностно-смыслового наполнения культурного артефакта неизбежен в условиях его массового производства и затрагивает ключевую для стационарной культурной модели дихотомию «героическое-обыденное». Идентификация героя в контексте массовой культуры, на наш взгляд, может быть произведена наилучшим образом лишь с учетом того, каковы базовые характеристики героического вне зависимости от конкретно-исторического его наполнения.

Героическое – это эксклюзивное, необычное, сверхчеловеческое и так или иначе сопряженное с феноменом смерти. Героическое отнюдь не обязательно должно быть нравственным, скорее, напортив. Будучи выходом за пределы обыденного (наличествующего бытия) героическое ставит его носителя по ту сторону «добра и зла», хотя типология героя предполагает возможность появления существа избыточной моральности как, скажем, в эпоху христианского Средневековья. Таким образом, именно избыточность в независимости от моральной мотивировки есть решающий критерий отличия героического от обыденного.

В герое слишком много мужества, витальности, креативности, либо, напротив воплощено их минимальное присутствие (аскеза средневекового отшельника). Потому героическое – это обыденное, возведенное в степень. Поскольку избыточность витальности (прометеевская природа) героя оборачивается ее разрушением, героическое всегда содержит в себе аспект *mortido* (бытие к смерти). «Массовое сознание заполнило его разными содержаниями, образами, символами, поскольку то, что находится за гранью жизни, порождает тревогу и страх своей неизвестностью. Страх смерти растворяется в страхах и тревогах героя, связанных с преодолением всей совокупности обстоятельств ситуации подвига как поступка их преодоления. Но он сохраняет свое присутствие как одна из самых сильных угроз – угроз небытия» [5. С. 62].

Основное отличие массового героя от элитарного заключается, с одной стороны – в массовизации героического: героем может стать каждый, достаточно лишь надеть маску, быть в тренде; с другой – в отсутствии видимого ценностно-смыслового наполнения героического. Классический тип героя предполагает наличие у него миссии, а значит идеологическое обеспечение, которое осуществляется через героическое действие. В контексте массовой культуры герой больше не является носителем идеологии в силу отсутствия последней, ее замены потоком нарративов (ситуаций). Отсюда редукция к тому, что составляет ценность вне любой идеологии. Героическое становится синонимом физиологического, лучшим его проявлением. Следствием этого является воплощение в героическом культа молодости, физического здоровья, телесной красоты и силы, а также такие атрибуты успешности как богатство и власть, стиль и тренд. То обстоятельство, что герой в массовой культуре не является носителем какой либо определенной идеологии, воплощением «высоких» идеалов с одной стороны свидетельствует о «смерти идеологии», с другой – о моральной амбивалентности самого героя.

Идеология возникает в условиях ограниченных возможностей для реализации индивидом и группы, которую он представляет, своих потребностей, прежде всего, социальных. Массовая культура и Интернет как важнейшая ее составляющая открывают для индивида широчайший, что особенно важно, все возрастающий спектр возможностей, выводит коммуникацию на новый уровень, превращая ее в приоритетный способ социального бытия. Ситуация, когда фактически можно все, все цели достигнуты, исчезает объективная основа для классической бинарной схемы, лежащей в основании любой идеологии: идеал - подобие, а вместе с тем и четкий нравственный критерий оценки поступка героя. В контексте массовой культуры он либо откровенно аморален, либо легко меняет моральные парадигмы в зависимости от личных предпочтений, что выступает индикатором релятивистичности морального выбора в ситуации, когда, так или иначе, хотя бы на уровне игровых моделей, можно все.

Другая важная черта массового героя, в отличии от классических типажей героического – его деперсонализация, Супергерой утрачивает личностные характеристики и становится схемой, комбинацией обязательных черт, симулякрот индивидуальности в силу того, что носитель героического – личность – здесь подвергается деконструкции, утрачивает устойчивость, становится синонимом контента. Схематический характер супергероя создает эффект его повсеместного присутствия. Супергерой входит в контекст обыденного как этикетка, бренд, символ, стикер на холодильнике, постер на стене. Он вездесущ. Возникает иллюзия общедоступности героического. Тем не менее, несмотря на все эти модификации героического, оно сохраняется и в контексте массовой культуры. По-видимому, главная причина этого – стремление индивида отличаться от себе подобного, в конечном итоге от себя самого, поскольку самотождественность означает обыденность, а обыденное – та среда, в которой в наибольшей мере открывается абсурдность человеческого бытия (А.Камю).

Появление феномена супергероя-супермена связано с конкретно-исторической ситуацией, которая сложилась с США в конце тридцатых годов XX века. Эта ситуация характеризуется завершением процессов формирования американской нации как

эkleктичного этнокультурного образования. В результате этого процесса возникла высокая степень единства, которая была консолидирована вокруг американской системы ценностей и стереотипов поведения. Выражением этой вновь появившейся мифологии и стал феномен *супермена*, что находит свое отражение в продукции массовой художественной культуры, которая создавалась в Америке в то время в избытке. Речь идет как о комиксах, так и о художественных фильмах и литературных произведениях. «Идентифицируя себя с таким персонажем, любой бухгалтер в любом американском городке мог тайно питать надежду, что в один прекрасный день из кокона его обиденной личности может вылупиться сверхчеловек, способный искупить годы прозябания в посредственности» [б. С.178-179]. Вместе с тем, стоит иметь в виду, что феномен *супермена* архетипичен по своему характеру, имеет множество прототипов и довольно длительную генеалогию.

Впервые в истории западной культуры феномен супермена встречается в мифологической редакции в контексте греческой мифологии в виде образа героя-полубога, потомка богов, обладающего избыточной силой, сверхчеловеческими возможностями. Герой греческой мифологии выполняет функцию укрепления принципа порядка и меры, обеспечивает систематическое вытеснение на периферию космического здания тех хтонических сил хаоса и разрушения, которые персонифицированы в образах чудовищных порождений Земли-Геи. Таким образом, борьба с ними составляет главную функцию героя греческой мифологии, превращая его в носителя тех принципов гармонии, меры и соразмерности, совокупность которых определяет античный эстетический канон.

На следующем этапе развития европейской цивилизации, когда оказываются реанимированы античные сюжеты и интуиции (речь идет о европейском Ренессансе), тема героического вновь становится актуальной. Сверхчеловеческий потенциал художника эпохи Возрождения, теоретическое обоснование прометеизма и титанизма, которое мы находим в этот период в классических трудах теоретиков европейского Ренессанса, прежде всего у Пико делла Мирандолы, Джанотто Монетти, Лоренцо Валлы и других в совокупности свидетельствуют о возвращении интереса европейцев к образу сверхчеловека, который будучи освобожден от прессинга со стороны ортодоксального христианского религиозно-мифологического комплекса реализует свою свободу и творческий потенциал вне всякой системы регламентации и подавления, которая была свойственна средневековому европейскому сознанию и культуре.

Таким образом, именно в период Ренессанса мы имеем более или менее развернутое теоретическое обоснование сверхчеловеческого (героического) как того состояния, к которому человек должен стремиться и, достигнув который, в конечном итоге реализует свою миссию на земле, вполне сопоставимую с деятельностью Бога-Творца. Параллельно с этим мы встречаемся здесь с таким интересным и многоаспектным феноменом как реабилитация оккультизма, магии, алхимии и астрологии. Иными словами, тех учений и практик, которые длительное время находились под запретом или были репрессированы христианской ортодоксией и вновь вышли на поверхность культурной жизни европейцев в связи с реабилитацией человеческого во всех его проявлениях, которую мы находим в эпоху Возрождения.

Сущность этих учений и практик заключается в расширении возможности человека, в обретении им того избыточного потенциала, который призван преобразить саму природу человека и сделать его не только сотрудником Бога, но и фактически заместителем последнего. Магические практики, которые в обилии встречаются в эту эпоху и оказываются предпосланы появлению позитивно-экспериментальной науке в Европе пользовались как раз колоссальной популярностью силу этого обстоятельства. Сверхчеловеческое, в качестве антитезы человеческому, было воплощено и в социально-политической теории и практике, в частности, в классической работе Н.Макиавелли «Государь». Апофеозом этого процесса можно, без сомнения, считать философию Ф.Ницше, которая верифицировала образ сверхчеловека, сделав его центральной своей интуицией. Констатируя «смерть Бога» как

актуальной для сознания и культуры идеи, Ф Ницше дает зарисовку сверхчеловека («белокурой бестии») как антитезы классической христианской ортодоксальной картине человека в мире. Сверхчеловеческое в традиции Ф Ницше совмещает в себе характеристики творческой активности прометеевского художника эпохи Ренессанса и черты сознания новой Европы, связанные с реализацией человеком его свободы в живой социальной практике. Для Ницше человек – это тот, кто, замещая Бога, преодолевает в себе животные, низменные страсти и находится на пути духовного совершенствования, становясь существом высшего порядка, по сути своей Божеством.

Следует все основания полагать, что *супермен* новейшей массовой культуры есть не что иное, как актуализация архетипа героя (сверхчеловека), который относится к числу базовых для культуры в целом. Наличие этого архетипа позволяет нам констатировать то обстоятельство, что человеческая природа, будучи социобиологической по своему происхождению и характеру, постоянно видоизменяется в сторону преодоления тех детерминант человеческого бытия, которые в совокупности своей сводимы к его смертности, ограниченному характеру человеческого действия, несвободе. Различные модификации, способы, эстетические формы этого стремления в культуре могут быть сведены к одной схеме: от животного к человеческому и далее к сверхчеловеческому.

В контексте современной массовой культуры мы находим множество образов *супермена*, которые демонстрируют это стремление с разной степенью убедительности и талантливости. Пожалуй, одним из наиболее репрезентативных здесь является образ агента 007 Джеймса Бонда, имеющий длительную кинематографическую историю. Джеймс Бонд – это главный персонаж английского писателя Йена Флеминга о вымышленном им агенте секретной службы Ее Величества М16. Фильмография, связанная с приключениями Джеймса Бонда, как и охват актеров, сыгравших эту роль, весьма интересный и репрезентативный. Сюжеты этих романов повествуют о перипетиях жизненного пути агента 007, но, будучи культовой фигурой современной массовой культуры, Джеймс Бонд воплощает в себе и черты, характерные для супермена как такового, вне зависимости от сюжетных, биографических или иных особенностей.

Не вдаваясь в изучение истории создания этого образа (поскольку это относится к сфере истории кино и кинокритики) отметим то, что значимо для философского осмысления образа *супермена*. Джеймс Бонд как архетип героического в контексте массовой культуры выражает те базовые характеристики *супермена* опознание (идентификация) которых позволяет нам говорить об этом образе как репрезентативном. Речь идет, с одной стороны, о мотивации к служению общественно значимым, позитивным целям, с другой стороны – воплощению идеалов физической силы, благосостояния, богатства, преуспевания, стиля, соответствия новейшим тенденциям моды, широчайшему проявлению человеческой сексуальности и эксплуатации таковой. Комбинация сексуальности и силы при этом находится в некоем внутреннем единстве и пребывает в той системе ценностей, которые являются приемлемыми для общества.

Джеймс Бонд – это фигура, воплощающая в себе идеал здорового человека, стремящегося к неуклонному расширению своих возможностей на службе обществу. Это позитивный идеал, борющийся с теми проявлениями зла, которые в массовом сознании западного человека чаще всего ассоциированы с тоталитаризмом и подавлением личной свободы, избыточным контролем государства над личностью и персонифицированы в образах злодеев, чаще всего связанных с историей Советского Союза или азиатских деспотических режимов. Для западного англо-американского культурного пространства появление такого героя, в особенности в ситуации холодной войны было насущной необходимостью. В известном смысле с изменением конкретно-исторической ситуации и сближением Запада и Востока, которое мы наблюдаем в последнее время, изменились оттенки и тональность «бондианы», но не ее суть.

Джеймс Бонд по-прежнему актуален, поскольку те угрозы, которые стоят перед лицом цивилизованной части человечества, хоть и изменили свои внешние проявления, но сохранили свою суть и продолжают оставаться весьма актуальными. Стало быть, потребность в *супермене* и эксплуатация тех черт, которые он в себе заключает, будет оставаться насущной и в течение обозримой перспективы.

Библиографический список

1. **Фрейд, З.** Будущее одной иллюзии / З.Фрейд // Сумерки богов. - М.: Политиздат, 1990. - С. 96-125.
2. **Малахов, В.С.** Идентичность / В.С. Малахов. – Новая философская энциклопедия : В 4 т. – Т.2. – М.: Мысль, 2010. – С. 78-79.
3. **Саффхил, Л.** Подростки – зрители мыльных опер / Л.Саффхил // Массовая культура: современные западные исследования. Пер с англ. А.Смирнов. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. – С. 61-75.
4. **Цуркан, А.А.** Поэтика Артюра Рембо: в поисках утраченного героя / А. А Цуркан // Вестник Воронежского гос. ун-та. с.Философия, 2010. – № 2 (4). – С.100-117.
5. **Супонева, М.М., Федоров В.В.** Феномен героизма / М.М. Супонева. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 152 с.
6. **Эко, У.** Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко // Пер. с англ и итал. С. Д.Серебряного. – СПб.: «Симпозиум», 2007. – 502 с.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
PHILOSOPHY AND SCIENCE OF RELIGION

УДК 130.121

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

И. М. Бочарова,

Ст. преподаватель кафедры философии, социологии и истории Э. Н. Платонова.

Россия, г. Воронеж, тел. (473)271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.

PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

I. M. Bocharova,

Senior Lecturer of Philosophy, Sociology and History Chair E. N. Platonova.

Russia, Voronezh, tel. (473)271-50-04;

e-mail: hist-vgasu@yandex.ru

И. М. Бочарова, Э. Н. Платонова

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ В. В. РОЗАНОВА

В статье рассматриваются взгляды В.В. Розанова на христианство и православие с позиций его мировоззрения.

Ключевые слова: православие, церковь, религиозное мышление, молитва.

I. M. Bocharova, E. N. Platonova

RELIGIOUS VIEWS OF V. V. ROZANOV

The article considers the views of V.V. Rozanov on Christianity and Orthodoxy in terms of his outlook.

Key words: Orthodox, church, religious thought, prayer.

Одним из представителей русской философии второй половины XIX в.– начала XX в. был В.В. Розанов. «Розанов один из самых необыкновенных, самых оригинальных людей, которых мне приходилось в жизни встретить» – писал Н. Бердяев. Его творчество соответствовало духовному состоянию России данного периода и отражало его личную судьбу. В начале XX века в России был настоящий русский ренессанс, религиозный, философский, художественный [1. С. 148]. Появилась русская философская школа с оригинальной русской философией. Русские люди культурного слоя стояли вполне на высоте европейской культуры. Вновь были открыты и получили значение мыслители полузабытые и неочтенные, в том числе В. Розанов. Не только идеологически, но и биографически В. Розанов шел от «логоса к мифу», от христианства к язычеству.

Достаточно неоднозначно было отношение к нему современников. Очень сдержанно относились к нему В. Соловьев, Л.Н. Толстой, А.Ф. Лосев. В. Соловьев писал: «... себя он обнаружил вполне юродствующим». Русский народ знает и очень ценит «Христа ради юродивых». Конечно, не к их числу принадлежал этот писатель. Он, впрочем, не скрывал, ради чего и во имя чего производятся его литературные юродства: он указывает на языческую пифию; на ее дельфийскую расщелину, где была дыра, в которую выходили серые одуряющие пары» [2. С. 307].

Более позитивно к его творчеству относились Н. Бердяев, Д. Мережковский, который писал «для нас вера была удивлением, для них – позитивной плоскостью; для нас праздником, для них буднями» [3. С. 148].

Мировоззрение В. Розанова слагалось в опыте личных огорчений и обид. Разные идейные влияния отпечатались в его идеологии: начиная гегельянством ранних лет, еретичностью перед революцией и религиозностью перед смертью. С точки зрения Н. Бердяева В. Розанов мыслит не логически, а физиологически.

Алогичность характерна для большинства русских философов. Их судьбы и взгляды были связаны с судьбой России, которую ожидали тяжелейшие испытания, и многие мыслители это предчувствовали и боялись.

Попыткой защитить себя имманентно стал поворот к религиозному мышлению, который совершили В. Соловьев, С. Булгаков, Л. Шестов, В. Розанов и др. Это было их движение от славянофильства, марксизма, гегельянства к христианству. У В. Розанова религиозная тема рассматривалась как спасение, хотя это спасение он осознал и поверил в него перед смертью. Он называл своими наставниками И. Киреевского, И. Хомякова, И. и К. Аксаковых, Ю. Самарина. Славянофилов он считал «школою протеста психического склада русского народа». Есть две России: одна Россия видимостей, громада внешних форм с правильными очертаниями. И есть другая – Святая Русь, «матушка Русь», законов которой никто не знает, с немymi формами, неопределенными течениями, конец которых не предвидим, начало неизвестно». Россия существенностей, живой крови, непочтой веры, где каждый факт держится не искусственным сцеплением с другим, но силой собственного бытия в нее вложенных» [4. С. 47].

Тысячелетняя история российского этноса неразрывно связана с православием, которое воспитывало его, помогало выстоять в тяжелейшие моменты, быть мужественным, стойким, терпеливым и выносливым. «Вся тайна православия, – пишет В. Розанов, – заключается в умении молиться» [5. С. 293].

«В тайне богомолий, в молитвенных правилах, в духовных подвигах русская душа сохраняла древний и строгий отеческий стиль», – так считал Г. Флоровский. Совершенно справедливо В. Розанов отмечает, что православие в России направлено в большей степени на нравственное воспитание, на спасение. Необходимо было, чтобы духовенство в области своего служения глубже проникалось нравственными началами. Ведь церковь – не только таинство, она в плане мировоззренческом пронизана духом образованности. Церковь несет ответственность за души, и ее задача состоит в строительстве истинной человеческой сущности. В. Розанов отмечает, что православие в России направленно на нравственное воспитание, на спасение, но вся религия русская стоит по ту сторону гроба» [6. С.293]. Потому религиозное мышление в пределах «схемы христианской» давно представляет собой «иссохшую мумию в драгоценном саркофаге». Россия прошла с Христом всю «невыразимую муку Голгофы». Не только русская история, русская вера напоминают главы Евангелия. Он обращает внимание, что по основному воззрению христианства было убито именно существо божественное «Сын Божий». Неужели Отец Его, «Отец наш», «Сущий на Небесах простит нам наши грехи в отношении друг друга, ложь нашу, войны наши, вероломство наше, потому именно и потому особенно, что мы замучили и умертвили Его Сына». Если Ветхий Завет даст ответ: «Око за око», то Евангельские заповеди призывают простить. Наказание за смерть Спасителя должны нести все народы и все человечество – считает В. Розанов. С другой стороны, В. Розанов крайне негативно оценивает и род человеческий – «человеческий материал, который оставил Христос после себя «маленькой планете, с таким скорбным и недоумевающим населением», и самого Христа, который заворожил мир красотой смерти» [7. С. 332].

В. Розанов «не принял тайны Богочеловечества ... ни умом, ни сердцем и отсюда его враждебность и бунт против Креста». Характеризуя взгляды В. Розанова, Н. Бердяев указывает, что он был врагом не церкви, а самого Христа». Русский человек не только глубоко постиг «тайную красоту смерти, и ползет к этой страшной и загадочной красоте, но он и в самом деле умеет с величием умирать, он и сам становится прекраснее в болезнях и страданиях, в испытаниях. И особенно прямо перед гробом» [8. С. 332].

Поэтому вся жизнь кажется русским черной, а с приближением смерти все принимает белые цвета, принимает сияние. «Жизнь (в России для многих) – это ночь, а смерть – это рассвет, и, наконец, высший день – «там» (на небе с Отцом небесным)».

Христианский храм, церковь для многих людей – это место, где слабости, дряхлость, немощь и убожество, социальное ничтожество оцениваются как положительная добродетель, как заслуга перед богом, как небесное на человеке сияние. Люди душевно отдыхают, получают внутреннее умиротворение, успокоение. Тайну русского аскетизма составляет именно безнервность: плач, горе по усопшим ... есть прямая слабость для аскета, как и бурный гнев на чужой грех... Русские святые никогда, никого не упрекали: безмолвно, почти только в душе». Они служили и служат примером для верующих в повседневной жизни. Православие в высшей степени отвечает гармоничному духу, но в высшей степени не отвечает потревоженному духу. Однако В. Розанов считает, что русская православная церковь уязвима в своих слабостях и немощах. Высота европейской цивилизации показывает нам как высоко было христианство. «Воистину не человек его обосновал» [9. 354]. Но христианство сдает теперь свои позиции. Оно тает. Христианство занимает лишь уголок в современной цивилизации. Оно не имеет и не умеет способов подчинить себе цивилизацию. Причину этих поражений он видит в том, что «ни которая их Церквей, и наконец, все христианство не может ответить на самые мучительные вопросы ума; на самые законные требования жизни; (и цивилизация не столько враждебна к христианству, сколько получает неожиданную возможность, почти невольную необходимость смотреть на него почти с грустью и с жалостью, как на младенца или впавшего в младенчество старика. В. Розанов как и Л. Толстой обвиняет церковь в том, что ее духовенство сумело приучить весь русский народ к строжайшему соблюдению постов, но оно ни малейшее не приучило, и не старалось приучить русских темных людей к исполнительности и аккуратности в работе, к исполнению семейных и общественных обязанностей. Поэтому в России много святых и гораздо реже просто честных. В этом несчастье России. Тысячу лет церковь и духовенство трудилось над задачей – «выработки святого человека, выработки самого типа святости, стиля святости и благочестия жизни» [10. С. 365]. «Святой человек дан Церковью, церковным духом».

Такие святые есть, не переведутся и не переводились. «Святой человек» или «божий человек есть образ», по мнению В. Розанова, – художественный. Он считает, что такое понятие не выработано ни одной Церковью. Но в русском православии святые старцы стремились к полному и совершенному отлучению себя от всякого своекорыстия. Святой человек погружается в тишину глубоко внутренней жизни. Душу «русского праведника» наполняет «не Бог как истина, а Живое Лицо Его» [11. С. 362].

Русский святой не бывает без великой любви ко всем людям. «Русский святой есть глубоко народный святой» [12. С. 365]. По мнению В. Розанова, редкий русский человек не переживает порывов к этой святости.

Этим живет русский народ, это составляет основу его нравственной или духовной жизни. Благодаря этому он крепок и встает из бед.

Не зная церковной службы, совершенно нельзя понять, что такое русский народ и как он произошел. Если уничтожить церковную службу и разрушить действие ее на душу народную и быт народный, Россия немедленно дезорганизовалась. Кто любит народ русский не может не любить церкви. Потому что народ и его церковь – одно. И только у русских оно одно [13. С. 520].

В. Розанов, критикуя христианство, указывал на преобладание в нем аскетических мотивов: «Специальное в церкви начинается с монаха», пусть нечестного, пусть злого, совершенно невежественного. Все равно он несет в себе метафизическое зерно, которое ошеломляет нас новизной и стройностью, которому мы удивляемся и перед которым как перед каждым дивом можем поклониться. Эта «дивность» заключается в глубочайшем трансцендентном разобщении со всеми нами, в современной непохожести на нас, в силу которой смотря по расположенности и подготовленности мы назовем его «демоном» или

«богом», стоящих выше или ниже человека, но во всяком случае в стороне от него» [14. С. 140]. Монашество в христианстве появилось со временем и понятно, что люди с «вывихнутой душой» воспользовались и облекли покрывалом аскетизма все христианство, затуманили христианский воздух». Религиозный историк Тареев считал, что своей теорией В. Розанов хотел объяснить все христианство, но объяснил только аскетизм.

Христианство есть религия любви, аскетизм есть религия ненависти к жизни и между нет тождества. «Монахи не любят Христа и не любят Евангелие, на их место они поставили монашескую церковь» [15. С. 140]. Сообщество монашества, (которое в католицизме получило название «орден»), В. Розанов критикует очень жестко: «По глубокому предчувствию истины и по сознанию всего объема ее монахи согласны на допущение всяких злоупотреблений в своей черной братии, на невежество всего духовенства, на отречение о науки, на подавление всякой свободы, даже готовы терпеть чудовищный разврат в самом монашестве, хотя непременно тайный, чтобы ценой этих потерь сохранить принцип монашества, не униженный, а возвышенный и прославленный» [16. С. 439].

В. Розанов много рассуждает о церкви, которая была неотъемлемой частью жизни русского народа. «Церковь – это «все мы», церковь – я со всеми. И мы все с Богом». В этих словах В. Розанова четко просматривается принцип соборности. В отличие от высокомерной «религиозности» церковное чувство смиренно, просто, народно, общечеловечно. Критика церкви у него была формой богоискательства, он не принимал разумом некоторые позиции, но душой и сердцем он оставался православным. «У меня было религиозное высокомерие. Я оценивал Церковь как постороннее себе, и не чувствовал нужды ее себе, потому что был с Богом» [17. С. 586]. «Церковь нечего не делает и ничего еще не имеет, кроме как хранить и распространять Евангелие Христа и Вечную Жизнь» [18. С. 586], – заключает В. Розанов, хоть понимает, что нравственные ценности в русский народ принесены именно ей. Церковь научила всех людей молиться, и какое к ней может быть отношение – «как целовать руку». Ее необыкновенная сила зависит от того, что обращаются к ней люди в самые лучшие моменты своей души: страдальческие, горестные, страшные, поэтические. В момент смерти близкого или тяжело больного люди несут в храм свои крики, стоны, слезы, мольбы. Как же этому месту, «куда все снесено» не сделаться было наилучшим и наимогущественным. Церковь захватила «острия всех сердец» и нет иного места с таким же могуществом, которое здесь [19. С. 375].

Кто любит русский народ – то не может не любить церковь. Потому что народ и его церковь – одно. И только у русских есть оно одно. Русская церковь представляет собой «замечательное явление». Церковь есть не только корень русской культуры – она есть и вершина культуры. Тот, кто подумал, что кроме обрядов в ней нечего нет, тот «при всяческом уме не понял в ней ничего».

Православие в высшей степени отвечает «гармоничному» духу, но в высшей степени не отвечает «потревоженному» духу. В нем есть, говоря аллегорически, Зевс, в Александре Невском оно получило себе даже Марса. В петербургском периоде – все строят храмы Александру Невскому, «этому Ромулу» Руси, отодвинув в сторону киевских подвижников. Итак, Марс и Зевс (их стихии) – вот Православие, но нет в нем Афродиты [20. С. 254].

Цивилизация XIXв. В значительной степени есть антихристианская «была не цивилизация, а скандал в ней». Европа и только одна она имеет одно рождение из одного Лица – Христа. Нет Европы, а есть «Христианский мир». «Христианский мир обширнее, многозначительнее и выше «Европы», а «Христос» обширнее «Христианского мира» и есть «Вечность» и есть «Все» [21. С. 586].

Есть два мира, продолжает В. Розанов, «и в этом заключается «пришествие Христа»: мир природный и мир благодатный». Победа Евангелия заключается в том, что люди безмерно страдавшие в порядке «естественной природы» условий, во всех случаях противоречия отдавать преимущество «миру благодатному». Христианство в этом заключается, что ищет мира среди условий войны [22. С. 406].

Но ... природа непобедима, а церковь вечно усиливается, чтобы победить: вот условие борьбы нового в христианстве. «Героизм» не исчез, и «великое» не исчезло в христианстве, но так переродилось и получило настолько новый вид, что действительно стало неузнаваемым [23. С. 406].

Очень популярной стала идея о «Христе без Церкви», которого В. Розанов называет «слезами человечества».

Но люди забывают, что «Церковь пронесла Христа от края до края земли, пронесла как бога, без колебаний даже до истребления спорящих» [24. С. 445].

Можно сделать вывод, что суждения В. Розанова часто очень парадоксальны логически, но эмоционально он был со своим народом, с его болью, с трагедиями начала XX века, и его последние годы жизни также оказались трагичны. Это даже подтверждает тирада Н. Бердяева в последнем для В. Розанова в 1919 году: «Вы, Василий Васильевич, – баба, настоящая русская баба, даже баба мистическая, вечная. Спору нет – Вы талантливы, но ваша талантливость бабья, слышите, бабья. Вы – гениальный представитель той бабьей, рабьей России, которой я объявляю войну. Вы – легкомысленны, вы влюбчивы, вы блудливы, вы обожаете силу, вы пресмыкаетесь перед властью» [25. С. 360-361].

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 190 с.
2. Соловьев, В.С. Философия искусства и литературная критика / В. С. Соловьев. – М.: Искусство, 1991. – 702 с.
3. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 190 с.
4. Розанов, В. В. Религия и культура / В. В. Розанов. – М.: Правда, 1990. – 337 с.
5. Розанов, В. В. Русская церковь. В 2 т. Т. 1. / В. В. Розанов. – М., 1990. – 358 с.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Розанов, В. В. Л. Н. Толстой и Русская Церковь. В 2 т. Т. 1. / В. В. Розанов – М., 1990. – 639с.
11. Там же.
12. Там же.
13. Розанов, В. В. Несовместимые контрасты жития / В. В. Розанов. – М., 1990. – 605с.
14. Розанов, В. В. Люди лунного света. В 2т. Т. 1. / В. В. Розанов. – М., 1990. – 298 с.
15. Там же.
16. Розанов, В. В. Опавшие листья. Короб первый. В 2т. Т. 1. / В. В. Розанов. – М., 1990. – 610 с.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Розанов, В. В. Уединенное. В 2т. Т. 1. / В. В. Розанов. – М., 1990. – 427с.
21. Розанов, В. В. Опавшие листья. Короб второй. В 2т. Т. 2. / В. В. Розанов. – М., 1990. – 765с.
22. Розанов, В. В. Опавшие листья. Короб первый. В 2т. Т. 1. / В. В. Розанов.–М. 1990.– 610 с.
23. Там же.
24. Там же.
25. Эрн, В. Ф. Меч и крест. Полет Валькирий. / В. Ф. Эрн. – М., 1991. – 585с.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 353:07

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет.
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Связи с общественностью»
О. Н. Аксенова.
Россия, г. Воронеж, тел. (473)276-40-09;
e-mail: aksenova.on@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil
Engineering.
PhD in History, Associate,
Professor of public relations
O. N. Aksenova.
Russia, Voronezh, tel. (473)276 40 09;
e-mail: aksenova.on@mail.ru*

О. Н. Аксенова

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛИСТИКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются особенности развития Интернет-журналистики в целом, ее становление как самостоятельного вида журналистики, выявление особенностей этого нового вида СМИ, а также своеобразие региональной Интернет-журналистики на примере виртуальных СМИ Воронежской области.

Ключевые слова: интернет-журналистика, интернет-СМИ, конвергентная редакция, оперативность, интерактивность, гипертекстуальность.

O. N. Aksenova

REGIONAL INTERNET JOURNALISM: CURRENT STATUS AND PROSPECTS

The article discusses the features of the development of online journalism in general, its formation as an independent type of journalism, identifying features of this new type of media, as well as regional distinctiveness of Internet journalism as an example of virtual media Voronezh.

Key words: Internet journalism, online media, converged Editorial, efficiency, interactivity, hypertextuality.

Стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий вызвало серьезные трансформации во всех сферах современного общества. Ученые считают, что «количественные изменения в сфере информации привели к возникновению качественно нового типа социального устройства – информационного общества» [1. С. 14] Появление и развитие кабельного и спутникового телевидения, персональных компьютеров, Интернета и мобильной телефонии создало условия для распространения журналистского контента в невиданных прежде масштабах и с беспрецедентной скоростью.

С развитием глобальной сети и доступа к ней, Интернет занял особое место среди средств массовой информации. Если еще десятилетие назад всемирную паутину рассматривали и вовсе только, как источник информации, то сегодня мы можем констатировать факт рождения нового вида СМИ - сетевых медиа, средой распространения которых стала компьютерная сеть Интернет. С каждым годом, а в последнее время и с каждым месяцем, количество сетевых изданий увеличивается в сотни раз. О растущей популярности интернет-изданий говорит и то, что в списке лидирующих медиаресурсов Воронежской области за II квартал 2013 года находятся информационное агентство «РИА

Воронеж» и интернет ресурс 360n.ru, интернет портал Мое-online.ru и агентство бизнес-информации «Абирег» [2].

Журналистика в информационном обществе переживает процесс дигитализации СМИ, то есть перевода на цифровую основу. Уже сегодня Интернет объединил на своей площадке все виды традиционных СМИ. Практически все газеты имеют Интернет-версию, телевидение выкладывает на своих Интернет-порталах программы, радио вещает онлайн во всемирной паутине. Происходит объединение СМИ через компьютер, который дает возможность получать информацию из самых разных источников, объединяет новые и традиционные СМИ в единое целое. В России создание «информационного общества» стало задачей государственного масштаба, причем в основу этого процесса поставлен именно Интернет, его развитие не только в центре и крупных городах, но и в регионах.

Структурные изменения, происходящие в последние десятилетия в СМИ и медиаиндустрии, основываются на изменениях в технологической сфере. Речь идет о конвергенции – сближение, слияние на цифровой основе различных медийных платформ, типов СМИ. К тому же растет вовлеченность аудитории в процесс производства и медиации контента. Современный пользователь – просьюмер - (от – производитель (producer) и потребитель (consumer) одновременно. Конвергентное СМИ не имеет ни выходных, ни перерывов на обед. Самая правильная модель вещания – круглосуточно. Такая периодичность подразумевает и особую организацию жизнедеятельности редакции.

Конвергентная редакция (объединенная редакция) - одна из перспективных моделей развития медиа. Выделяют три типа конвергентных редакций.

Мультимедийная редакция - это редакция, в которой ключевым является наличие специально подготовленных редакторов для каждого технологического пласта издательства. Здесь имеются в виду отдельные редакционные единицы, которые работают одновременно для печатной и онлайн версий издания.

Интегрированная редакция - это редакция, в которой объединяются все новостные потоки, проходящие на основных технологических пластах издательства. Это происходит на уровне планирования и производства, обеспечивающего контент, содержащий все информационные каналы. В такой редакции нет одного работника, ответственного за определенный информационный канал. Ответственность за освещение новостей на печатных и цифровых пластах издательства лежит на плечах редактора определенного тематического отдела.

Кросс-медийная редакция - это редакция, в которой рабочий процесс происходит по принципу взаимного обмена информацией. Сюда относится создание, обработка и распространение контента, которые производятся сразу для всех технологических пластов издательства. В такой редакции работники различных тематических отделов создают контент и для печатной, и для онлайн версии издания. Это позволяет обеспечивать видео- и аудио-материалами веб-сайт.

Отметим, что интернет-изданием (интернет-СМИ) может считаться не любой сайт: статус СМИ приобретает только после его добровольной регистрации.

Традиционные печатные и эфирные СМИ обычно имеют свои интернет-страницы, иногда полностью повторяющие содержание офлайновых выпусков, иногда содержащие только анонсы статей и/или тексты прошлых номеров, иногда имеющие дополнительный контент.

Основными особенностями Интернет-журналистики, которые отличают ее от традиционной и дают ей право называться новым, самостоятельным видом являются оперативность, интерактивность и гипертекстуальность.

Оперативность, характерная для Интернет-СМИ, в корне изменила работу журналиста. Сегодня с момента, когда произошло событие, и до момента, когда информация о нем появилась на странице новостного сайта, проходит всего несколько минут. Такую скорость с минимумом затрат могут позволить только Интернет-издания. При этом крайне важно

первым сообщить в сети о важном событии. Скорость позволяет увеличить посещаемость ресурса, а значит, и рейтинг издания. Эта особенность Интернет-изданий существенно трансформирует работу корреспондента. Нередко для журналиста, работающего в таком СМИ, отсутствует понятие рабочего стола. Тексты создаются, а фотографии обрабатываются в любых, самых экстремальных, условиях. Федеральные Интернет-ресурсы – такие, как РИА «Новости», Интерфакс, ИТАР-ТАСС, Лента.ру, сегодня работают круглосуточно, без выходных и публикуют свежие новости каждые несколько минут. Региональная журналистика в этом не отстает от федеральной. В Воронежской области сегодня существуют Интернет-ресурсы, которые обновляются 7 дней в неделю и 24 часа в сутки.

Интерактивность существенно изменила систему взаимодействия «редакция – читатель». В виртуальных СМИ читатели общаются между собой, с редакцией, участвуют в создании контента. Журналисты включены в общение с аудиторией и с отдельно взятыми пользователями новостного ресурса. Интерактивность была присуща СМИ всегда. Так, например, в советской периодике традиционной была рубрика «письма в редакцию», что правомерно рассматривать как проявление газетной интерактивности. Звонки зрителей и слушателей на радио- и теле-эфире – также примеры интерактивности. Но только в Интернет-журналистике интерактивность развилась и стала главной особенностью нового вида СМИ. В Воронежских Интернет-ресурсах интерактивное общение с аудиторией используется не менее активно, чем в федеральных.

Так, на сайте онлайн-газеты МоЁ! новостные заметки сопровождаются 100-400 комментариями читателей, что говорит об активности читателей данного портала. Возможность комментировать журналистские тексты есть в большинстве региональных Интернет-ресурсов, например, такое право своим читателям дают «Время Воронежа», «ИА Воронеж-Медиа» и т.д. Рубрика «народные новости», присутствующая на воронежском онлайн ресурсе Моё!, еще раз подтверждает наше мнение о том, что интерактивность в региональной Интернет-журналистике развивается. Причем принадлежность портала к небольшой по площади территории – Воронежской области – не только не мешает развитию интерактивности, но помогает. Проблемы, освещаемые региональными журналистами, ближе к читателю, а потому вызывают более живой интерес.

Создатели медийных сайтов достаточно активно используют аутсорсинг интерактивного общения, т.е. перенос на другие интернет-площадки обсуждение материалов, проблем, да и просто разговоров пользователей с журналистами или между собой. Как правило, это происходит на блог-хостинга или в соцсетях (LiveJournal, Facebook, Twitter и других).

Если понимать интерактивность шире – не только как разные способы общения с аудиторией, но и как предоставление различных потребительских услуг, то необходимо отметить адаптивную функцию интерактивности. Она заключается в том, что каждый отдельный потребитель может с помощью встроенного программного обеспечения адаптировать сайт под свой собственный вкус, отключить некоторые настройки, запросить интересующий его контент. Однако пока такую адаптивную интерактивность применяют лишь некоторые федеральные интернет-СМИ.

Гипертекстуальность изменяет привычное книжное восприятие текста, и поэтому он перестает быть линейным. Кроме того, множественность авторов всех составляющих гипертекста в итоге обезличивает автора исходной статьи. В Интернет-журналистике гипертекстуальность используется прежде всего для того, чтобы дополнить текст. Автор к своему материалу добавляет гиперссылки, отправляющие читателя к другим статьям, которые, например, могут уточнить описываемое в исходной статье событие или рассказать его предысторию. Также гиперссылки в Интернет-журналистике используются для соблюдения авторского права. Если журналист копирует в свой материал какие-либо данные из другого Интернет-источника, то он должен гиперссылкой указать, откуда он заимствовал данную информацию.

С приходом в систему медиа виртуальных СМИ в корне меняются профессиональные требования как к журналисту, так и к оборудованию редакции, обновляется и ее состав. В редакции Интернет-издания уже сегодня востребованы такие должности, как режиссер, «общатель» [3] (термин В. В. Гатова, вице-президента Гильдии издателей РФ, члена правления The World Association of Newspapers and News Publishers (WANIFRA), пожалуй, аналитик рынка СМИ), торговец контентом, организатор социальной активности. В Интернет-СМИ в обязанности режиссера входит рациональное размещение материалов на странице сайта. Роль «общателя» – поддерживать живой диалог с аудиторией ресурса, возбуждать дискуссию. Торговцы контентом – это специалисты, которые, говоря телевизионным языком, будут продавать прайм-тайм в Интернете, то есть рекламу рядом с наиболее интересными материалами. Организатор социальной активности должен отслеживать зарегистрированных на сайте читателей и отправлять на их почту сообщения с какой-либо информацией, оповещением и т.п. Все эти специальности необходимы крупному Интернет-изданию, но в региональной виртуальной журналистике такие должности в редакциях на современном этапе отсутствуют. Это происходит, прежде всего, потому, что объем обрабатываемой информации и состав редакции в региональных редакциях в десятки, а то и сотни раз меньше, чем в федеральных.

Интернет, как самая «быстрая» среда коммуникации из когда-либо существовавших, с точки зрения как ее роста, так и способности распространять информацию, сломал традиционные представления не только о способах передачи контента аудитории, но и об источниках и инструментах получения журналистами информации. «Сами журналисты признают трансформацию своей профессии, расширение ее границ, что вызвано объективными факторами: кардинальным ускорением передачи информации, беспрецедентным в истории увеличением объемов информации, появлением новых носителей информации, доступностью информации для максимально широкой аудитории и т.д.» [4. С. 316]

Интернет расширил инструментарий журналиста, снабдив его не только принципиально новыми возможностями поиска информации и неограниченным спектром источников информации, но и принципиально новыми инструментами для профессиональной коммуникации и интерактивного общения с аудиторией. Появилась такое явление как блогерство. Оно не идентично понятию Интернет-журналистика, но близко и дополняет его. Блогерство дает журналисту возможность показать свою личность, высказать свое мнение и эмоции. В свою очередь журналистика, профессиональные журналистские тексты – это бесконечные поводы для обсуждения в блогерских постах, возможность узнавать экспертные мнения. Блогерство активно развивается, пользователей социальной сети «Живой Журнал» становится все больше, а значит, у людей есть необходимость в таком виртуальном выражении мнений и чувств. Исходя из последних тенденций, мы предположили, что блогерство вольется в журналистику и станет одним из ярких проявлений интерактивности в Интернет-СМИ, как это уже и происходит. Идя в ногу со временем и учитывая требования аудитории, сегодня некоторые интернет-СМИ уже дают своим читателям возможность вести блоги на новостном сайте. Так читатель участвует в создании средства массовой информации. Он, как автор блога, имеет возможность полемизировать с такими же, как он сам, читателями новостного Интернет-СМИ, обсуждать проблемы, которые он сам поднимает в постах собственного блога. Блоги активно используются в федеральных Интернет-СМИ, но пока остаются редкостью в региональных Интернет-медиа. В Воронежской области блогерство развивается на сайте «Агентства бизнес информации Абирег», на сайте «Блог Воронеж».

Первые интернет-журналисты, пришедшие либо из традиционных СМИ либо «с улицы», не задумывались о том, как писать свои произведения для нового канала. В основном использовались проверенные временем схемы и жанры – заметки, репортажи, интервью. Этот факт был обусловлен в том числе и экономическими причинами – в начале

своего существования медийные сайты не представляли коммерческого интереса для своих создателей, поэтому качеству контента не придавалось особого значения. Сегодня ситуация изменилась. Интернет-издания популярны, имеют значительную аудиторию пользователей. Они стали рекламно привлекательной площадкой. Новые реалии повлияли на привычные для журналистов классические жанры. Журналисты пишут для Интернет-СМИ информационные заметки, применяя, как и в офлайне, принцип «перевернутой пирамиды». Привлекая внимание читателя с помощью акцентирования на главном в самом начале текста, она учитывает требования к новости и в онлайне, когда главная цель – «захватить» читателя, сразу предъявить ему самую важную информацию и одновременно сэкономить его время.

Благодаря онлайн-природе канала вторую жизнь обрел репортаж. Возможность быстрой публикации, а также ее частого обновления наполнила этот жанр новым смыслом. Теперь вести репортаж, используя для передачи смыслов разные медийные платформы, можно буквально параллельно событию, вживую, достигая реального эффекта присутствия.

Уникальное свойство Интернета передавать информацию с помощью разных медийных платформ и в разных конфигурациях, стало предпосылкой для возникновения новых журналистских жанров, в которых для передачи информации используются разные знаковые системы. В журналистском материале для Интернет-СМИ в разных сочетаниях могут быть использованы все семь медийных платформ – вербальный текст, графика, инфографика, видео, аудио, анимация, фотография. Конфигурации этих платформ могут варьироваться от мономедийных, когда для донесения смыслов используется одна медийная платформа (например, только слова или только фотографии), до мультимедийных сочетаний. Анализируя Интернет-СМИ Воронежской области мы выделили следующие основные жанры, используемые конвергентными редакциями. Статистическая иллюстрация в интернет-СМИ выполняет практически те же функции, что и любая фотоиллюстрация в традиционном, - отражает суть происходящего, расширяет информацию, помогает выстроить визуальный ряд. Фотоленты, фоторепортажи, фотогалереи в одних случаях представляют фотоподборку, построенную по классическим канонам фоторепортажа, в котором события развиваются последовательно. Также это может быть и микс разных иллюстраций, относящихся к общей теме. В этом жанре по-разному организована навигация: пользователю предлагают листать картинку за картинкой, а иногда и выбирать понравившуюся. Одним из популярных вариантов фотогалерей в региональных Интернет-СМИ является подборка «Фото дня» или «Фото недели».

Одним из самых популярных медийных жанров становится инфографика. Она способна быстро, четко и в одном окне представить сложный рассказ о событии, предложить несколько уровней «погружения» в материал, а в некоторых случаях воссоздать почти документальную картину.

Стремительно развитие информационных и коммуникационных технологий способствовало кардинальным изменениям не только с точки зрения функционирования СМИ, распространения информации, трансформации профессии журналиста. Изменения, произошедшие с читателем, вышедшим в сеть, одни из самых значительных в виртуальных медиа. Если журналист, как и в традиционных СМИ, остался, прежде всего, производителем текста, поставщиком информации, то читатель перестал быть только ее потребителем. В этом главную роль сыграло такое отличие Интернет-медиа, как интерактивность. Если раньше речь журналиста была монологом, то теперь это активный диалог с читателем, причем, что важно, диалог на равных.

В зависимости от степени активности пользователя в виртуальном СМИ выделяют 5 видов читателей: читатель, комментатор, тролль, народный корреспондент, блогер [5. С. 12]. Читатель - активно участвует в процессе творчества и обладает «параллельным восприятием», высказываясь по различным темам в разных чатах и гостевых книгах. Комментатор - читатель, который реагирует на ту или иную новость, событие или новую запись в блоге, высказывает свое мнение. Тролль - интернет-хулиган, который размещает грубые или провокационные

сообщения в Интернете, например, в дискуссионных форумах, мешает обсуждению или оскорбляет его участников. Народный корреспондент - любой посетитель интернет – издания может делиться впечатлениями, сообщать об интересных событиях, присылать фотографии. Блогер - автор блога, фундаментальное понятие блогосферы. Вместо знаменитых людей-блогеров их блоги могут вести специально нанятые люди.

В региональной, как и в федеральной Интернет-журналистике, присутствуют все 5 видов читателей, причем читатели – «народные корреспонденты» наиболее характерны для региональных СМИ, так как медиа-ресурсы субъекта ближе к конкретному читателю и сообщают о более близких конкретному населению проблемах, чем федеральные, тем самым вызывая у аудитории желание принять участие в освещении этих проблем.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что региональная интернет-журналистика развивается. В современных условиях региональные СМИ проводят собственную медиapolитику. Реализуются различные медиа-проекты, совершенствуется инфраструктура, растет интенсивность коммуникативных процессов, внедряются новые информационно-коммуникативные технологии.

Библиографический список

1. **Уэбстер, Ф.** Теории информационного общества / Ф. Уэбстер – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400с.
2. Исследование подготовлено компанией «Медialogия», которая проанализировала медиарейтинг СМИ Воронежской области с учетом Индекса Цитируемости. Рейтинг составлялся на основе базы СМИ системы «Медialogия», включающей более 13 тысяч влиятельных источников. Исследование охватило период с 1 апреля по 30 июня текущего года.
Составлен рейтинг воронежских СМИ за 2 квартал 2013 года. – Режим доступа: <http://www.volzsky.ru/word/sostavlen-ryayting-voronezhskih-smi-za-2-kvartal-2013-goda/>
3. **Труженики мышки и клавиатуры.** – режим доступа: http://www.sovetnik.ru/press/2010/08/02/press_25153.html
4. **Интернет-СМИ:** Теория и практика: учеб. пособие/ под ред. М.М. Лукиной. – М. – Аспект Пресс, 2010. – 348 с.
5. **Экгардт, Л.В.** Региональная интернет-журналистика: современное состояние и перспективы развития (на материале контент-анализа тверских интернет-ресурсов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Любовь Владимировна Экгардт. – Тверь, 2012. – 18 с.

УДК- 970

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат политических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
А. В. Гармонова .
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-58-54;
e-mail: garmonova2006@rambler.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
PhD of Political sciences, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
A. V. Garmonova
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-58-54;
e-mail: garmonova2006@rambler.ru

А. В. Гармонова

ГОРОД - ГРАЖДАНСКАЯ СРЕДА И НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР

В статье рассматривается эволюция понятия «город», его институционализация, теории возникновения и развития городов. Взаимоотношение города и горожан, развитие городских сообществ и возникновение гражданского общества.

Ключевые слова: город, социология города, урбанистика, городские сообщества, архитектура, гражданское общество, общественный договор.

A.V. GARMONOVA

CITY - CIVIL ENVIRONMENT AND NEW SOCIAL CONTRACT

The article describes the evolution of the concept of "city", its institutionalization, and the theory of urban development. The relationship of the city and its citizens, the development of urban communities and the emergence of civil society.

Keywords: city, urban sociology, urban studies, urban communities, architecture, civil society, the social contract

Социологические исследования города стали популярны в нашей стране не так давно. Тем не менее, опираясь на ранее существующие классические подходы, они приобрели некий новый тренд, окрашенный, безусловно, политическими реалиями режимов, что сделали их в некотором смысле уникальными.

Город, как объект изучения представляет собой ту единственную площадку, которая мирит представителей социальных и технических наук, воплощая в архитектурных и пространственных решениях жизнь городских сообществ.

В данной статье будет предпринята попытка начать разговор о том, какие отношения выстраиваются с городом у человека, существуют ли в этом процессе посредники и насколько они, эти отношения институциональны?

Изучением понятия «город» начинали заниматься классики социологии. М. Вебер определяет город, как «..замкнутое (во всяком случае, относительно) поселение, «населенный пункт», а не одно или несколько отдельно расположенных жилищ. В городах... дома тесно примыкают друг к другу... С социологической точки зрения этот признак города характеризует его как населенный пункт, следовательно, поселение в тесно соприкасающихся друг с другом домах настолько велико, что в нем отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство друг с другом» [1. С. 24]ⁱ

Г. Зиммель, занимаясь исследованием социального пространства для жизни сообщества, отмечал, что все формы человеческой деятельности, происходящие в обществе, не могут избежать внешних влияний. Более того, он сравнивает и анализирует социальную и историческую природу двух городов: Флоренции и Венеции, приходя к выводу, что Флоренция - живой город, выражающий внутренний смысл деятельности горожан, а Венеция - искусственное образование, всего лишь маска, фасад [2].

В отношении изучения социального пространства и архитектуры городов, имеют важное значение исследования М. Фуко. Он анализировал способы влияния власти, такие как надзор и контроль через специфические архитектурные формы исправительных учреждений, солдатских казарм, школ и больниц: «пространственная стыковка иерархизированных надзоров использовалась в построении городов, при строительстве рабочих поселений, больниц, приютов, домов умалишенных, тюрем и воспитательных домов. Тут развивается целая проблематика: проблематика архитектуры, которая создается отныне не просто для того, чтобы предстать взору (пышность дворцов), не для обеспечения обзора внешнего пространства (геометрия крепостей), а ради осуществления внутреннего упорядоченного и детального контроля, ради того, чтобы сделать видимыми находящиеся внутри. Словом, архитектура теперь призвана быть инструментом преобразования индивидов: воздействовать на тех, кто в ней находится, управлять их поведением, доводить до них проявления власти, делать их доступными для познания, изменять их. Камни могут делать людей послушными и знающими» [3. С. 250].

Продолжая идею М. Фуко, Э. Гидденс идет дальше и приходит к выводу, что города в целом и отдельные кварталы отражают борьбу социальных групп, являясь летописью городских конфликтов, например, как не просто перестроенные, а получившие совершенно иное социальное значение лондонские доки [4. С. 408].

Исследования Ж. Бодрийера посвящены развитию коммуникационного пространства городов, а также функциональному смыслу архитектуры: «..архитектура - это не то, что наполняет пространство, а то, что его создает. Массы завладевают объектом архитектуры по-своему, и если архитектор сам не смог отклониться от программы, потребители возьмут на себя право использовать объект для целей, изначально не предусмотренных, но на которые его не хватило. Это иная форма радикальности - непредусмотренная» [5].

Бодрийер, одним из первых обращает внимание на архитектуру как способ идентификации горожан и социальных городских групп, считает, что современным национальным и этническим группам в современном городе не нужна архитектурная, пространственная идентичность. Для того, чтобы выходить на гражданские митинги не нужен гайд- парк, а для того, чтобы совершать намаз не нужна мечеть и т.д.). отрицание внешней идентичности размывает границы и делает миграционные процессы более легкими. Тем не менее, пока идентичность не оформилась физически, мы считаем, что ее просто нет.

В этом смысле с ним солидарен У.Эко, подчеркивающий, что архитектура «соозначивает ту или иную идеологию проживания, и, следовательно, убеждая в чем-то, она тем самым открывается интерпретирующему прочтению, расширяющему ее информационные возможности» [6. С. 320].

В исследование городской идентичности внесли во второй половине XX века свою лепту не только социологи, но историки и политологи. Так, исследование Блэра А. Рубла и его концепция прагматического плюрализма пытается найти ответ на вопрос, как строилась стратегия больших городов в отношении социальных, национальных и политических групп. Рубл утверждает, что около столетия назад в мире появилась новая урбанистическая форма – промышленный город - гигант. Именно в городах - метрополисах разрушались традиционные политические и культурные институты традиционных городов, более того, индустриализация коренным образом изменила архитектурный образ городов. Результатом стало многообразие. Согласно утверждению П. Холла обитатели больших городов

совершенно различны по происхождению, расе, вероисповеданию, социальному положению и богатству. В связи с этим складывалась новая философия городского плюрализма, приводящая к рассредоточению власти и появлению большего количества формальных и неформальных организаций. В работах Д. Хэммака [7. Р. 41], посвященных изучению роли власти в американских городах, он убедительно доказывает, что власть становится понятием, связанным с разносторонними, иногда мимолетными интересами различных групп, которые образуют коалиции и формируют повестку дня города на определенный период. В терминах А. Аузана – это определенная форма общественного договора, по сути - ядро гражданского общества в городах.

Каким образом современные российские города и горожане встраиваются в данный процесс? На некоторые вопросы, были получены ответы в исследовании «Центра политических технологий» по заказу Комитета гражданских инициатив «Власть-элиты-общество: контуры нового общественного договора» (февраль- март 2013 г).

Данные исследования показывают, что представления об уровне развития гражданского общества отличаются, в зависимости от региона:

В Москве респонденты считают, что у людей появляется стремление к взаимопомощи в решении конкретных социальных проблем. Респонденты знают о существовании широко круга организаций гражданского общества и уверены, что протестная активность может принести положительные результаты.

В регионах Северо- Запада и Центра России чаще упоминаются местные или федеральные организации, занимающиеся проблемами экологии, борьбой против застройки, противостоянием коррупции. Политические акции оцениваются двояко: успешны только акции, посвященные локальным проблемам.

На Юге (Краснодарский край) вопрос об организациях гражданского общества не актуален. Респонденты отрицали существование подобных организаций и проведение протестных митингов и акций.

Из предложенных респондентам вариантов коллективных действий, наибольшую популярность получили действия «социальной самозащиты»: отстаивание своих интересов в сфере ЖКХ, труда и зарплаты, материального положения. По этим параметрам от 16% до 27% респондентов заявляют о готовности принять участие в коллективных действиях и от 31% до 44% полагают, что такие действия могут дать позитивный эффект.

На втором месте – неполитическая деятельность гражданского общества. В наибольшей степени выражается готовность к благотворительности (24%), далее следуют различные виды досуговой или иной деятельности по интересам.

Менее привлекательны действия политического протеста, однако показатели в 11% готовности быть наблюдателями на выборах, протестовать против их нечестных результатов (4%) или других действий властей (6%) достаточно высоки сами по себе и, несомненно, являются прямым эффектом митинговой активности прошлого года и легитимности подобных протестов в глазах части общества [8].

Таким образом, можно констатировать, что в современных Российских городах в зависимости от региона, начинает складываться новый городской общественный договор и в этой связи необходимо поднять вопрос о территориальной: региональной или городской идентичности. Можно предположить, что подобная идентичность, особенно городская связана, в первую очередь с типом общественного договора, во- вторых с геометрией и архитектурой пространства, в третьих, с социальным (гражданским) окружением.

Понятие идентичности - одна из базовых тем социологии, где речь обычно идет о социальном чувстве индивидуума, которое заставляет его ассоциировать себя с некоей социальной группой на том основании, что у них есть общие интересы и признаки (или индивидууму кажется, что так и есть на самом деле). Это может быть разовая или этническая группа, профессиональная или имущественная, классовая или образовательная. Все вместе они образуют сложный и порою противоречивый комплекс, который во многом

предопределяет или объясняет поведение конкретного человека в социуме. В этом же ряду находится и региональная (территориальная) идентичность – солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории в данный момент или в прошлом. Такая идентичность выражается обычно в причислении себя к жителям определенной местности, района, города, его части и т. п. территориальной единицы [9. С. 87].

А. Филиппов считает, что городская идентичность – «пространство» представляет собой социальную и научную метафору, впрочем, порой весьма наглядную – скажем, в случае с престижными и не престижными районами в городе, размещением кабинетов начальников и подчиненных в организации и т. п. Во всех таких случаях различие социальных позиций выражается в различии локализаций, т. е. может действительно созерцаться как пространственная форма...» [10. С. 89-120].

Зачастую, региональная идентичность для социологов выглядит значительно бледнее, чем этническая. Можно говорить только лишь о совпадении, но необходимо понимать их разную природу. Тем не менее, региональная идентичность действительно вступает в непростые отношения с идентичностями другого рода. Понятно, что следуя классическим взглядам на предмет, исходя из региональной, районной привязанности, горожане зачастую строили свою повседневную жизнь по принципу: работа, образование, досуг и т.д. Но, в связи с развитием городских коммуникаций, барьеры преодолеваются и городские, районные сообщества распадаются. Наиболее ярко данная ситуация выражена в городах современной России, где нет локализованного заселения. Даже, наиболее серьезный аргумент в пользу данного разделения - стоимость жилья, работает только в отношении элитных пригородных поселков, в основном же, новая элитная застройка российских городов соседствует со старым, даже аварийным жильем.

Тем не менее, миграционные процессы необратимы, но необходимо понимать, что просто перемещение из одной географической точки в другую не решает вопрос смены идентичности, даже региональной. Если мы говорим о региональной идентичности, как о символе места с заданными особенностями физического объекта: ландшафтом, архитектурой и т.д., как об определенном образе жизни, то мы часто становимся свидетелями того, что очень непросто происходит смена привычек. Ученые отмечают, что именно в «диаспоре», на новом месте жительства очень ярко проявляется прирожденная региональная идентичность, которая легко вступает в конфликт с благоприобретенной. «Никто не обладает лишь одной идентичностью. Адаптация местного населения не успевает за темпами прироста «инокультурного населения», возникает конфликт. Задача - обеспечить развитие в русле диалога. Полиэтничность - путь формирования толерантности, гражданского общества» [11. С. 21].

Выдвижение на первый план этнической идентичности связано с межнациональными конфликтами последних десятилетий. Э. Паин обращает внимание на усиление «горизонтальных конфликтов» - столкновение этнического большинства с меньшинствами; местного населения с пришлыми; одних мигрантских групп с другими — отмечались за период 2004-2012 годов во всех субъектах Федерации, чаще всего в краях и областях с преобладанием русского населения. По данным аналитического центра "Сова", насильственные действия, по причине этнических или расистских предубеждений в отношении меньшинств, преимущественно из числа мигрантов, ежегодно отмечаются более чем в 40 регионах страны (в 2010 году проявились в 49 регионах). Чаще всего — в крупнейших городах. На Москву и Московскую область в разные годы приходилось от 33 до 42 процентов всех преступлений на этой почве, на Санкт-Петербург и область — 11-15 процентов [12. С. 20].

События последних трех - четырех лет наглядно продемонстрировали, что современный российский городской житель не воспринимает административную толерантность, которую с помощью разнообразных программ и проектов пытается привить населению российская власть, а наоборот усиленно ее отторгает. Развитие толерантности

приносит плоды только тогда, когда существуют политико-правовые условия для реализации этих программ Исследования Левада-центра показывают, что существует зависимость усиления неприятия приезжих от незащищенности горожан перед произволом бюрократии.

Знаменательно, что городские протесты 2011-2012 г.г были окрашены и в националистический оттенок: националисты перешли на сторону оппозиции. Это не случайно, «после этнического конфликта в Кондопоге (2006 год) власти заговорили о необходимости "обеспечения преимуществ коренному населению"; после войны с Грузией (2008 год) — заявили о введении процентных квот для проживания иностранцев. После событий на Манежной на Госсовете 27 декабря 2010 года речь зашла не только об ограничении въезда в Россию граждан других стран, но и об ограничении регистрации внутренних мигрантов — российских граждан, переезжающих из одного региона своей страны в другой. Националисты сегодня требуют не только ограничения въезда "чуждых" национальных групп в Москву и другие крупнейшие города, но и депортации ранее прибывших. А как на это ответят этнические меньшинства?» [13. С. 21].

Ответ возможен неоднозначный, эксперты считают, что этническая мобилизация может смениться религиозной.

Барьер способно выставить демократическое правовое государство, контролируемое гражданским обществом и опирающееся на него, а, возможно и новая региональная (городская) идентичность. Именно такая идентичность обладает возможностью объединить людей, она основана на восприятии нового места проживания, как «второй» Родины. Воспринимая символический, архитектурный контекст нового места, нового города, ощущая к нему социальную привязанность, новый горожанин создает своеобразный вернакулярный район - значит обыденный. Такого рода районы формируются почти стихийно, по наитию, созданными самими жителями. Подобного рода объединения, с одной стороны, способствуют интеграции землячеств, с другой - укрепляют существующие или создают новые городские традиции. Например, возвращаясь к ранее высказанному тезису о необходимости «гайд-парков» для гражданских площадок, городские власти не должны административным указом определять подобные места. Существует хрестоматийный пример: подходы к избирательным участкам «протаптывались» самими избирателями или только после этого, власть асфальтировала выбранные дорожки.

К сожалению, современные российские города - наследники концепции городского строительства дореволюционной России «...еще в царские времена города в России строились из совсем других побуждений, чем на Западе. Города возникали не как объединения свободных индивидуумов, а в первую очередь как административные центры политической власти. В то время как в Европе процветала поговорка: "Городской воздух делает свободным", российские города воплощали собой обитель неволи. Советский Союз остался верен этой традиции.»[14. С. 20].

Делая выводы, необходимо отметить, что город городская среда, городская архитектура, может быть не ключевой, но и не проходной фактор, влияющий на формирование национальной, этнической и гражданской идентичности. И какой тип общественного городского договора жители заключат с властью будет зависеть от обеих сторон.

Библиографический список

1. **Вильковский, М.** Социология архитектуры / М. Вильковский. – М.: Фонд «Русский авангард», 2010. – С. 24 .
2. **Зиммель, Г.** Венеция/ Г. Зиммель // Логос.- 2002- № 3–4 - (<http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zimven.html>)

3. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы /М. Фуко. - М.: «Ad Marginem», 1999.- С. 250.
4. Гидденс, Э. Социология / Гидденс Э. - М.: Эдиториал УРСС, 1999.- С. 408.
5. Бодрийяр, Ж. Архитектура. Правда или радикальность?/ Ж. Бодрийяр (<http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/20/1267451202/Bodriyar.pdf>).
6. Умберто, Э. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Э. Умберто – СПб.: Симпозиум, 2006.- С.320
7. David, C. Hammack, Power and Society: Greater New York at the Turn of the Century/ Hammack David C.- New York: Russell Sage Foundation, 1982.- P.41-42.
8. **Власть – элиты – общество: контуры нового общественного договора** (<http://komitetgi.ru/analytics/478/>).
9. Смирнягин, Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля ; Рос. ассоциация междунар. исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 2 : Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И. М. Бусыгиной. – С.87
10. Филиппов, А. Наблюдатель империи (империя как социологическая категория и социальная проблема) /А. Филиппов // Вопросы социологии. -1992.- № 1.-С.89-120
11. Столяров, А. Метафизический вызов. Какой должна быть национальная идея России?/А. Столяров // Новая газета- 2013.- 20 марта.-С.21.
12. Паин, Э. Обогнуть трещины. Как меняются в последнее двадцатилетие в России национальные настроения и межнациональные конфликты/ Э. Паин// Огонек.- 2012.- № 34.-С. 20.
13. Там же. С. 21
14. Нагородили //Огонек.-2011.- № 28- С. 20.

УДК 303.62:656.05

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью С. В. Булавина.

Аспирант кафедры экономики и основ предпринимательства Е. В. Буздин.

*Россия, г. Воронеж, тел. (473)276-40-09
e-mail: fire-fly@bk.ru*

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.

PhD of Philology, Associate Professor public relations Chair S. V. Bulavina.

Postgraduate student of the Department of Economics and enterprise principles E. V. Buzdin.

*Russia, Voronezh, tel. (473)276-40-09;
e-mail: fire-fly@bk.ru*

С. В. Булавина, Е. В. Буздин

РОЛЬ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ПРОДВИЖЕНИИ ТРАНСПОРТНО – ЛОГИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ

В статье рассматривается роль коммуникационных потоков в продвижении транспортно - логистических услуг. Авторы статьи приходят к выводу о том, что при выборе инструментов маркетинговых коммуникаций определяющими являются следующие факторы: цели коммуникации, специфика целевой аудитории и этапы взаимодействия с потребителем.

Ключевые слова: рынок транспортно - логистических услуг, целевая аудитория, конкуренция, позиционирование, рекламная активность, мониторинг.

S. V. Bulavina, E. V. Buzdin

THE ROLE OF COMMUNICATION FLOWS IN THE PROMOTION OF TRANSPORT AND LOGISTICS SERVICES

The article examines the role of communication flows in the promotion of transport and logistics services. The authors come to the conclusion that the choice of instruments of marketing communications, the following factors are important: communication objectives, specifics of the target audience and the stages of interaction with consumers.

Key words: market of transport - logistics services, target group, competition, positioning, advertising activity, monitoring.

В последние несколько лет наблюдается заметный подъем российской экономики. Это позитивно отражается на финансовом состоянии многих предприятий как промышленного производства, так и сферы услуг, и влечет за собой расширение рынка. Деловой рынок (B2B) отличается от потребительского и поэтому традиционные рекламные методы продвижения не приносят того результата, который от них ожидают. Вследствие этого предпринимаются попытки найти оптимальный комплекс маркетинговых коммуникаций на деловом рынке, в частности, на рынке транспортной логистики. Основным смыслом коммуникации – получение отправителем запланированной реакции от того, на кого она направлена. С точки зрения маркетинга, покупательское поведение охватывает всю деятельность до, в процессе и после принятия решения о покупке. Индивидуальные или организационные покупатели в процессе принятия решения делают свой выбор системно, а не случайно или наугад. Коммуникация – это сложный многокомпонентный процесс. Остановимся на основных его компонентах. Во-первых, субъекты коммуникации – это отправитель сообщения (коммуникатор) и получатель (реципиент). Во-вторых, предмет коммуникации (какое-либо явление, событие) и отображающее его сообщение. В-третьих, средства коммуникации – код, используемый для передачи информации в знаковой форме (слова, изображения, т.п.), а также каналы, по которым сообщение передается от отправителя к получателю (например, средства распространения информации, продавец и т.п.). И наконец, эффекты коммуникации, т.е. получение отправителем запланированной реакции от получателя, выраженные в изменении внутреннего состояния субъектов коммуникационного процесса, в их взаимоотношениях или действиях. Цель коммуникации – это тот результат, ради которого коммуникатор (производитель) и реципиент (потребитель) вступают во взаимодействие. Цель коммуникации является производной от целей маркетинга, которые в свою очередь представляют собой трансформированные цели организации. С каждым уровнем цели в иерархической структуре становятся все более конкретными. Если цели верхнего уровня являются долгосрочными и только задают ориентиры для дальнейшей деятельности, то цели нижних уровней уже относятся к более близкому будущему – программу продвижения обычно планируют на один год. Раньше элементы комплекса продвижения рассматривались как отдельные функции, реализуемые специалистами соответствующих отделов. Торговый персонал планировал и управлял своей деятельностью независимо от отдела рекламы, а за стимулирование сбыта и PR отвечали отдельные агентства или специалисты. В результате общие усилия по осуществлению коммуникации часто оказывались несогласованными, непоследовательными и малоэффективными.

В настоящее время все большую популярность приобретает концепция, предусматривающая разработку программ маркетинговых коммуникаций, которые координируют все виды продвижения – рекламу, личные продажи, стимулирование сбыта и PR, чтобы выйти ко всем целевым аудиториям с единым сообщением. Эта концепция называется интегрированными маркетинговыми коммуникациями (ИМК). ИМК «фокусируется на разработке маркетингового коммуникативного набора в зависимости от поведения и восприятия потребителем какой-либо торговой марки (компании) и маркетинговой

активности этой марки или компании» [1. С. 76]. В настоящее время многие специалисты-маркетологи сходятся во мнении, что за последнее десятилетие продвижение товаров и услуг усложняется и традиционные решения теряют свою эффективность. Становится очевиден кризис рекламной индустрии, вызванный созреванием рынка, увеличением объема рекламных сообщений и пресыщением потребителя. В таких условиях трудно добиться успеха, используя лишь одну составляющую комплекса продвижения – рекламу, PR или стимулирование сбыта. Интеграция позволяет добиться повышения эффективности коммуникаций, укрепления приверженности клиентов торговой марке фирмы, усиления влияния на маркетинговую коммуникационную программу и обеспечения совместимости с глобальными маркетинговыми программами. При этом роль коммуникационного воздействия актуализируется только при наличии качественного, доступного и удовлетворяющего потребности целевой аудитории продукта. А решения в области продвижения «обретают свою значимость только будучи согласованными с решениями, касающимися других составляющих комплекса маркетинга (товарной, ценовой политики и политики распределения). Все без исключения средства маркетинга являются проводниками коммуникационной политики предприятия.

Таким образом, актуализируются два направления интеграции: интеграция составляющих комплекса продвижения и интеграция комплекса продвижения с другими составляющими комплекса маркетинга, выполняющими коммуникационные функции. Тенденция к интегрированию маркетинговых коммуникаций повышает значимость комплекса продвижения - к его составляющим применяются более жесткие требования, т.к. именно средствами, образующими основные элементы комплекса продвижения, достигается нужное направление коммуникационного воздействия других составляющих комплекса маркетинга» [2. С. 112]. Основные достоинства ИМК: ИМК помогают достижению синергии за счет координации всех видов коммуникационной деятельности при формировании согласованных маркетинговых обращений, которые воспринимаются и запоминаются целевыми аудиториями. Как результат – повышение эффективности маркетинговой деятельности компании, поскольку согласованные обращения оказываются более действенными, чем независимые и нескоординированные. ИМК усиливают лояльность клиентов к торговой марке за счет концентрации усилий на долгосрочных отношениях с покупателями и другими участниками маркетингового процесса. ИМК позволяют исключить противоречия между используемыми маркетинговыми обращениями. В результате согласованность обращений содействует естественному процессу восприятия, что позволяет целевым аудиториям лучше запоминать и оценивать получаемую информацию. На специфику коммуникации в сфере B2B влияют такие факторы, как особенности процесса принятия решения о покупке и отличия делового рынка от потребительского. Так, одной из ключевых отличительных особенностей, по мнению С. Минетта, является то, что «разработка продуктов на промышленном рынке стимулируется техническим прогрессом, тогда как движущей силой развития и совершенствования продуктов на потребительском рынке является изменения тенденций моды. Поэтому, учитывая наличие столь разных рыночных стимулов, соответствующие разным рынкам, группы потенциальных и существующих потребителей по-разному воспринимают продукт и по-разному ведут себя по отношению к нему» [3. С. 93].

Причем отличия коммуникации на деловом и потребительском рынках проявляются как в содержании, так и в методах. Говоря о содержании коммуникации на деловом рынке, следует отметить, что оно должно носить сугубо рациональный, прагматичный характер. Это объясняется тем, что маркетинг на рынке B2B предполагает предоставление потребителям объективной и зачастую довольно сложной информации. Деловое сообщение призвано донести информацию, ориентированную на людей (специалистов), которые пытаются найти продукт для удовлетворения конкретной и вполне определенной потребности производственного характера, руководствуясь при этом конкретной спецификацией.

С. Минетт также говорит о том, что «содержание эффективных маркетинговых коммуникаций можно описать как инструментальное и педагогическое» [4. С. 63]. Он определяет маркетинг в сфере B2B как своего рода педагогическую деятельность, т.е. повышение образовательного уровня потенциальных покупателей в том, что касается преимуществ, которые поддаются количественному измерению и которых можно добиться с помощью конкретного продукта, т.е. деятельность, направленную на углубленное понимание потенциальными потребителями принципов действия данного продукта. Коммуникации в промышленном маркетинге представляют собой «комплекс личных и безличных коммуникаций, направленных на промышленного покупателя» [5. С. 206]. Выбор каналов коммуникации на деловом рынке, как и на любом другом, предполагает распределение выделяемых средств между основными инструментами маркетинговых коммуникаций: рекламой, стимулированием сбыта, связями с общественностью, личными продажами и прямым маркетингом. Эффективность каждого из этих инструментов зависит от того, насколько он сочетается с другими инструментами продвижения. Каждый из них «играет определенную роль в решении задачи по информированию клиента, цель которой вывести потенциального клиента из состояния, когда он ничего не знает о компании и ее продукте, и провести его через все стадии процесса принятия решения о закупке до самой закупки» [6. С. 76]. Создание одного универсального коммуникационного комплекса в маркетинге представляет определенную трудность, т.к. различные продукты и различные рынки требуют применения различных маркетинговых стратегий. Однако очевидно, что каждый инструмент маркетинговых коммуникаций играет свою роль в реализации общей стратегии и комплексное скоординированное их использование повышает общую эффективность мероприятий по продвижению.

При выборе конкретного канала необходимо руководствоваться спецификой целевой аудитории и заявлением о коммуникативных целях. Причем «эффективность различных медиаканалов будет меняться в зависимости от того, какого отклика ждут от получателя сообщения, а также на какой стадии жизненного цикла находится продукт» [7. С. 76].

Кроме того, на выбор инструментов продвижения влияет положение компании на рынке. Считается, что «для занимающих лидирующие позиции на рынке компаний наиболее эффективными являются рекламные средства продвижения, а для их последователей и обитателей ниш – стимулирование сбыта» [8. С. 99]. В исследовании, проведенном компанией «РосБизнесКонсалтинг», отмечается, что «с точки зрения мирового опыта и современных тенденций развития глобального рынка логистических услуг, Россия находится на этапе формирования и консолидации отрасли, существенно уступая западным странам как по качеству, так и по комплексности услуг, предоставляемых национальными транспортно-логистическими компаниями. Динамика российского рынка в последние 2 – 3 года определялась не столько стремлением компаний-клиентов к оптимизации бизнес-процессов за счет аутсорсинга непрофильных направлений деятельности и привлечения к управлению цепочками поставок логистических операторов, сколько ростом потребностей в транспортировке и складировании грузов в условиях оживления экономики и увеличения потребительского спроса» [9. С. 43]. Для разных типов рынков предъявляются разные требования по построению стратегии ИМК. Так, маркетинговая деятельность на деловом рынке существенно отличается от аналогичной деятельности на потребительском рынке. Основные особенности корпоративного рынка – в специфике и характере клиентов, а также процессе принятия решения о покупке. Каждая организация осуществляет закупки по-своему, как и каждая конкретная ситуация имеет свои особенности. На разных этапах этого процесса в работу включаются разные участники закупочного центра. При выборе каналов коммуникации необходимо учитывать ряд факторов, таких как специфика целевой аудитории и процесс принятия решения о покупке, цели коммуникации, стадия жизненного цикла продукта или услуги, а также конкурентную среду, стабильность и ценность компании для ее клиентов.

Сложно описать в общем виде какой-либо универсальный коммуникационный комплекс, подходящий для всех без исключения деловых рынков, т.к. различные продукты и различные рынки требуют применения различных маркетинговых стратегий. Поэтому наше внимание было сконцентрировано лишь на одном из них – рынке транспортной логистики. При этом в качестве примера рассматривался сегмент автоперевозок сборных грузов по территории РФ в условиях выхода компании на новые географические рынки сбыта. Перед нами стояла задача выявления оптимального комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций для продвижения на рынке транспортно-логистических услуг. Проанализировав все особенности рыночной ситуации, специфику продукта и целевой аудитории, действия конкурентов, а также сильные и слабые стороны транспортно – логистической компании «Х», была рассмотрена концепция позиционирования. Данное позиционирование удовлетворяет важные потребительские мотивы. Основной мотив – мотив технологии: внимание к скорости доставки и ее качеству (сохранность грузов, страхование, дополнительное страхование, SMS-сообщения и др.). Среди остальных: мотив стратегии – внимательное отношение компании к каждому клиенту, положительная репутация компании; мотив финансов – внимание к точности оформления договоров, выставлению счетов, условиям оплаты и др.; мотив информации – предоставление клиенту всей полноты информации на всех этапах взаимодействия, квалифицированные консультации и т.д. Подача рекламных обращений должна строиться на рациональной основе, делая упор на основной мотив потребления: качество и надежность доставки + усиление рационального посыла с помощью эмоциональной компоненты. Тон рекламного сообщения: внимание, уважение, дружелюбие, партнерство и т.п. Переходя к вопросу о выборе инструментов маркетинговых коммуникаций, стоит отметить, что отличие нашего подхода к систематизации комплекса коммуникации заключается в том, что если конкуренты интуитивно пользовались теми или иными методами воздействия и взаимодействия с потребителями, то мы вводим понятие системы и стратегической обусловленности нашего комплекса тремя взаимосвязанными факторами: цели коммуникации, увязанные со спецификой целевой аудитории и этапами взаимодействия с потребителем. Так, на этапе вхождения на рынок усилия компании будут сосредоточены на целевой аудитории - 1 - нелояльные покупатели прямых конкурентов и субститутов, и новые покупатели, кто ранее не пользовался услугой. При переходе в фазу роста, добавляются еще две ЦА: существующие покупатели и бывшие покупатели. На 1 этапе («вхождение на рынок») для ЦА 1 (нелояльные покупатели прямых конкурентов и субститутов, а также те, кто ранее не пользовался услугой) были поставлены следующие цели: информирование ЦА о компании и оказываемых ею услугах, о преимуществах и потребительских выгодах, а также стимулирование пробной покупки. Стратегия ИМК заключается в комплексном использовании таких инструментов маркетинговых коммуникаций, как DM (телемаркетинг + адресная почтовая рассылка), личных продаж в сочетании с DM-мероприятиями; рекламы в печатных и электронных справочниках, в Интернете, специализированных печатных изданиях, местной прессе, на тентах собственных автомобилей, а также создание корпоративного веб-сайта и его продвижение в Интернете. Кроме этого важную роль играют и такие инструменты, как PR и SP. На 2 этапе («фаза роста») усилия компании будут сосредоточены уже на трех мишенях. Для ЦА 1 целями будет информирование о преимуществах компании и потребительских выгодах; стимулирование покупки. Стратегия ИМК: продолжение использования инструментов 1 этапа и их возможная корректировка с учетом оценки эффективности от их применения. Для ЦА 2 – существующие покупатели – целями станут: создание благоприятного имиджа компании; формирование и поддержание лояльности компании. Стратегия ИМК заключается в комплексном применении и последовательном использовании маркетинга баз данных; анкетировании клиентов (для своевременного выявления проблем и их устранения); применении личных продаж и поддержании взаимоотношений (поздравления с праздниками и т.п.). В этой ситуации на

первый план выступают такие инструменты маркетинговых коммуникаций, как SP и PR. Для ЦА 3 – бывшие покупатели – целью станет возобновление отношений с клиентами и стимулирование пользования услугами компании. Стратегия ИМК в данном случае такова: телефонный опрос клиентов (выявление причин отказа от сотрудничества с компанией), личные продажи; поддержание взаимоотношений (поздравления с праздниками и т.п.). При активной поддержке инструментами PR и SP.

Все инструменты маркетинговых коммуникаций на всех этапах продвижения компании на рынке должны использоваться в комплексе для максимизации своих сильных сторон, усиления общего коммуникативного эффекта, создания эффекта синергии и достижения максимального результата. При этом все сообщения должны быть согласованы между собой и с концепцией позиционирования и выдержаны в едином стиле (вербальном и невербальном).

Библиографический список

1. **Есипова, И.** Интегрированные маркетинговые коммуникации / И. Есипова. – Режим доступа: www.advertology.ru
2. **Арланцев, А.В.** Синергизм коммуникационного инструментария / А.В. Арланцев, Е.В. Попов // *Маркетинг в России и за рубежом*. – 2001. - № 1. – С. 110 – 117.
3. **Минетт, С.** B2B-маркетинг: разные подходы к разным типам клиентов. Полное руководство / С. Минетт. – М.: Издательский дома «Вильямс», 2004. – 215 с.
4. **Там же.**
5. **Уэбстер, Ф.** Основы промышленного маркетинга / Ф. Уэбстер. – М.: Издательский Дом Гребенникова, 337 с.
6. **Там же.**
7. **Там же.**
8. **Котлер, Ф.** Маркетинг-менеджмент / Ф. Котлер. – СПб.: Питер, 2000. – 579 с.
9. **РосБизнесКонсалтинг. Аналитический обзор:** «Российский рынок транспортно-логистических услуг». - Москва, 2006.

УДК 740

*Воронежский институт МВД России.
Кандидат психологических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных и
экономических дисциплин
С. Е. Кораблев.
Россия, Воронеж, тел. 8-960-109-22-10;
e-mail: kafedra_sgd_yandex.ru.*

*Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of the
Russian Federation. Master of Sciences (Psychology),
assistant professor of the social-humanitarian and
economic sciences chair
S. E. Korablyov.
Russia, Voronezh, tel. 8-960-109-22-10;
e-mail: kafedra_sgd_yandex.ru.*

С. Е. Кораблев

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ АНАЛИЗА ПОВЕДЕНИЯ И
МИРОВОЗРЕНИЯ ПОДРОСТКА КАК НОСИТЕЛЯ
МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ**

В статье рассматриваются психологические слагаемые поведения, жизненных ценностей носителей молодежной субкультуры. Изучение теоретических аспектов психологии подросткового возраста, молодежной и криминальной субкультуры позволит полиции эффективно выполнять свои профессиональные обязанности по предупреждению преступности.

Ключевые слова: молодежная субкультура, психология подростка, неформальные группы, общение сотрудника полиции

S. E. Korablyov

**PSYCHOLOGICAL TERMS OF BEHAVIOR AND OUTLOOK OF A TEENAGER
AS THE BEARER OF THE YOUTH SUBCULTURE**

The article deals with the psychological terms of behavior, social values carriers youth subculture. The study of the theoretical aspects of the psychology of adolescence, youth and criminal subculture will allow police to effectively carry out their professional duties to prevent crime.

Key words: youth subculture, psychology, adolescent, non-formal groups, professional communication of a police officer

Сотрудникам правоохранительных органов, педагогам, социальным работникам и другим специалистам, вовлеченным в процесс воспитательного взаимодействия с подростками, представителями юношеского поколения, важно четко представлять, что являет собой молодежная субкультура, какие психологические особенности ее носителей надо учесть, чтобы сделать эффективной свою работу по предупреждению противоправных, преступных деяний.

Очевидно, что подростки во все времена составляли особую социально-демографическую группу, обладающую определенной системой ценностей, норм поведения, вкусов, форм общения, существенно отличающейся от тех же компонентов культуры взрослых, и характеризующую жизнь молодежи примерно от 10 до 20 лет [5].

Такой значительный возрастной диапазон носителей данной субкультуры обусловлен рядом факторов: увеличением времени школьного обучения, отсутствием необходимости в трудовой занятости, акселерацией.

Сам факт существования молодежной субкультуры говорит о сложности процесса социализации — усвоения социально одобряемых норм поведения. Субкультура молодежи

оказывает неоднозначное воздействие на ее носителей. Значительная доля протеста, отчуждения, оппозиции, нигилизма в реакциях на воздействие правил мира взрослых, с одной стороны, отчуждает, отделяет часть молодежи от общей культуры, с другой — способствует восприятию, пониманию, и наконец, принятию ею общепринятых ценностей, норм, социальных ролей, ибо в споре рождается истина [1].

Субкультурная активность части молодежи (например, вовлеченность в то или иное молодежное движение) может быть обусловлена рядом факторов, субъективных и объективных по своей природе. К психологическим (субъективным) факторам этой активности следует отнести личностное развитие. Именно этот критерий служит существенным показателем, разделяющим молодое поколение на тех, кто не испытывает трудности в коммуникативном, познавательном, ценностно-ориентировочном, творческом познании мира, и на тех, для кого эти трудности являются жизненной преградой.

Первые – та часть молодежи, которая обладает развитой коммуникативной сферой, эффективно познает окружающий мир, стремится следовать системе нравственных правил, усвоенных в разнообразии жизненных ситуаций, творчески занимается преобразованием мира и, соответственно, в целом разделяет общекультурные жизненные ориентиры.

Вторые – те представители молодого поколения, кто столкнулся с трудностями в процессе освоения правил жизни общества, предпочел альтернативный вариант поведения, чаще всего идущий вразрез с мнением большинства. Зачастую такие формы поведения указанной группы молодежи как протест, оппозиция, отклонение от социально одобряемых норм обусловлены возложением ответственности за собственные проблемы на других (чаще, взрослое окружение), тех, кто «не принимает их всерьез», «недостаточно понимает», «запрещает», «достаёт нравучениями», «делится жизненным опытом» и т.п.

К объективным факторам субкультурой активности молодежи следует отнести место жительства. Город, в сравнении с сельской местностью, предоставляет молодежи большие возможности для самореализации в социальном, интеллектуальном, культурном аспектах. Движения неформалов более характерны для города, нежели для деревни, так как именно город с его обилием социальных связей дает реальную возможность выбора ценностей и форм поведения.

Другим фактором, определяющим вовлеченность молодого поколения в субкультуру является возраст. Среднестатистический пик активности приходится на 16-17 лет, а к 21-22 годам она заметно падает.

Специфика ценностных ориентаций молодежи, вовлеченной в так называемый «неформат», проявляется в определенной степени ограниченности сферой досуга: модой, музыкой, развлекательными мероприятиями, часто малосодержательным общением[3]. Молодежная субкультура носит большей частью развлекательно-рекреативный и потребительский характер. В меньшей степени в ней проявляется энергия познания, созидания и творчества. Значительная часть российской молодежи, к сожалению, соответствует общемировым тенденциям ориентации на массовую культуру, эталоны которой проникли и сознание и в образ жизни, и стали выгодной альтернативой ценностям национальной культуры. Носители ценностей массовой культуры отличаются примитивизмом в контексте эстетического мировосприятия. Другими словами, взрослое окружение с сожалением отмечает убогость и посредственность этических и эстетических предпочтений школьников, сформированных посредством Интернета, телевидения, музыки и др. Эти вкусы и ценности поддерживаются периодической печатью, современным массовым искусством, разрушающим традиционные моральные ценности и лишаящим молодежь истинных ориентиров красоты и добродетели.

Нельзя обойти вниманием значимую в контексте правоохранительной деятельности тенденцию к группированию у подростков. Данная тенденция обуславливает существование автономных молодежных образований, что соответствует особенностям психического развития личности в подростковом и юношеском возрасте. Именно в эту пору активное

стремление молодых людей к признанию их роли в обществе проявляется при недостаточно сформировавшейся социальной позиции, что находит отражение в тяге к стихийно-групповому общению. Речь идет о стремлении к самоорганизации, к утверждению своей самостоятельности, характерном для социального созревания на подростковом и юношеском этапах. Эта тенденция проявляет себя в моде на образ жизни способы коммуникации, варианты получения удовольствия, хобби, одежду, музыку и т.д. Причем нередко эти второстепенные моменты приобретают особую значимость, подкрепляя, с одной стороны, чувство мнимой самостоятельности подростка, с другой — желание протеста, порой даже неосознаваемого.

Протест (оппозиция) – одна из наиболее частых реакций в подростковом возрасте. Она характеризуется непостоянством избирательной направленностью. Чаще всего эта реакция возникает у подростка, в семье которого часто возникают конфликты, и направлена она против родителей- инициаторов сложной жизненной ситуации для себя и особенно для подростка. Протестные формы поведения возникают в ответ на обиду, ущемление самолюбия, завышенные требования, запреты или напряженные отношения с близкими.

Реакции протеста проявляются и в семье, и в школе, по отношению к учителям и отличаются степенью активности.

Пассивные реакции протеста предполагают замаскированную враждебность, недовольство, обиду в отношении представителей взрослого окружения. Именно с ним у подростка не будет прежнего психологического контакта — напротив, очевидным станет стремление избегать всяческого общения. Напротив, активный протест выражается в виде непослушания, грубости, провокационного и даже агрессивного поведения в ответ на противодействие взрослого, неправильные методы воспитания, наказания, упреки, оскорбления.

Особенностью большинства таких реакций является их непродолжительность, чаще всего их демонстрируют подростки с возбудимым типом акцентуации характера. Однако в случае психопатии или органического заболевания головного мозга реакции активного протеста могут быть интенсивными, сопровождаться возбуждением по типу «двигательной бури». Аффективно заряженный подросток способен к применению насилия, порче предметов, вербальной агрессии в отношении тех лиц, кто, по его мнению, спровоцировал кризисную ситуацию для него. Нарушение поведения сопровождается очевидными вегетативными реакциями (высокий темп дыхания, порывистая речь, двигательная активность, бурные вазомоторные реакции,

Активные реакции протеста выражаются в мести, стремлении совершать поступки назло, причинить моральный, материальный, физический вред человеку, нанесшему обиду. В этом случае подростком могут использоваться оговоры, ложь, кражи, вариации провокаций и манипуляций, вплоть до жестоких поступков (например, убийства животного, принадлежащего этому человеку). Подросток проявляет протестную реакцию в разной обстановке, и сила его реакций не соответствует раздражителю. Из-за обиды, после наказания или вследствие чрезмерных претензий родителей подросток может убежать из дома. Некоторые подростки с истерическими чертами характера стараются не убежать далеко, хотят, чтобы их заметили знакомые или родители, обратили внимание на его побег и вернули домой. Некоторые после этого требуют к себе особого внимания или стремятся вернуть прежнее отношение близких. В некоторых случаях реакция протеста закрепляется как тип поведения по отношению к взрослым вообще.

Реакция оппозиции особенно ярко проявляется в поведении подростка, когда происходит повторный брак родителей, когда в семье появляется отчим или мачеха и их дети, или если в семье рождается еще один ребенок. Вариацией протеста является ревность, причиной которой становится утрата прежнего внимания и роли в семье. Именно тогда возникает соперничество с новым членом семьи за восстановление прежней степени внимания родителей. В поведении таких подростков может быть нарочитость, бравада,

стремление шокировать всех своим поведением. Например, подростки начинают употреблять спиртное, с родителями ведут себя вызывающе, прогуливают занятия в школе, нелепым образом изменяют свою внешность и т.п.

Реакция протеста чаще всего свойственна подросткам с истерическими чертами характера, когда главной целью является привлечение внимания к собственной персоне любым способом, стремление вернуть прежнюю любовь значимых взрослых. Такие подростки могут нарочито бравировать употреблением алкоголя, особенно если родители негативно относятся к пьянству.

Вышеуказанные эксцессы поведения являются сигналами о необходимости оказания помощи со стороны взрослых. Последним нужно уметь разглядеть психологическую подоплеку поступка, со стороны подростка, который не всегда умеет выразить словами свое состояние и психологическую проблему.

Стремление к группированию со сверстниками вообще присуще подростковому возрасту, даже если оно не достигает степени крайних асоциальных проявлений. Но если «лидер» референтной группы имеет криминальные наклонности или опыт, то такая подростковая общность может превратиться в «банду», тщательно охраняющую свою территорию от подростков из других домов или таких же групп, в «борьбе» с которыми проходит вся их жизнь. Подростки начинают увлекаться силовыми видами спорта, «качаются», чтобы увеличить свою физическую силу, овладевают искусством уличного боя, придумывают какое-либо «устрашающее» название для своей группы. «Лидер» становится для них непререкаемым авторитетом, обычно он бесстрашен, всегда готов вступить с любым в драку и отстаивать свое право управлять группой с позиции силы. Группа собирается во дворе или ином месте (подвал, чердак, пустырь, стройка). В дальнейшем действия группы могут приобрести агрессивную асоциальную направленность. Спорт может быть заброшен, значительное количество времени уделяется алкоголю, наркотикам, азартным играм, сексуальным оргиям (для этого в группу вовлекаются и девочки, хотя вначале группа обычно бывает однополой).

Далеко не всегда подростки создают такую «банду» с асоциальными формами поведения. Реакция группирования может объединять подростков и по интересам – занятия спортом, какими-либо хобби. Но практика показывает, что в любой неконтролируемой родителями группе подростков рано или поздно может появиться новый участник, способный увлечь других членов группы асоциальным способом достижения удовольствий.

Этому возрасту вообще свойственна подверженность чужому влиянию, причем с большей легкостью подростки поддаются отрицательному влиянию, чем положительному, связанному в целом с общественно полезной деятельностью, трудом.

Современное массовое сознание гипертрофировало идею труда как основной формы жизнедеятельности человека. У некоторой части современной молодежи праздный отдых, досуг, заполненный развлечениями, превратились в ведущую форму жизнедеятельности, вытеснившую труд как важнейшую потребность. Важнейшей жизненной установкой стала готовность обуславливать удовлетворенность жизнью в целом от удовлетворенности досугом. В целом, по отношению к молодежной субкультуре, можно сказать об отсутствии у ее носителей избирательности в культурном поведении. Времяпрепровождение некоторых групп молодежи включает в себя стереотипные варианты досуга, реализация которых основана на групповом конформизме. Молодежная субкультура обладает своим языком, особой модой, искусством и стилем поведения. Все больше она становится неформальной культурой, носителями которой выступают неформальные подростковые группы. Молодежная субкультура во многом носит суррогатный характер – она полна искусственными заменителями реальных ценностей.

Тревогу всех, кто вовлечен в процесс воспитания молодежи, вызывает тот факт, что на первом месте среди авторитетных источников информации у молодых людей находится компьютер, на втором – телевизор. Лишь следующее место в списке занимает школа,

воспринимаемая чаще всего как среда обитания, а не место саморазвития, эффективной межличностной коммуникации. В конце списка у некоторой части молодежи оказывается семья. Свой собственный язык, сленг, погружение в неформальные молодежные объединения – все это выступает значительным препятствием на пути формирования психологического контакта между поколениями.

Сотрудникам, занимающимся профилактикой правонарушения среди несовершеннолетних важно понимать психологию молодого человека, выбравшего для себя определенный стиль поведения, жизни, соответствующий определенному неформальному объединению. Одной из возрастных закономерностей развития подростка, способствующей погружению в «субкультурный неформат» группы сверстников, является реакция протеста

Неформальные группы со своеобразной формой общения и жизни подростков, общества, группы сверстников, объединенных интересами, ценностями, симпатиями, возникают обычно не в классе, не в деловых отношениях, а наряду с ними и вне школы. Они играют важную роль в жизни, удовлетворяют информационные, эмоциональные и социальные потребности подростков: дают возможность узнать то, о чем не так просто говорить с взрослыми, обеспечивают психологический комфорт, учат выполнению социальных ролей. Для многих подростков объединение в неформальные группы и асоциальный образ жизни являются одной из форм протеста против привычного уклада жизни, опеки со стороны старших. Подростковая группа представляет собой новый специфический вид эмоциональных контактов, невозможных в семье. Неформальные группы в большинстве своем немногочисленны, объединяют подростков различного возраста, пола и социальной принадлежности и функционируют, как правило, вне контроля взрослых. Структура их зависит от многих факторов, но главным образом от устойчивости (стабильности), функциональной направленности и взаимоотношений между членами [4].

С возрастом подростковая конформность снижается, авторитарное влияние группы уменьшается, и тогда уже выбор жизненного пути зависит от личностных качеств юноши и социальной среды за пределами группы.

Взаимодействие в субкультуре чаще строится не на основе симпатий или антипатий, а на основе определенного положения, занимаемого его членами в системе. Следует подчеркнуть, что потребность в положительной оценке окружающими людьми является ведущей потребностью в подростковом возрасте. Именно поэтому подросток испытывает острую нужду в положительной оценке своей личности. Этим объясняется острота потребности в признании достойного положения подростка в группе сверстников. В этой связи становятся вполне объяснимыми факты девиантного, а то и противоправного поведения внешне вполне благополучных подростков из «хороших» семей.

В информации, представленной в средствах массовой информации, существует значительное количество эмоционально насыщенных отзывов о представителях тех или иных молодежных неформальных объединениях. В поле зрения психологически компетентного сотрудника полиции всегда должны быть носители внешних или внутренних атрибутов того или иного молодежного движения, которому присущи элементы радикализма, экстремизма и конфронтации с носителями официальной культуры. Для сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних представляется актуальным психологическое изучение образа жизни, принципов, норм, идеалов, способов коммуникации и разрешения конфликтов, внешней атрибутики представителей молодежных объединений: автостопщики, антифа, байкеры, бейс-джамперы, неонацисты, новые левые, панки, растаманы, реконструкторы, рэйверы, рэпперы, бэггеры, гопники, кроссеры, лимоновцы, любера, скинхеды, толкиенисты и др.

Диапазон оценок старшим поколением молодежных субкультур чаще всего ограничен с одной стороны настороженностью, с другой – агрессивным неприятием. В последнем случае молодежное миропонимание ассоциируется с понятием «контркультура». В глазах поколения «отцов» молодежь прямо или косвенно отвергает «традиционное»

мироощущение. Заменяет его своим «современным» способом бытия. В этой замене присутствует зерно конфликта – обоюдный намек («отцов» и «детей») на мировоззренческую и житейскую несостоятельность. Процесс социализации юношества в целом осложняется крайним обострением вышеуказанного конфликта поколений. Его выражением являются нападки взрослых на стиль поведения, образ жизни и мировоззрение молодежи, которые считаются извращенными, деструктивными, аморальными. Трудности положения подростков могут быть преодолены за счет признания и понимания взрослым поколением актуальности удовлетворения потребности молодежи в приобщении, причастности к обществу, в самоутверждении, самосовершенствовании. Другим немаловажным фактором сближения поколений должно стать рефлексивное движение навстречу друг другу, поиск т.н. точек соприкосновения и согласия. Взрослые обязаны создать условия для реального выхода подростка на серьезные дела общества, стимулировать таким образом его личностное развитие за счет предоставления возможности занять активную социальную позицию. Как и другие периоды развития индивида, подростковый и юношеский возраст можно назвать трудным и даже опасным. В этот самый период подросток может стать причиной собственных душевных переживаний, принести беспокойство в жизнь родных и учителей, незнакомых людей, сотрудников милиции. Желание отстоять свою индивидуальность в социальных коллизиях приводит к тому, что взрослыми (обывателями) поведение подростка воспринимается как амбициозное, конкурентное, вызывающее, протестное и т.п. В результате психологи, литераторы, драматурги, учителя и родители заявляют о «проблеме отцов и детей» и «конфликте поколений» как о неизменном факторе, влияющем на взаимоотношения взрослых и подростков.

Отсутствие психологической компетентности у родителей, учителей, сотрудников полицейских структур приводит к трудностям (порой непреодолимым) в общении с подростками. Фундаментальной ошибкой многих взрослых людей в общении с представителями данной возрастной категории является ортодоксальность взглядов и представлений относительно подросткового возраста [2]. Другими словами, обывательский, непсихологический взгляд на проблему развития личности на подростковом этапе изобилует стереотипами, примитивной предвзятостью, выраженных в существовании следующих мифов о подростках. Нижеприведенные мифы базируются на психологической природе стереотипа как такового, выраженной в необходимости получения в максимально короткое время самой конкретной и упрощенной информации.

Первый миф основан на обыденно-психологическом, упрощенном, но очень устойчивом представлении о том, что отрочество (от 10-11 до 15 лет) – возрастной этап проявления всевозможных аномалий и патологий, проявляющихся во внутриличностной (интрапсихической) и внешней (интерпсихической) формах жизнедеятельности индивида.

Второй миф определяет отношение окружающих к представителям указанной возрастной группы как к детям, не имеющим принципиальных индивидуальных различий, развитие которых происходит во многом синхронно, на основе каких-либо универсальных схем. Задумаемся над тем, что, даже упоминая слово «подросток» в разговоре о ком-либо, мы оказываемся в плену стереотипа.

Третий миф обуславливает определенную степень безразличия к проблемам подростков со стороны окружающих, считающих, что психологические трудности данного возраста – это удел самостоятельной борьбы подростков, их собственной активности, нацеленной на преодоление последних.

Сотрудникам органов внутренних дел, занимающихся проблемами предупреждения преступности несовершеннолетних недопустимо оставаться в плену вышеуказанных стереотипов. Одной из главных профессиональных задач для данных категорий сотрудников ОВД должно стать получение максимальной по объему объективной информации о психическом развитии индивида в подростковом и юношеском возрасте как фундаменте

профессионального взаимодействия, психологически грамотной коррекции правосознания и поведения.

Библиографический список

1. **Brake, M.** Comparative Youth Culture. The Sociology of Youth Culture and Youth Subculture in America, Britain and Canada. London: Routledge & Kegan Paul, 1985.
2. **Кораблев, С. Е.** Психология в деятельности сотрудников подразделений органов внутренних дел по делам несовершеннолетних: учебное пособие / С.Е. Кораблев. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2009. – 193 с.
3. **Левикова, С. И.** Молодежная субкультура: Учеб. пособие / С.И.Левикова. – М., 2004.
4. **Омельченко, Е.А.** Молодежные культуры и субкультуры / Е.А.Омельченко. – М., 2000.
5. **Луков, В. А.** Особенности молодежных субкультур в России / В.А.Луков // Социол. исследования. – 2002. – №10.

УДК 329.1/6

Воронежский филиал ФГБОУ ВПО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Кандидат полит. наук, доцент кафедры политологии и политического управления

Ю. И. Лаптева.

Россия, г. Воронеж, тел. (473)247-73-75;

e-mail: lapteva.u.i@yandex.ru,

Voronezh Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ph.D in Political Science, Associate Professor, Chair of Political Science and Political Management

Y. I. Lapteva.

Russia, Voronezh, tel. (473) 247-73-75;

e-mail: lapteva.u.i@yandex.ru

Ю. И. Лаптева

ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ В РАЗВИТЫХ ДЕМОКРАТИЯХ: ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ

В статье рассматривается проблема трансформации партийных систем в современных демократических государствах Западной Европы. В качестве основного фактора трансформации выступают глубокие социальные изменения, ставшие причиной эволюции основных типов политических партий. Также автор анализирует и сравнивает некоторые типологии политических партий, распространенные в современной политической науке. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на кризисные явления, переживаемые институтом политических партий, он демонстрирует высокие адаптивные способности. Поэтому партии остаются основными каналами рекрутирования политической элиты, ведущими, хотя и не единственными, агентами артикуляции политических интересов и, безусловно, основными субъектами электорального процесса.

Ключевые слова: политические партии, Западная Европа, партийные системы, кризис политических партий, картельные партии, электорально-профессиональные партии

Y. I. Lapteva

PARTY SYSTEMS IN ESTABLISHED DEMOCRACIES: TRENDS OF EVOLUTION

The article considers the problem of transformation of party systems in modern Western democracies. Deep social changes that caused the evolution of the main types of political parties are considered to be the main factor of such transformation. The author also analyzes and compares some of the approaches to the classification of political parties accepted in modern political science. The author concludes that, despite the crisis experienced by the institution of political parties, it demonstrates a highly adaptive capacity. Therefore, parties remain the main channels of recruitment of the political elite, leading, though not the only agents of articulation of political interests and, of course, the main subjects of the electoral process.

Key words: political parties, Western Europe, party systems, crisis of political parties, cartel party, electoral-professional party

Политический плюрализм является одним из неотъемлемых признаков демократии. Й. Шумпетер подразумевал под демократией институционализированный способ принятия политических решений, при котором индивиды получают доступ к власти по результатам электоральной конкуренции. [1. С. 485] А. Пшеворский писал о том, что условием существования демократии является наличие организованных групп, выражающих конфликтующие интересы, которые свободны в выборе одной из конвенциональных стратегий политической борьбы и имеют при этом доступ к политическим институтам, а также гарантированную защиту от преследований даже в случае поражения. [2. С. 97] В условиях современной представительной демократии именно политические партии утвердились в качестве главных агентов, представляющих конфликтующие интересы. Дж. Сартори в своей работе «Партии и партийные системы» описывал политический плюрализм как конкуренцию множества независимых и открытых групп на политической арене, отмечая, что эта роль исторически закрепились за партиями. [3. С.14]

Утверждение партий в качестве одного из институциональных оснований демократической политической системы, с одной стороны, сделало их незаменимым инструментом артикуляции политических интересов. С другой стороны, отмечаемый большинством исследователей кризис партий, ставит вопрос о перспективах развития демократии и ее институтов. Политические партии сегодня испытывают ряд серьезных трудностей. Прежде всего, это сокращение численности лояльных избирателей, ранее составлявших относительно устойчивое ядро партийных электоратов. Во вторую очередь, кризис партий определяется тем, что в условиях развития средств массовой коммуникации они теряют монополию на определение политической повестки дня. Снижение роли партий определяется и тем, что общественные движения и различные гражданские инициативы зачастую оказываются более эффективными инструментами артикуляции интересов, аккумулирующими поддержку оперативно, во многом, за счет своей гибкости.

Оказавшись перед таким сложным вызовом, политические партии находят различные ответы на него. На протяжении нескольких десятилетий исследователи наблюдают трансформацию института политических партий и появление новых типов партий. Существуют различные подходы к определению характера происходящей трансформации.

О. Киркхаймер в середине 60-х годов предложил называть новый тип партии «всеохватной» (catch-all party) [4. С. 177-200], а А. Панебьянко позднее использовал термин «электорально-профессиональная партия» [5. С. 264]. Первый подход предполагает, что в новом типе партий сочетаются черты выделенных М. Дюверже «классических» кадровых и массовых партий, например, опора на профессиональных политиков с ориентацией на широкие слои населения. При этом Киркхаймер предполагал, что не все партии трансформируются в данном направлении, и сохраняются массовые партии, по-прежнему ориентированные на защиту интересов определенной социальной группы, класса.

Второй подход говорит о преобразовании классических типов партий в два новых вида, сохраняющих генетическую связь с предшествующими. Массовая бюрократическая партия сходна с массовой партией Дюверже, но в отличие от нее, роль внутривнутрипартийной бюрократии повышается. Также массово-бюрократическая партия получает финансирование не столько через членские взносы, сколько от заинтересованных групп, что несколько ослабляет роль рядовых членов. При этом массово-бюрократическая партия, как и классическая массовая, сохраняет достаточно четкую идеологическую ориентацию. Электорально-профессиональная партия характеризуется углублением свойственного кадровым партиям ослабления вертикальных связей с рядовыми членами, изменением системы финансирования в сторону увеличения роли бюджетных средств и дальнейшим снижением роли идеологии в пользу внимания к отдельным темам и интересам. При этом и О. Киркхаймер, и А. Панебьянко склонялись к тому, что указанное направление развития политических партий является основным, и большинство из них трансформируется в организации, не имеющие четко определенной социальной основы и ориентированные на проведение предвыборных кампаний.

Можно сказать, что «всеохватные партии», описанные О. Киркхаймером, пытаются найти новый способ мобилизации граждан, все же не могут обеспечить стабильную электоральную поддержку и сохранить свое господствующее положение в политике. Используя популистские лозунги и стремясь объединить различные социальные слои, они не могут сохранить устойчивый электорат, который бы идентифицировал себя с партией и рассматривал бы ее в качестве референтной группы при формировании мнения по ключевым вопросам политики. Развитие «всеохватных» партий, таким образом, создает пространство для появления новых политических сил, аккумулирующих поддержку на основании выдвижения требований нового типа или же протестных настроений.

Особенно успешны те новые партии, которым удается выразить требования, которыми пренебрегают традиционные политические силы, политическое позиционирование которых преимущественно связано с традиционным социально-экономическим измерением политики. На протяжении 80-90-х годов наблюдается появление экологических, регионалистских и право-популистских партий. Многие из них стали заметными политическими силами в национальном масштабе, получая значительную поддержку на выборах и входя в правительственные коалиции, как, например, «Союз 90-Зеленые» в ФРГ (в 1998—2005 гг. партия была коалиционным партнером СДПГ в правительстве Г. Шредера). Финские зеленые также вошли в состав правительственной коалиции в 1995, а затем в 2008 г. Зеленые также создавали фракции в парламентах Швеции, Ирландии, Италии, Нидерландов, Португалии. Существует и Европейская партия зеленых, представленная в Европарламенте фракцией в составе 46 депутатов. А первым государством, правительство которой возглавлял «зеленый» политик в 2004 г. стала Латвия.

Регионалисты также представлены в Европарламенте. Пожалуй, наиболее известными европейскими партиями этого направления являются Шотландская национальная партия, фламандский Народный Союз, а также не представленные в Европарламенте, но достаточно заметные в национальной политике итальянская Лига Севера и испанская Баскская националистическая партия. Правый популизм, вызывающий наибольшую озабоченность наблюдателей, также имеет широкую, хотя и неравномерную поддержку в европейских странах. Это разнородное политическое направление, включающее как умеренные, так и достаточно радикальные силы, специализирующиеся на выражении антииммигрантских настроений, традиционалистских и националистических взглядов. Наиболее успешной партией этого направления можно считать Национальный Фронт во Франции, лидеры которого на президентских выборах в 2002 г. набирали 16,86 %, а на выборах 2012 г. - 17,9 % голосов. Тем не менее, наиболее радикальные правые испытывают сложности с получением статуса общеевропейского парламентского объединения: представляющий их Альянс

европейских национальных движений пока обладает лишь восемью местами в Европарламенте из необходимых двадцати пяти.

В 90-е годы исследователи политических партий отметили новую тенденцию в их развитии, которая выразилась в сближении старых парламентских партий с государством. Такая тактика ведет к дальнейшему ослаблению функции выражения социальных интересов и к превращению партий в своеобразных «брокеров», действующих в сфере распределения государственных постов. Партии, не заинтересованные в появлении новых игроков в политическом пространстве, готовы вступать в коалиции, составленные вопреки принципу идеологической близости. Так в ФРГ по итогам выборов в Бундестаг 2013 г. создается третье в истории страны правительство «большой коалиции», объединяющее христианских демократов и социал-демократов. Первая подобная коалиция была создана в 1966 г., когда необходимо было сосредоточить усилия на улучшении социально-экономической ситуации, а второе правительство «большой коалиции» действовало в 2005-2009 г. под руководством А. Меркель. Региональные правительства в ФРГ демонстрируют еще большее разнообразие политических коалиций, что также может свидетельствовать о том, что партии стремятся разделить политический рынок между уже известными игроками. Например, действовавший в 2009-2012 гг. в Сааре коалиционный кабинет был сформирован из представителей христианских демократов, свободных демократов и зеленых, а с 2008 по 2010 в Гамбурге существовала даже «черно-зеленая» коалиция - между Христианско-демократическим союзом и партией «Зеленых». Примечательно, что именно ФРГ, которую часто называют «государством партий», пошла по пути предоставления парламентским партиям значительного объема государственной поддержки.

Описанная тенденция позволила Р. Кацу и П. Мэйру выдвинуть концепцию нового типа партии – «картельной партии». [6. С. 527-536] Сближение с государством и продолжающееся отдаление от рядовых избирателей делает партийную жизнь особой сферой политики, в которой партии заинтересованы в сохранении своей монополии на занятие выборных должностей. Эта партийная сфера в пространственной структуре политической системы расположена намного ближе к институтам государственного управления, чем к гражданскому обществу.

Картелизация партий в демократических государствах вызывает критику. С ней связывают такие явления как стремительный рост объемов финансирования предвыборных кампаний, снижение ответственности партийных правительств перед избирателями, отвлечение внимания избирателей от серьезных проблем в пользу ярких медиа-поводов, растущую персонализацию политики, бюрократизацию самих партий и аппаратов их парламентских фракций, превращение общенациональных партий в «бренды», которые региональные политики используют, не слишком заботясь об идеологическом единстве. Еще одним последствием картелизации партий становится сближение их программ, ориентированных на «среднего» избирателя. С точки зрения нормативной теории демократии, современный избиратель, делающий выбор на основе личных симпатий к кандидату или особенностей освещения деятельности партии в СМИ, намного дальше от демократического идеала, чем избиратель индустриальной эпохи, руководствовавшийся в своем выборе связью между своим социальным статусом и партийной идеологией.

Отмеченные негативные последствия картелизации партий в совокупности работают на снижение легитимности этого важнейшего демократического института. Таким образом, картелизация не устраняет конкуренцию традиционным партиям со стороны новых политических сил, создавая дополнительную проблему кризиса демократической легитимности.

Ряд исследователей считает, что трансформацию института политических партий, касающуюся их идеологии, организационной структуры и стратегии, следует описывать на основе более дифференцированного подхода. Картелизация является слишком общим термином, поскольку партии в меняющихся условиях находят для себя различные ниши и

используют достаточно разнообразные стратегии и ресурсы для достижения своих целей. Например, в зависимости от целей и стратегии партии можно разделять на те, которые стремятся к получению публичных постов, а также на те, которые стремятся реализовать свою политику или же получить максимальное количество голосов (соответственно *office-seeking, policy-seeking, vote-seeking*). Целесообразность такого разделения подчеркивают, например, К. Стром и В. Мюллер. [7. С. 5-11]

Партии, ориентированные на получение правительственных постов, не стремятся к максимизации электоральной поддержки, им достаточно получать определенный минимум голосов избирателей, достаточный, например, для участия в коалиции. Из выделенных ранее типов политических партий они ближе всего к картельным. Для таких партий важна не только их предвыборная программа, которую будут оценивать избиратели, но и позиционирование в политическом пространстве, оцениваемое потенциальными коалиционными партнерами. Стром и Мюллер уточняют, что должности, к которым стремятся подобные партии, не всегда предполагают владение министерским портфелем, например, в Италии в 70-80- годы отдельные члены коммунистической партии работали в системе высшей исполнительной власти при том, что партия не была членом правящей коалиции. [7. С.11]

Партии, ориентированные на реализацию политического курса, стремятся получить максимальное влияние на формирование политической повестки и на процесс принятия важнейших политических решений как в нескольких сферах, так, возможно, лишь в одной. Это программные партии, с четко заявленной идеологической позицией. В предвыборных кампаниях они сосредотачивают внимание на положениях своей программы и редко являются новаторами в области применения избирательных технологий. Подобные партии много внимания уделяют аналитическому сопровождению своего политического курса, создавая и поддерживая исследовательские центры.

Партии, ориентированные на максимизацию электоральной поддержки наиболее близки к «всеохватным» или же электорально-профессиональным. Именно для них характерна наиболее гибкая идеологическая позиция. Они также демонстрируют готовность к тактическим коалициям, которые строятся не на основании идеологической близости, а на стремлении к получению максимально привлекательной в глазах избирателей позиции. Эти партии используют современные избирательные технологии, ориентированы на получение поддержки СМИ. Увеличение роли масс-медиа в политике привело к профессионализации этих партий, которым уже не требуется поддержка постоянно мобилизованных активистов на местах. Также подобные партии получают поддержку за счет популярности своих лидеров, и упреки в популизме, раздающиеся в адрес современных партий, чаще всего адресованы именно им.

Подобная классификация не приписывает партию к какому-либо типу раз и навсегда, предполагая возможность изменения стратегии. Например, британские Лейбористы в послевоенный период были партией, преимущественно ориентированной на реализацию определенного политического курса. Но возвращение к власти в 90-е годы и победа над консерваторами были достигнуты только благодаря смене стратегии на преимущественно электоральную. Новых лейбористов можно назвать классическим примером партии, ориентированной на получение максимальной электоральной поддержки.

Различные стратегии могут избирать и новые политические партии. Например, правые популисты, получив поддержку избирателей в качестве электорально ориентированной партии, могут трансформироваться в партию, нацеленную на получение правительственных постов. Такая же трансформация может произойти и с программно ориентированными зелеными.

Таким образом, современная политика, бросая партиям вызов, дает им и новые возможности. Изменяющаяся социальная структура делает маловероятным успех как жестко доктринальных массовых партий, так и строго элитарных кадровых. Пожалуй, главным

направлением трансформации партийных систем является их расширение. В условиях снижения связей между избирателем и партией, снижения доверия к партиям в целом, возрастает конкуренция между ними. Появляются новые партии, которые пытаются подчеркнуть свое отличие от традиционных. За последние десятилетия в политическое пространство европейских демократий вошли зеленые, регионалисты и правые популисты.

Еще одна разновидность популизма представлена так называемыми пиратскими партиями, которые начали свое развитие в Швеции и достигли электоральных успехов на местном уровне в ФРГ. В условиях политической нестабильности и серьезного кризиса доверия к традиционным политическим силам новым популистам порой удается добиться ошеломляющих успехов. Например, итальянское движение «пять звезд» под руководством актера и блогера Дж. Грилло на досрочных парламентских выборах 2013 г. получило 25% голосов, заняв третье место. Новые популисты активно используют социальные сети и иногда заявляют о своем стремлении приблизить процесс выработки политического курса к потребностям и интересам избирателей, критикуя отдалившиеся от граждан картелизированные партии.

Даже в странах, не переживших, подобно Италии, радикальной трансформации партийной системы, появляются новые парламентские партии, существенно изменяется соотношение сил между традиционными парламентскими партиями, и образуются новые коалиции. Партийная система ФРГ из системы «двух с половиной партий» за последние три электоральных цикла трансформировалась в многопартийную, а двухпартийная британская система, как показали результаты выборов 2010 г., может стать системой «двух с половиной партий». При этом трансформация партийных систем происходит за счет ослабления традиционных партий, с которыми успешно конкурируют новые. [См.8.] В этом смысле показательно поражение на парламентских выборах 2013 г. немецкой партии Свободных демократов, которая на протяжении всей послевоенной истории страны играла роль универсального коалиционного партнера для обеих ведущих политических сил – христианских демократов и социал-демократов. Тот факт, что новые политические силы в консолидированных демократиях демонстрируют готовность принимать «правила игры» и вливаются в партийные системы, свидетельствует о том, что кризис института политических партий, по меньшей мере, не угрожает самому его существованию. Партии остаются основными каналами рекрутирования политической элиты в демократическом обществе, ведущими, хотя и не единственными, агентами артикуляции политических интересов и, безусловно, основными субъектами электорального процесса.

Библиографический список

1. **Шумпетер, Й. А.** Капитализм, Социализм и Демократия: Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова / Й.А. Шумпетер— М.: Экономика, 1995.
2. **Цыганков, А. П.** Современные политические режимы: структура, типология, динамика /А.П. Цыганков - М.: Интерпакс, 1995
3. **Sartori, G.** Parties and Party Systems: A Framework for Analysis / Giovanni Sartori. - ECPR Press, 2005
4. **Kirchheimer, O.** The Transformation of the Western European Party System. / Otto Kirchheimer // Political Parties and Political Development / eds. J. La Palombara and M.Weiner. - Princeton, 1966.
5. **Panbianco, A.** Political Parties: Organization and Power. Panbianco A. – Cambridge, 1988.
6. **Katz, R., Mair P.** Cadre, Catch-All or Cartel?: A Rejoinder / R. Katz, P. Mair // Party Politics. - 1996, Volume 2, Issue 4, October. (URL: <http://www.olemiss.edu/courses/pol628/katzmair96.pdf>)

7. **Policy, Office, Or Votes?** How Political Parties in Western Europe Make Hard Decisions / eds. Wolfgang C. Müller, Kaare Strøm. - Cambridge University Press, 1999
8. **Чередов, И.Г.** Сравнение динамики партийных систем Великобритании, Германии и Франции по методу распределения Нагайамы. / И.Г. Чередов // ПОЛИТЭКС. – 2009. - № 3. (URL: <http://www.politex.info/content/view/606/30/>)

УДК 303.6

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью
С. В. Меликян.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 276-40-09;
e-mail: smel_@ mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.
PhD in Philology, Associate Professor of Public Relations Chair
S. V.Melikyan.
Russia, Voronezh, tel. (473) 276-40-09;
e-mail: smel_@ mail.ru

С. В. Меликян

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕРАКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С АУДИТОРИЕЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье рассматриваются основные тенденции развития интерактивных форм взаимодействия с аудиторией в сети Интернет. Автор приходит к выводу о взаимовлиянии и, как следствие, трансформации индивидуального восприятия информации и глобального медийного пространства.

Ключевые слова: Интернет-коммуникации, Интернет-дискурс, масс-медиа, веб-сайт, блог, социальные сети.

S.V. Melikyan

MODERN TRENDS OF INTERACTIVE COMMUNICATION WITH A WEB AUDIENCE

The article discusses the main trends in the development of interactive forms of communication with a Web audience. The author concludes that there is interrelation and therefore transformation of both, individual perception of information and a content of the global Internet network.

Key words: Internet communications, Internet discourse, mass media, website, blog, social network.

В течение веков способы коммуникации и передвижения, способы обработки, хранения, передачи информации, другие производственные и технические аспекты человеческой деятельности либо практически не менялись, либо медленно совершенствовались, не претерпевая радикальных изменений. В последнее же столетие в этих и во многих других, в том числе бытовых сторонах социальной жизни стремительными темпами происходят качественные, принципиальные изменения, совершаемые на фундаменте новых технических решений, изобретений, открытий.

На современном этапе развития общества в социальной реальности происходит глобальная трансформация, новые информационные технологии оказывают воздействие на механизм функционирования социума в целом – от расширения возможностей доступа к большим базам данных до новых форм участия в принятии политических решений. Широкое распространение и специфичность сетевой коммуникации, безусловно, привлекает внимание ученых разных областей: лингвистики, психологии, философии, экономики, социологии, политологии.

Провозглашенное в ряде международных документов право на свободный доступ к информации закономерно приводит к необходимости разработки и на политическом, и на экономическом уровнях новых моделей общественного развития, созданию открытых коммуникационных инфраструктур.

Интенсивность информационных потоков, многократно ускоряющих глобальное распространение знаний и мнений, материальных и духовных благ, предлагается сегодня рассматривать в качестве нового стратегического ресурса.

Прогресс новых технологий, с одной стороны, предлагая инновационные модели общественного взаимодействия, с другой, – ведет к доминированию сетевого индивидуализма как формы социальности, что обуславливает необходимость активного использования таких коммуникативных форм, которые поддерживали бы пространство публичной коммуникации. Возможность появления таких форм заложена уже в самих особенностях компьютерно-медийной коммуникации.

Исследователи, характеризуя Интернет-коммуникацию, одним из основных её признаков выделяют *глобальность*, «т.е. возможность установить контакт с любым пользователем в сети по всему миру» [1. С. 1].

Характер общения в Глобальной сети открывает для каждого практически неограниченный потенциал конструирования собственной идентичности. Это становится возможным благодаря *изначальной добровольности* (у коммуниканта всегда есть альтернатива в любой момент покинуть тот или иной интерактивный ресурс) и *преимущественной анонимности* совершаемых в Сети действий (сведения, которые в презентационных целях сообщает о себе интернет-пользователь, могут не соответствовать действительности и являться вымышленными).

Верификация предоставляемой информации в процессе социализации виртуальной языковой личности возможна лишь с учётом экстралингвистических факторов, поскольку интернет-коммуникация характеризуется *контекстно-ситуативной обусловленностью*. «Без знания социо- и прагмалингвистических характеристик коммуникантов, тематики, модальности, тональности, конвенций, претекстов и атмосферы конкретного дискурсивного сегмента корректная интерпретация его содержания «извне» становится проблематичной» [2. С. 49].

Интернет ориентирован на визуальный способ предоставления информации, как и весь мир эпохи постмодернизма. «Наравне с *визуально-текстовым форматом* к парадигмальным признакам виртуальной коммуникации можно отнести *дескриптивность* как показатель определённой несостоятельности паравербальных выразительных средств (модальных компонентов электронного сообщения) при осуществлении коммуникативной трансакции» [3. С. 49].

Интернет-тексты по большей части – это «креолизованные тексты», «т.е. тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей, вербальной и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык. Пиктограммы и идеограммы интернет-пространства (эмотиконы и аватары), оказываются недостаточными инструментами для компенсации невербального компонента виртуального общения» [4. С. 50].

Представляется, что виртуальное коммуникативное пространство априори *интердискурсивно* или «полифонично», т.к. включает в себя вкрапления других дискурсов, которые взаимодействуют друг с другом в едином смысловом поле – интернет-дискурсе.

Можно констатировать также, что Глобальная сеть порождает *неоднородный в зависимости от жанра временной зазор между мыслью и её вербализацией*. Например, жанры электронных писем, интернет-конференций и сетевых дневников характеризуются довольно большим темпоральным отрезком, в то время как жанры чата, icq, твиттера практически не имеют такого.

В современной коммуникативно и когнитивно ориентированной лингвистике, характеризующейся повышенным интересом ученых к механизмам убеждающего воздействия текста на адресата, Интернет-дискурс является одним из наиболее популярных объектов исследования. Виртуальный дискурс, представляющий собой новый вид коммуникации (компьютерно опосредованную коммуникацию), характеризуется особой формой представленности в ней языковой личности, карнавализацией общения, гибридными формами письменной речи, включающими паралингвистические средства выражения экспрессивности, иконические элементы, аватары и т.д. «Виртуальная языковая личность стремится создать продукт, отличающийся особой оригинальностью, экспрессивностью номинаций, образностью, тенденцией к сниженности и ироничности, а потому использует различные средства: жаргонизмы, иностранные слова и выражения, иноязычные аббревиатуры, акронимы, слова-гибриды (совмещение кириллицы и латиницы в одной словоформе), причудливо сочетающиеся с экспрессивным синтаксисом, часто эллиптическим, книжной лексикой, терминами разных профессиональных сфер. Все вышеперечисленные особенности создают особый вид текстов, образующих сетевые жанры, отличающиеся субъективностью, оценочностью и нестандартизированностью» [5. С. 9-10]. Все это делает тексты в Интернет-коммуникации более убедительными, более эффективными в плане воздействия на целевую аудиторию.

В рекламном интернет-дискурсе, имеющего прямую интенцию воздействия, используются стратегии формально-логической аргументации, апеллирующие к разуму, и стратегии неформально-риторической аргументации, апеллирующие к различным ценностям, принятым в данном социуме. Одним из наиболее часто привлекаемых средств обращения к аудитории в Интернете является императив, как самый прямой способ реализации персуазивной функции рекламы. Очевидно, что это связано в первую очередь с высочайшей конкуренцией рекламных объявлений на небольшом пространстве сайта, страницы в социальной сети, блоге и, как следствие этого, стремлением к максимальной компрессии информации. «Еще одной причиной распространенности императива является стремление адресата к общению без церемоний, ориентация априори на молодежную аудиторию. *Click here, learn more, share the link with your friend. Dissatisfied? Help us to improve. (Заходи сюда, узнай больше, отправь ссылку другу. Неудовлетворен? Помоги нам стать лучше)*» [6. С. 8-9].

Обозначенное стремление к максимальной компрессии информации является одной из доминирующих тенденций эволюции и развития интернет-жанров и, в целом, форм коммуникации в Глобальной сети. На сегодняшний день принято говорить об определенных этапах коммуникационного развития в Интернете:

Web 1.0 – это начальный этап, когда контент интернет-ресурсов формируется сравнительно небольшой группой профессионалов, а подавляющее большинство рядовых пользователей выступает в качестве читателей. Базисным элементом здесь является веб-сайт, который имеет свой электронный адрес, программно-аппаратные средства, графическое и текстовое оформление страниц (контент). «Последние разрабатываются веб-дизайнером и веб-мастером в соответствии с креативными идеями, которые закладываются PR-специалистами в целях представления на сайте некоторой организации, проекта, персоны с информацией об особенностях их деятельности» [7. С. 6-7]. На этом этапе существуют

определенные разновидности веб-сайтов: типовой (стандартный) веб-сайт, веб-сайт с элементами портала, интернет-портал. Основная задача ресурса этапа Web 1.0 – обеспечить потребителя максимально большим объемом информации, при этом информирование осуществлялось главным образом в одностороннем порядке.

В плане интерактивного взаимодействия с целевой аудиторией веб-сайт предоставляет компании широкий ряд дополнительных возможностей, в дополнение к доступным ранее коммуникационным службам. Создание и продвижение собственного веб-сайта способствует формированию собственного уникального имиджа в сети Интернет. Кроме того, информация о поведении посетителей на сайте, сразу же попадая в информационную систему компании, служит для качественной оптимизации взаимодействия с целевой аудиторией. Веб-сайт компании обычно выступает центральным элементом коммуникативной политики, проводимой в Интернете. Поэтому так важна задача его продвижения, от успешной реализации которой в значительной степени зависит эффективность всей коммуникативной политики.

В условиях следующего этапа развития – Web 2.0 – в создание контента активно включаются сами пользователи. Можно сказать, что Web 2.0 – это активная, интерактивная и многосторонняя коммуникация. Для сферы бизнеса и государственных организаций известные коммуникационные схемы b2b, b2c, g2g и g2c начинают дополняться, а затем и вытесняться новыми коммуникационными схемами – c2c (customer/citizens to customer/citizens), когда граждане начинают общаться между собой напрямую. Вместе с новыми коммуникационными схемами появляются и новые критерии эффективности ресурса, которые «можно обозначить формулой из трех «и». «В наследство» от прежнего этапа остаются количество и качество контента – это первое «и» (информативность) – критерий в обозримой перспективе неизменный. Но далее возникают еще два «и» – интегративность и интерактивность» [8. С. 10].

Интегративность предполагает наличие ссылок, возможность переходов на все сообщения или ресурсы, так или иначе связанные с ресурсом организации. Интерактивность – это наличие многосторонней коммуникации вокруг ресурса, в отличие от преобладания односторонней коммуникации на этапе Web 1.0. Она служит фактором дополнительной мотивации пользователей на обращение к ресурсу, а потом закрепляет их на нем. Та или иная степень интерактивности является показателем, характеризующим, насколько быстро и удобно пользователь может выйти на связь и обменяться мнениями с редакцией сайта или с другими его пользователями. Элементами интерактивности являются все программные модули (инструменты, функции) сайта, с помощью которых пользователь может взаимодействовать с сайтом или другими пользователями: возвратная форма, регистрация посетителей, проведение опросов и голосований, форумы и гостевые книги, возможность комментирования, аудио- и видеоподкастинг, блог.

Уже существующие веб-сайты на этом этапе развития для успешной реализации своей функции должны выполнять следующие задачи: первоначальное привлечение посетителей на сайт, стимулирование повторных визитов, увеличение времени, проводимого пользователями на сайте, активное вовлечение их в жизнь сайта (в дискуссии, опросы, конкурсы и т. д.), привлечение пользователей к развитию и продвижению ресурса, формирование лояльности, чувства общности, принадлежности к сообществу сайта.

Однако наибольшее распространение и развитие, в соответствии с обозначенными критериями эффективности, получили блоги и социальные сети.

Блог – это сетевая страница или веб-сайт в форме персонального дневника, где публикуются тексты, фотографии, видео- и аудиофайлы, а также размещают ссылки. «Блоггер концентрирует на себе внимание целевых аудиторий и создает вокруг себя информационное пространство. Активный блоггер – это человек-оркестр, человек – средство массовой информации» [9. С. 12]. Такие признаки блога, как возможность оставлять комментарии к заметкам и «блогролл» (список ссылок на другие интересные блоги),

позволяют относить блоги к этапу Web 2.0. Исследователи предлагают называть блоггом «любое личное, интенсивное и интерактивное, присутствие индивидуала (блоггера) в Сети, которое может структурно выражаться на сайте, на странице в Интернете, в одном или в нескольких форумах» [10. С. 13].

Можно отметить, что развитие блога как жанра Интернет-коммуникации безусловно отражает тенденцию к демократизации масс-медиа. Появление блогосферы меняет характер общения в дискурсе масс-медиа: коммуникация, бывшая ранее односторонней (информационный поток только в направлении от СМИ к публике), приобретает двусторонний интерактивный характер; коммуникативная роль аудитории не сводится к пассивному потреблению информационного продукта – аудитория сама становится активным производителем информации, создавая определенную конкуренцию СМИ, которые вынуждены к ней прислушиваться.

В рамках блогосферы фигурирует и такое понятие, как социальные сети. Большинство определений социальных сетей указывает на их интерактивную функцию в качестве системообразующей. Представляется логичным следующее определение социальных сетей, предложенное исследователями: «социальные сети – это веб-сайты, или иные инструменты Интернета, главной особенностью которых является предоставление возможности пользователям взаимодействовать друг с другом, обмениваясь различными видами информации» [11. С. 14]. Построение социальных сетей предполагает организацию интернет-сообществ, способствующих расширению участия существующей общественности и привлечению дополнительных пользователей. Социальные сети – сообщества участников, объединенных не только средой общения, но и с установленными межличностными связями.

В цепи логического развития возможностей коммуникационной системы от Web1.0 к Web 2.0, Web 3.0 и т.д. можно говорить о едином пространстве сети Интернет, где каждая новая стадия аккумулирует возможности предыдущей. Самые массовые, доступные и популярные социальные сети на сегодняшний день – Facebook (www.facebook.com), MySpace (www.myspace.com), YouTube (www.youtube.com). Очевидным является и тот факт, что популярность российских социальных сетей, таких как «ВКонтакте» (www.vkontakte.ru), «Одноклассники» (www.odnoklassniki.ru) и других сегодня значительно возросла. Количество пользователей продолжает увеличиваться, и аудитория таких сетей приближается по численности к аудитории поисковых машин. Число зарегистрированных аккаунтов в социальной сети «ВКонтакте» превышает 83 млн., а сам сайт считается самым посещаемым в России, Украине и Белоруссии.

Безусловно, такое количество пользователей – реальной и потенциальной целевой аудитории – не могло остаться незамеченным коммерческими организациями. В настоящее время практика позиционирования и продвижения бренда, продукта или услуги в социальных сетях уже достаточно широко распространена и изучена. Между тем, этот инструмент продвижения в настоящее время начинает широко и повсеместно использоваться и некоммерческими организациями, в том числе, и образовательными учреждениями, общественными организациями, организациями культурно-рекреационной сферы.

Вместе с тем, наряду с уже упоминавшейся тенденцией к максимальной компрессии информации, существующие в настоящее время тенденции к сокращению текстовой информации, недостатка и экономии временных ресурсов приводят к появлению и широкому распространению таких ресурсов как Twitter (<https://twitter.com>) и Instagram (<http://instagram.com>).

Твиттер – микроблог, система, позволяющая пользователю отправлять короткие текстовые заметки (до 140 символов), используя веб-интерфейс. Характерной особенностью Твиттера является мгновенная публичная доступность размещенных сообщений с возможностью оставления комментария, размещения ссылок, просмотра фото и видеоматериалов. Появившись в 2006 году, ресурс стремительно набирает популярность: собственные аккаунты в Твиттере имеют не только рядовые пользователи, но и

общественные и политические деятели, бизнес-структуры и СМИ. По данным независимых исследований, Твиттер оценивается как один из 10 самых посещаемых веб-сайтов по всему миру. Ежедневное количество пользователей различно в разных исследованиях, из-за того, что Твиттер не обнародовал количество активных аккаунтов. В феврале 2009 года Compete.com определила Твиттер как третью наиболее часто используемую социальную сеть, имеющую 6 млн. уникальных посетителей в месяц и 55 млн. ежемесячных посещений [12].

Тенденция к сокращению текстовой информации, а также недостаток и стремление к экономии временных ресурсов приводят к тому, что в 2010 году появляется принципиально новая сеть – Инстаграм.

Это одна из разновидностей микроблога, созданное специально для мобильных устройств, бесплатное приложение обмена фотографиями и видеозаписями, позволяющее пользователям снимать фотографии и видео, применять к ним фильтры, а также распространять их через свой сервис и ряд других социальных сетей. К концу февраля 2013 года Инстаграм объявил о 100 миллионах активных пользователей, в связи с чем ресурс в настоящее время начинает активно использоваться в качестве рекламной площадки.

С 2009 года исследователи начинают говорить о новом этапе в развитии Интернет-коммуникаций – Web 3.0. «В узком понимании Web 3.0 – это рекомендательные сервисы, сеть пользовательского самообслуживания, в которой люди оставляют свои суждения: сначала – о книгах, фильмах, музыке; затем – о любых других товарах и потребительских актах и, наконец, о государственных организациях и персоне, тем самым обмениваясь собственным опытом и делая его доступным другим пользователям» [13. С. 34]. Для того, чтобы получать рекомендации, пользователь должен создать свой портфель предпочтений, оценив некоторое количество объектов. Система сравнивает профили и формирует для каждого члена сети группу рекомендателей, отбирая людей, выставивших сходные оценки, которые могут послужить для него прогнозом.

Этот принцип выдачи рекомендаций называется «коллаборативной фильтрацией» (от англ. collaboration – «сотрудничество»). «В основе работы коллаборативных рекомендательных систем лежит исключительно принцип автоматизированного подбора вкусовых единомышленников и обмена прямыми пользовательскими сигналами» [14. С. 34]. Именно высокая степень автоматизации отличает рекомендательные сервисы от социальных сетей прошлого поколения (типа блогов и социальных сетей). В связи с этим, Web 3.0 предлагается рассматривать в качестве семантической паутины, Сети над сетью, содержащей метаданные о ресурсах Всемирной паутины и существующая параллельно с ними.

Можно констатировать тот факт, что Web 3.0 продолжает тенденцию активного развития новой коммуникационной схемы c2c (customer to customer). Примером практической реализации такого рода пользовательской сети может быть сервис-сайт Imhonet (www.imhonet.ru). И хотя в настоящее время такого рода ресурсы не используются активно в качестве площадок для взаимодействия, диалога организации с целевой аудиторией, безусловно, такой потенциал в них заложен.

Многие исследователи признают, что важнейшим существенным признаком современного мироустройства следует считать *медиатизацию* – «процесс и результат глобального воздействия на мышление индивидов при помощи различных *медиа*, выражающегося в формировании картины мира посредством специфически *медийных* когнитивных структур познания и представления реальности – возникающих при взаимодействии индивида с глобальным информационным пространством» [15. С. 121]. В результате этого формируется особая *медиа-картина мира* – продукт непрерывной информационной деятельности по познанию мира, сопровождающаяся «постоянной экстернализацией содержания сознания отдельных людей, его мультипликацией и последующей трансляцией на аудитории, имеющие массовый характер» [16. С. 122].

Таким образом, можно с определенной долей уверенности утверждать, что основные тенденции развития медийно опосредованной коммуникации, способствующие появлению и распространению новых интерактивных форм взаимодействия с аудиторией, влияют и на изменение восприятия информации индивида и общества в целом.

Библиографический список

1. **Овчарова, К. В.** Компьютерные чаты и Интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / К. В. Овчарова. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008. – 26 с.
2. **Рыжков, М. С.** Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса: дис. канд. филол. наук / М.С. Рыжков. – Елец: Елецкий государственный университет, 2010. – 273 с.
3. **Там же.**
4. **Там же.**
5. **Савельева, И. В.** Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / И. В. Савельева. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2013. – 26 с.
6. **Егорова, И. Ю.** Акцентирование в рекламном интернет-дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / И. Ю. Егорова. – Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2008. – 21 с.
7. **Чумиков, А.,** PR в Интернете. Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0 / А. Чумиков, М. Бочаров, М. Тишкова. - СПб: Альпина Паблишер, 2010. - 136 с.
8. **Там же**
9. **Там же**
10. **Там же.**
11. **Там же.**
12. **Википедия.** Свободная энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Твиттер>
13. **Чумиков, А.,** PR в Интернете. Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0 / А. Чумиков, М. Бочаров, М. Тишкова. - СПб: Альпина Паблишер, 2010. - 136 с.
14. **Там же.**
15. **Рогозина, И. В.** Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2003. – 430 с. – С. 121.
16. **Там же.**

УДК 32.019.52

*Институт общественного мнения «Квалитас».
Генеральный директор, доктор социологических
наук Н. А. Романович.
Россия, г. Воронеж, тел. (473)251-20-75;
e-mail: nelly@qualitas.ru*

*Public Opinion Institute «Qualitas».
General Director, Doctor of Sociological Science
N. A. Romanovich.
Russia, Voronezh, tel. (473)251-20-75;
e-mail: nelly@qualitas.ru*

Н. А. Романович

ОБРАЗ ВЛАСТИ И СТЕРЕОТИПЫ

В статье говорится о том, что образ власти, сконструированный населением редко совпадает с реальным положением дел во властных структурах и с персональными характеристиками представителей власти. Важно знать в какую сторону отклоняется образ власти – в сторону идеализации или же в сторону негатива. Это так или иначе влияет на судьбу общества.

Ключевые слова: образ власти, стереотипы, отношение к власти, честные выборы, доступность чиновников.

N. A. Romanovich

THE IMAGE OF POWER AND STEREOTYPES

The article states that the image of power constructed by public opinion very seldom coincides with the real state of affairs in the government and with the personal characteristics of authorities. It is important to know in what direction the image of power deviates – towards its idealization or forming a negative image. It predetermines the future of the society.

Key words: the image of power, stereotypes, attitudes toward government, fair elections, the availability of officials.

Нерв нынешнего общества – это образ власти. В зависимости от того, как население воспринимает власть, формируется будущее этого общества, ход его истории. Народ может идеализировать власть, то есть думать о ней лучше, чем она есть – и тогда общество относительно стабильно вне зависимости от того, какие негативные процессы идут внутри него (например, советское общество во времена «культы личности» И.В.Сталина). Народ может думать о власти хуже, чем она есть, и тогда общество взрывается революцией, несмотря на позитивные экономические и социальные показатели (например, последние годы правления царя Николая II). Ольденбург так описывает Россию в это время: «К концу XIX века рост материального благосостояния и внешней образованности шел с возрастающим ускорением. Техника шла от изобретения к изобретению, наука – от открытия к открытию» [1. С.8]. Вопреки социальному и экономическому благополучию в России сложился негативный образ власти, и это повлияло на дальнейшую судьбу страны.

Иными словами, образ власти, даже если он ошибочный, может влиять на само общество, изменяя ход его истории. О том, что ошибочный образ действительности может изменять нашу жизнь, засвидетельствовал ещё американский социолог Уильям Айзек Томас. Известная теорема Томаса гласит: «Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям». Наше восприятие реальности порой важнее контекста самой реальности. Получается, что важно не само событие, а то, как мы к нему относимся.

Как складывается образ власти? Образ власти представляет собой отображение социальной реальности во властных отношениях в сознании населения, он возникает как результат суммарного действия разнообразных информационных источников (СМИ, друзей,

знакомых, книг, личных впечатлений и т.п.). Как говорил Мишель Фуко: «существуют инвестиции желания, создающие образ власти и повсюду его распространяющие» [2. С. 77]. Каков образ нынешней власти? Идеализирует ли население нынешнюю власть или занижает её оценки? Справедливости ради, надо сказать, что народ часто ошибается в ту или другую сторону.

Результаты ежемесячных социологических опросов Института общественного мнения «Квалитас», которые проводятся в Воронеже в рамках инициативного проекта, начиная с 1998 года по сегодняшний день, свидетельствуют о том, что сегодняшние оценки образа власти скорее занижены, чем завышены. (Опросы, результаты которых представлены ниже, проводятся методом личного интервью по репрезентативной для взрослого населения г. Воронежа (старше 18 лет) выборке, размер выборки колеблется от 600 до 1000 человек. Материалы опросов ИОМ «Квалитас» и комментарии к ним опубликованы в ежемесячных выпусках Бюллетеня социологических сообщений по г.Воронежу) [3].

Вот взять хотя бы выборы мэра, прошедшие в Воронеже 8 сентября 2013 года. Население ожидало от власти использования административного ресурса, нечестности в целом и в деталях. Об этом свидетельствовали результаты предвыборных опросов. А послевыборные опросы показали, что эти ожидания не оправдали, власть оказалась честнее, чем это можно было ожидать.

Выборы мэра, прошедшие на 8 сентября 2013 года, имели некоторую интригу для избирателей. Силой сложившихся обстоятельств менее чем за два месяца до выборов администрация оказалась в цейтноте в поисках нового кандидата и его «раскрутке». В таких случаях мог бы возникнуть соблазн помочь победе кандидата в обход закона.

Представление населения о честности выборов складывается из выполнения ряда требований. Это прежде всего равная возможность для всех кандидатов быть зарегистрированными, равные условия предвыборной агитации, отсутствие грязных технологий и, наконец, честный подсчет голосов.

За три недели до выборов (16 августа 2013 года) мы поставили своей целью узнать, ожидают ли граждане честных выборов, и первый наш вопрос звучал так: ***«Как Вы считаете, будут или не будут власти использовать так называемый "административный ресурс", то есть незаконными методами помочь выиграть одному из кандидатов?»***.

Использование пресловутого «административного ресурса» на выборах уже никого не удивляет, а напротив, ожидается со стороны большинства населения. В целом **69%** воронежцев считали, что власти будут пытаться помочь выиграть незаконными методами одному из кандидатов. Не верили, что власти готовы использовать свое влияние в незаконных целях, в общей сложности **22%** горожан.

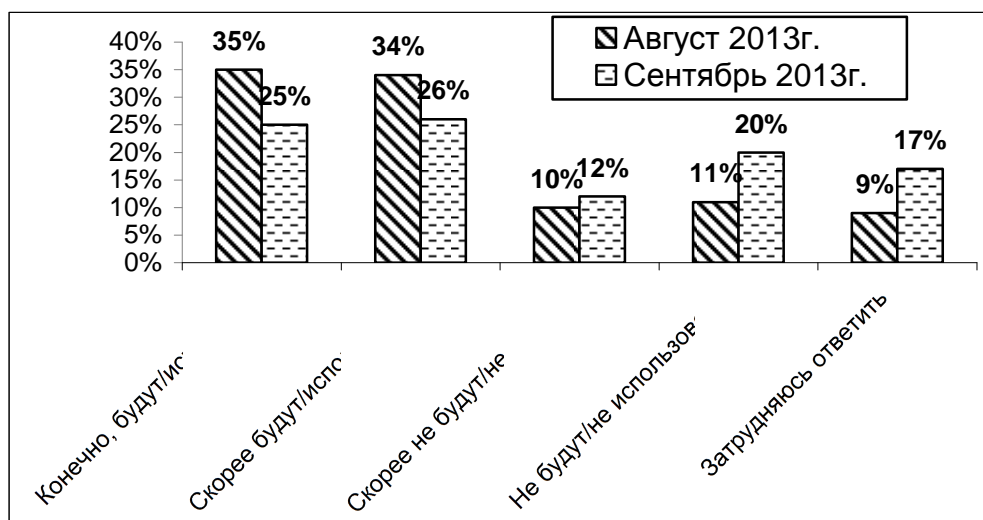
На самом деле, если власть выдвигает в России своего кандидата, то на его победу работает мощная установка населения на преемственность власти, которая перекрывает с лихвой все средства административного ресурса. Молниеносный взлет народного доверия к ранее неизвестному кандидату достигается скорее за счет этой многовековой установки, чем за счет ресурсов заинтересованных лиц.

Следует отметить, что административный ресурс обычно применяется в тех случаях, когда позиции ставленника власти достаточно слабы, и он не может набрать достаточного количества голосов для победы на выборах. Но если социологические опросы показывают, что кандидат уже имеет внушительный рейтинг, превосходящий рейтинги его противников, то нет смысла вмешивать административный ресурс в сам процесс выборов. Влияние этого ресурса может быть ограничено уже избирательной кампанией, на ход которой администрация может влиять практически безнаказанно, не рискуя подвергнуться серьезным обвинениям в нарушении закона. Иное дело – день голосования. Здесь любое нарушение рассматривается как преступление, заслуживающее судебного преследования и народного

гнева. Желание «подстраховаться» со стороны влиятельных лиц путем фальсификации процесса голосования порой выглядит просто неумно.

А вскоре после выборов мы обратились к населению со следующим вопросом: *«Как Вы считаете, на выборах мэра Воронежа, прошедших 8 сентября 2013 года, использовали или не использовали власти так называемый "административный ресурс", то есть незаконными методами помогли выиграть одному из кандидатов?»* (опрос проходил 16 сентября 2013 года). Таким образом мы получили возможность сравнить довыборные и поствыборные оценки ситуации (график 1.).

График 1

Оказалось, что ожидания в отношении использования административного ресурса властями были завышенными. Так, за три недели до выборов **69%** воронежцев ожидали, что незаконные методы будут применяться для поддержки кандидата от власти. Но спустя две недели после выборов число воронежцев, считающих, что пресловутый ресурс был использован, сократилось до **51%**. То есть **18%** горожан подтвердили, что их опасения оказались напрасными.

И напротив, выросло число граждан, убедившихся, что незаконные методы в пользу кандидата от власти не применялись. В августе их насчитывалось **21%**, а после выборов – **32%**.

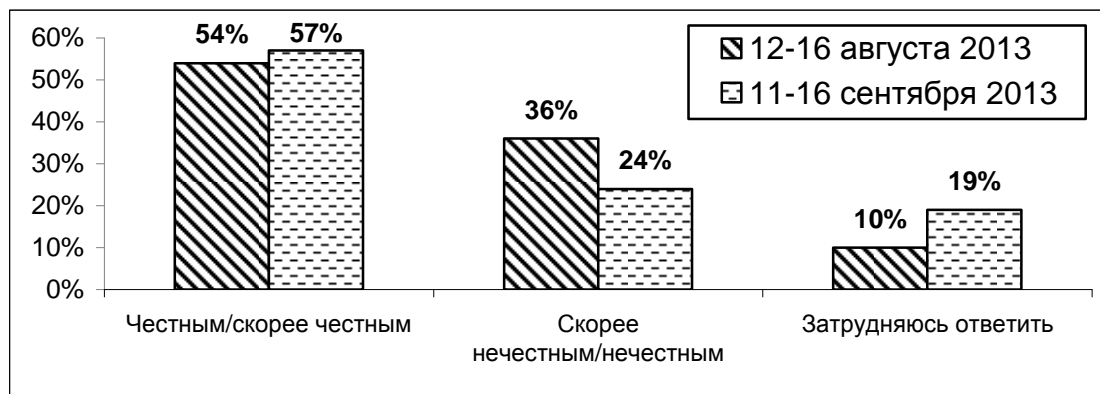
Ожидания населения формируются на основе предыдущего опыта. Если последующий опыт их не оправдывает, то сами ожидания изменяются. Если административный ресурс перестанет быть главным аргументом власти, вера населения в честность выборов будет расти.

Кроме того, в августе 2013 года, воронежцы отвечали на вопрос: *«Как Вы считаете, сам процесс голосования и подсчета голосов в целом будет честным, или не честным?»*. Процесс голосования и подсчета голосов должен быть честным – иначе он превращается в абсурд. Большинство воронежцев (**54%**) в преддверии выборов надеялись на то, что эти конечные процедуры будут проводиться честно, без фальсификации. Подозревали обратное **36%** горожан, предполагая, что на последнем этапе может быть допущен обман избирателей.

Этот же вопрос мы задали воронежцам спустя пару недель после выборов: *«Как Вы считаете, сам процесс голосования и подсчета голосов в целом был честным, или не честным?»*. Таким образом можно было сравнить прогноз и «диагноз» (см. график 2).

График 2.

Как Вы считаете, сам процесс голосования и подсчета голосов в целом будет/был честным, или не честным?

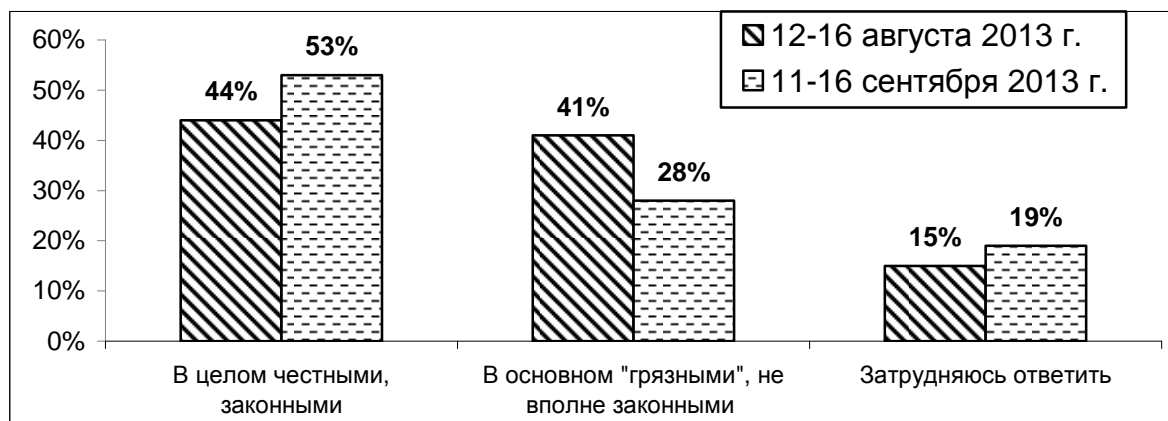
Прогноз жителей Воронежа по преимуществу был положительным, то есть люди в большинстве своем (54%) верили, что голоса будут подсчитываться честно. После выборов 57% воронежцев удостоверились в честности подсчета голосов. И напротив, 36% горожан до выборов не исключали возможности фальсификации в процессе подсчетов. После выборов число таких людей сократилось до 24%. Иными словами, среди тех, кто подозревал власть в фальсификации процесса голосования, 12% опрошенных разуверились в своих подозрениях. То есть признали ошибочность своего образа власти. Вообще-то заблуждения не рассеиваются за один месяц. Эта разница в ответах до и после выборов лишь свидетельствует о том, что оценки образа власти занижены по отношению к реальности.

Ещё один вопрос в августе звучал так: «Как Вы считаете, какими будут предстоящие выборы мэра Воронежа?». По поводу честности предстоящих выборов мнение народа за три недели до выборов разделилось: 44% населения не сомневались в честности и законности будущих выборов мэра, тогда как 41% горожан считали, что они будут в основном «грязными», осуществляться с применением не вполне законных технологий. Чем моложе респонденты, тем чаще они верили в законность предстоящих выборов. Если среди пожилых людей такую веру разделяли только 38% опрошенных, то среди молодежи – 50%.

Затем этот вопрос прозвучал 16 сентября: «Как Вы считаете, какими были прошедшие 8 сентября 2013 года выборы мэра Воронежа?». Ответы населения на этот вопрос до и после выборов представлены на графике 3.

График 3

Как Вы считаете, какими были прошедшие 8 сентября 2013 года выборы мэра Воронежа?

Общее впечатление воронежцев: выборы оказались более честными, чем ожидалось. До выборов **44%** избирателей надеялись на их законность, а по итогам **53%** признали, что нарушений не было. До выборов **41%** горожан терзались смутными сомнениями в честности выборов, а после выборов число сомневающихся сократилось до **28%**, то есть почти вдвое! Доверие народа – неплохой задел для будущих выборов губернаторов, которые, как известно, состоятся в 2014 году.

В образе власти оценки населения явно занижены по отношению реальности. Они занижены априорно, то есть часть населения заранее не верит власти, подозревая её в нечестности.

Некоторые негативные характеристики образа власти распространены в обществе в качестве стереотипов. Например, стойкое убеждение населения о связи представителей власти с дельцами теневой экономики способствует формированию стереотипа о коррумпированности местной власти (28% воронежцев считают, что реальная власть в городе принадлежит мафии и дельцам теневой экономики, опрос проведен ИОМ «Квалитас» в декабре 2010 года).

Когда мы говорим, что коррупция – это *стереотип* в образе власти, мы хотим сказать, что это убеждение, не всегда есть результат взаимодействия с представителями власти, а относится к области своего рода априорных представлений о власти. Коррупция существует как реальность, но в масштабах её распространения население может заблуждаться.

Для удостоверения в наличии или отсутствие коррупции в органах власти необходим процесс взаимодействия с ней. Но (получается замкнутый круг) взаимодействию с властными структурами препятствует убеждение населения в том, что все представители органов власти (чиновники) коррумпированы, о чем свидетельствуют результаты социологических опросов населения города Воронежа. В целом 71% воронежцев убеждены в значительной степени распространённости коррупции среди воронежских чиновников. Безусловно, этот фрагмент реального образа власти не может служить свидетельством действительных масштабов распространения коррупции. Но этот стереотип снижает доверие к власти в лице её представителей, даже если бы они были кристально честны.

Показательно, что клеймом коррупции население отмечает различные органы власти в разной степени. Так, на вопрос: «Могли бы Вы назвать те органы власти где, на Ваш взгляд, коррупция приобрела особо крупные размеры?», воронежцы прежде всего указывают на *правоохранительные органы* – 42%,. Затем следуют *областная администрация* – 25%, *городская администрация* – 15%, *областная Дума* – 12%, *районные администрации* – 4%, *Муниципальный совет* – 1%. Как ни парадоксально, но более других, по мнению воронежцев, оказались коррумпированными правоохранительные органы – именно те, которые и должны искоренять коррупцию. Особо следует отметить, что высказывания о коррумпированности властных и невластных структур распределены пропорционально известности об их существовании респондентам. То есть люди при ответах руководствовались принципом: *чем важнее и известнее местный орган власти, тем он коррумпированнее*. Это явный признак стереотипного мышления с элементами иерархии, которое зачастую выстраивает образ власти, искаженным по отношению к действительности. Иерархичность является структурной характеристикой любого образа власти в России

Соответственно этому образу власти формируется отношение к акторам власти, о чем свидетельствуют ответы горожан на вопрос: «Как бы Вы расценили людей, находящихся сейчас у власти?» Большинство населения (**64%**) считает, что власть состоит из людей, озабоченных только своим материальным и карьерным благополучием. Образ власти включает стереотип в форме расхожего мнения: «сегодня честных людей во власти нет». С ним согласны 65% воронежцев. Готовы оспорить это утверждение лишь 28% горожан. Отрицание большинством населения наличия честных людей во власти свидетельствует о негативном образе власти, который вовсе не обязательно соответствует реальности.

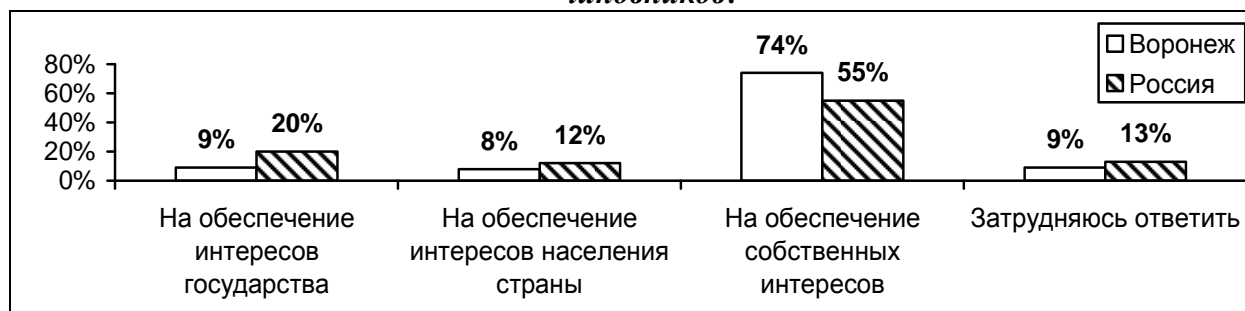
Слово «власть» зачастую воспринимается населением как способ хорошо устроиться за счет народа. В СМИ непрерывным потоком муссируются случаи нечестности, коррупции, непорядочности тех или иных чиновников. Так формируется заниженная оценка образа власти в глазах населения.

Вообще, политика постепенно эволюционирует в сторону зрелища, и, соответственно, начинает преподноситься СМИ по всем законам интерактивного шоу, в котором зритель может поучаствовать в качестве избирателя. А для того, чтобы шоу оказалось интересным, зрителям нужны страсти, разоблачения, скандалы, эмоции, «клубничка». Поэтому представителей власти «раздевают», вынося на суд общества все их грехи и пороки. Так формируется реальный образ власти, который является негативным и отмеченным существующими в обществе стереотипами. В числе существующих стереотипов необычайно распространены следующие: «власть недоступна» (в частности, представители её – чиновники); а если обратишься в органы власти, «будут посылать от двери к двери, не сказав ничего конкретного»; в любом случае «от власти помощи не дождешься» или «придется ждать годами» и проч.. Само слово «чиновник» стало негативным стереотипом в глазах населения.

Согласно результатам социологических опросов, почти три четверти населения Воронежа (74%) убеждены в том, что чиновники работают вовсе не в интересах страны и общества, а, напротив, ставят во главу угла свои собственные интересы. Мнение воронежцев не сильно отличается от мнения остальных жителей России. На графике результаты опроса ИОМ «Квалитас» в Воронеже и Аналитического центра Юрия Левады по России в целом (оба опроса проведены в октябре 2007 года, см. график 4).

График 4

На что в основном направлена сейчас деятельность высших государственных чиновников?

Хотя и большинство россиян (55%) также разделяют мнение о приоритетности для чиновников личных интересов над всеми остальными, мнение жителей Воронежа о чиновниках на фоне более лояльных к ним жителей России выглядит сугубо негативно.

На нижних «этажах» работает образ власти, согласно традиционной для России схеме: «хороший царь – плохие слуги». Так, в ответ на вопрос: «Как Вы считаете, что в наибольшей степени препятствует мэру Воронежа конструктивно работать?» - воронежцы обвиняют, прежде всего, чиновников. Некоторая реабилитация плохой работы правителя любого уровня происходит за счет того, что население перекладывает ответственность с руководителей на исполнителей («хороший царь, плохие слуги»).

Доступность и отзывчивость власти являются важными характеристиками образа власти. В картине «Ходоки у Ленина» идеологической основой является именно **доступность** в качестве оценочной характеристики образа власти. Доступность власти сопряжена с персонификацией власти. Антонимом «доступности власти» является «недоступность»

Этой теме посвящено было отдельное исследование, проведенное Институтом общественного мнения «Квалитас», которое проводилось по заказу Центрально-

черноземного Центра Защиты Прав СМИ (г.Воронеж, 2004 г.). В исследовании отражены характер и плоды взаимодействия населения города Воронежа с различными органами местной власти и их представителями.

В качестве метода проведения исследования был использован опрос населения города Воронежа методом личного интервью. Всего было опрошено 1233 человека по репрезентативной для г.Воронежа выборке. Кроме того, были опрошены 20 экспертов - представителей власти, работающих в различных государственных учреждениях.

В число исследовательских задач входило выяснение того, как часто население обращается к чиновникам и каковы результаты подобных обращений, как они влияют на формирование реального образа власти в глазах населения.

Оказалось, что подавляющее большинство населения не обращается в органы власти и госучреждения ни за помощью (66%), ни за информацией (84%). Особенно редко (2-5%) обращаются граждане за помощью или за информацией в органы исполнительной власти различного уровня (от районной до областной администрации) и в правоохранительные органы (5%). Не обращаются именно в силу расхожего мнения о том, что органы власти во-первых, не доступны, во-вторых, обращение в органы власти не дает каких-либо ощутимых результатов, т.е. не отзывчивы.

О масштабах сомнения населения в эффективности такого шага свидетельствуют результаты опроса: 72% воронежцев уверены, что их будут «посылать от двери к двери», не сказав ничего конкретного. 9% полагают, что им просто будет отказано в информации. И лишь 7% горожан считают, что их запрос будет с готовностью принят и быстро удовлетворен

График 5

«Что ждет человека, обратившегося за информацией в какие-либо государственные органы или учреждения?»

Очевидно, что большинство опрошенных опасается даже не отказа в информации, а простой «волокиты». Последнее, кстати, может быть связано с тем, что люди, приходящие за консультацией часто толком сами не знают, куда именно им нужно обратиться по данному поводу. Поэтому их и направляют от «двери к двери».

В целом же выходит, что 93% населения не надеются получить в результате обращения в государственные органы или учреждения какой-либо положительный результат. Поэтому,

естественно, обращаются лишь в тех случаях, когда не видят другого выхода, то есть достаточно редко.

Но насколько оправдано такое народное мнение относительно безнадежности перспектив встречи с чиновничьим аппаратом? Чтобы разобраться в этом, обратимся к результатам опроса.

Прежде всего, результаты опроса свидетельствуют, что чиновников никак нельзя назвать «недостижимыми»: 71% пришедших в государственное учреждение посещает чиновников беспрепятственно, 23% - после преодоления определенных трудностей. И лишь 1,3% не смогли пройти дальше вахтера. Иными словами, первый стереотип о недостижимости власти оказался развеян результатами опроса. Люди считают чиновников недоступными, потому что не пытаются к ним обратиться. Образ недостижимого представителя власти реален в глазах населения, но он не соответствует действительности (или соответствует в пределах 1% случаев).

Но войти в государственное учреждение и попасть на прием к чиновнику – это ещё полдела, главное же – получить просимое.

В среднем за помощью в различные структуры приходит 34% города. Если принять за 100% всех горожан, которые обращались за помощью, то оказывается, что больше половины (51%) из них, эту помощь получили. Правда, при этом почти половине обратившихся (48%) было отказано (см. график 6).

График 6

Можно видеть, что количество отказов практически уравнивается положительным решением. Таким образом, обращаясь в органы власти за помощью, следует учитывать, что шанс её получить составляет 50/50. А население считает, что шанс получить помощь или информацию составляет 7(за)/93(против).

Если принять за 100% общее количество обращений за информацией, то получается, что 63% этих запросов удовлетворяются, причем в полном объеме. Ещё 24% обращений за информацией удовлетворяются, хотя и не в полном объеме. И 13% - не удовлетворяются вовсе (см. график 7).

График 7

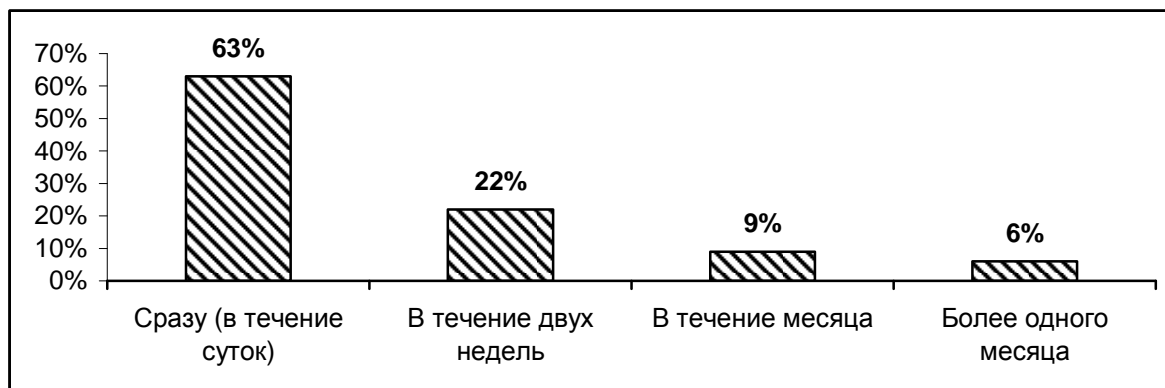
Очевидно, что мнение тех, кто приходил в государственные учреждения за информацией или помощью, сильно отличается от общего представления населения по поводу трудностей получения информации. Большинство (63%) из обратившихся за информацией, как показывают результаты опроса, получили её в полном объеме.

Результаты исследования свидетельствуют, что представления населения о бесперспективности обращения во властные органы не соответствует реальному положению дел. Можно сделать вывод о наличии негативного стереотипа, сложившегося у населения по отношению к чиновничьему аппарату. Стереотип «от власти помощи не дождешься» соответствует действительности лишь на 48%, если говорить об оказанной помощи и на 13%, если говорить о полученной посетителями информации.

В проблеме получения информации не последнее место занимает такой фактор как оперативность её предоставления. Ведь можно так затянуть с ответом, что в нем просто отпадет необходимость. Не случайно это обстоятельство оговорено законом: чиновники обязаны предоставить населению запрашиваемую информацию в течение месяца.

График 8

Через какое время Вы получили запрашиваемую информацию?

Надо отметить, что 63% людей, чей запрос на информацию удовлетворен, получают ее сразу, т.е. в течение суток (см. график 8). Около месяца (что, кстати, является максимальным сроком предоставления информации) приходилось ожидать запрашиваемую информацию лишь 9% обратившихся людей. Но некоторым 6% приходилось дожидаться своей

информации и более месяца, что является уже нарушением законодательства со стороны чиновников.

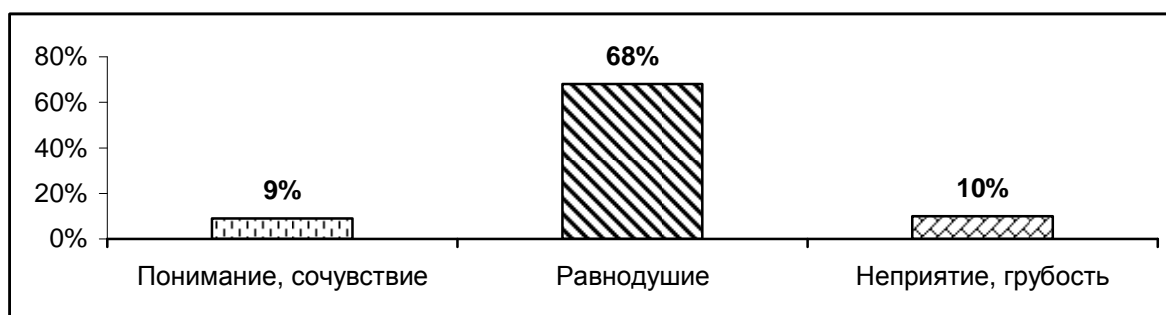
Напомним, что большинство населения (72%) считает, что обратиться они в органы власти, начнется «волокита», их будут бесконечно гонять от двери к двери, не сказав ничего конкретного. Но, а какой «волоките» может идти речь, если в реальных обращениях граждан большинство запросов (63%) удовлетворялось сразу же?

Оказывается, что *образ местной власти*, распространенный среди населения Воронежа, не соответствует действительности. То есть население думает о местной власти хуже, чем она есть на самом деле. Реальное положение дел во властных структурах лучше, чем *образ власти*, укорененный в общественном мнении.

Исследование выявило, что обращение к власти за помощью или за информацией оказалось далеко не столь безнадежным делом, как это представляется большинству населения. В *образе власти*, бытующем среди населения, присутствуют неоправданные негативные ожидания по отношению к власти и её представителям. Люди при попытке реализации своих интересов в коридорах власти априорно ждут от чиновников ранящих их самолюбие действий.

График 9

Какое отношение к посетителям, по Вашему мнению, характерно для чиновников – работников органов власти и госучреждений?

По мнению большинства населения Воронежа (68%), чиновники относятся к посетителям *равнодушно* (см. график 9). *Неприятие* и *грубость*, которые приписывают чиновникам 10% опрошенных практически уравнивается числом воронежцев (9%), которые думают, что для чиновников характерны *понимание* и *сочувствие*. Но надо отметить, что это общее мнение горожан: как тех, кто имел опыт взаимодействия с властью, так и тех, кто никогда не обращался в органы власти. Таким образом, большинство характеризует отношение чиновников к посетителям, не основываясь на личном опыте. Тем не менее, часто респонденты апеллировали к здравому смыслу, отвечая, что поведение чиновника зависит от его личных качеств как человека. Некоторые опрошенные усматривали в поведении чиновника поиски личной выгоды, другие говорили, что все чиновники «хитрые», третьи были убеждены, что чиновникам характерны «непонимание» и «неуважение» к посетителям. И все же иногда участники опроса оставляли эмоции и вполне рассудительно резюмировали, что поведение чиновника может зависеть и от характера просьбы – иногда её просто невозможно удовлетворить, а иногда она заявлена не по адресу. А отказы в информации сами опрошенные чиновники объясняли вполне объективными причинами: закрытостью такого рода информации, не соответствием запроса действующему законодательству, коммерческой тайной и проч.

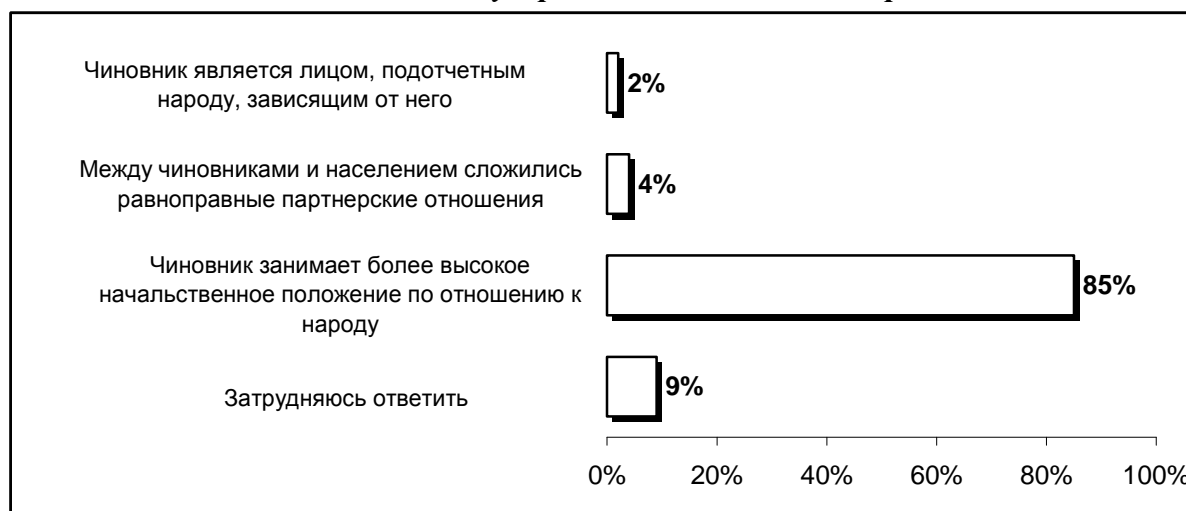
Необходимо отметить, что отношение к госслужащим меняется в зависимости от личного опыта общения с ними. Те люди, которым была оказана помощь, в пять раз чаще склонны считать чиновников отзывчивыми и сочувствующими людьми (21%), чем те, кому

было отказано (4%). А «отказники» чаще убеждены, что чиновники – грубые и неуважительные к посетителям люди (16%).

В демократической теории взаимоотношения «власть – народ» подразумевают, что чиновники – это представители народа. Иначе говоря, чиновники были временно «наняты» на определенную должность. А это в свою очередь означает их подотчетность перед своими «нанимателями» и зависимость от них. Но результаты опроса свидетельствуют, что теоретические постулаты демократии плохо усвоены населением, которое вовсе не считает, что чиновник зависит от народа. Наоборот, при посещении государственного учреждения испытывает беспомощность и полную зависимость от чиновника.

График 10

Как можно охарактеризовать сложившиеся на сегодняшний день взаимоотношения населения и чиновников государственных и местных органов власти?

Демократическая концепция, согласно которой представитель власти является слугой народа, не стала органичной для населения. Только **2%** воронежцев разделяют мнение, что чиновники являются лицом, подотчетным народу, зависящим от него (см. график 10). Подавляющее большинство опрошенных (**85%**) характеризует сложившиеся взаимоотношения чиновников и населения совсем «не демократично», считая, что чиновник занимает более высокое начальственное положение по отношению к народу. Ближе к демократической схеме расположены представления **4%** воронежцев, которые оценивают сложившиеся взаимоотношения между представителями власти и населением как равноправные, партнерские.

Очевидно, сложившийся стереотип восприятия чиновника как начальника является существенным психологическим препятствием для обращения к этому самому чиновнику населения, поэтому большинство воронежцев предпочитает не обращаться к представителям власти ни за помощью, ни за информацией, заранее считая, что ему будет отказано. Стереотип отчужденности власти, «глухоты» чиновничьего аппарата к нуждам народа прочно укоренился в общественном мнении.

Формированию подобных стереотипов способствуют, во-первых, посетители, которым было отказано (но их не так много, как представляется населению), во-вторых, сами чиновники, некоторые из которых действительно соответствуют негативным стереотипам (судя по результатам опроса, именно некоторые, но далеко не все), в третьих средства массовой информации. Дело в том, что идя во власть, нужно быть готовым к тому, что журналисты вынесут грязное белье на общее обозрение, а поэтому упомянутое белье следует держать в чистоте. Это не всегда удается нынешним представителям власти, что

способствует формированию негативных стереотипов и увеличивает пропасть между властью и народом.

Исследование показало, что граница между населением и чиновниками, чиновниками и журналистами создаётся общими усилиями противоположных сторон. Зачастую такая граница имеет эфемерный характер, и относится к области психологических явлений, а не реальных препятствий. Помимо этого помехой в налаживании нормальных контактов с чиновниками является низкий уровень обоюдного правосознания, культуры общения, взаимный непрофессионализм, а также банальное незнание законов и собственных прав. Последнее утверждение в большей степени относится к населению. Выход из данной проблемы заключается не только в повышении образовательного уровня, строгой регламентации, соблюдении закона.

Для достижения легитимности власти среди россиян политикам необходимо быть честными и соблюдать морально-этические нормы, быть своего рода образцом для подражания. Народ готов доверять той власти и её представителям, морально-этические качества которых заданы набором христианских ценностей, в число которых входит жертвенность, а значит, умение ставить интересы других выше собственных интересов. «Кто хочет быть среди вас первым, да будет вам слугой». Власть воспринимается народом персонифицировано, и личные качества представителей власти сканируются населением с особым пристрастием. И все же этого не достаточно. Не достаточно представителям власти быть честными, жертвенными, великодушными и т.п. Негативное информационное поле способно очернить и честных людей во власти, что доказывают существующие стереотипы. Нужно осознавать, что нынешний образ власти не справедлив, он не соответствует реальности, он априори окрашивает в черные тона все персональные характеристики представителей власти. Он, если так можно выразиться, играет на понижение. В любой идее есть своя динамика внутренней логики развития, которая служит чем-то вроде «мотора» [4, С.8] (термин Ионина), и движет общество в соответственном направлении.

Образ власти и соответствующие стереотипы есть плод общественного сознания, которое крайне инертно. Борьба с ним с помощью тех санкций, которыми располагает власть, невозможно и неэффективно. Но его можно исподволь менять, хотя это трудный и очень медленный процесс. Необходимы специальные усилия (комплекс мер), направленные на повышение доверительного отношения населения власти. Если оценочные характеристики в образе власти продолжают понижаться, и будет расти разрыв между представлением о власти и *реалиям социальных взаимодействий в системе властных отношений*, то такое общество чревато нестабильностью. И экономические успехи не смогут противостоять негативным стереотипам в общественном сознании, потому что, согласно теореме Томаса, если ситуация мыслится как реальная, то она становится реальной в своих последствиях.

Библиографический список

1. **Ольденбург, С.** Царствование Николая II / С. Ольденбург. – М.: Изд-во: Астрель, 2005.
2. **Фуко, М.** «Интеллектуалы и власть» / М. Фуко. - М.: Праксис, 2002.
3. <http://www.qualitas.ru/bulletin>
4. **Ионин, Л.Г.** Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л.Г. Ионин. - М.: Логос, 2000.

УДК 3.07:004

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

Доктор филологических наук, заведующая кафедрой «Связи с общественностью»

Н. Н. Скрипникова.

Россия, г. Воронеж, тел. 8(920)2291525;

e-mail: nnsinn@mail.ru

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Аспирант Н. С. Скрипникова.

Россия, г. Москва, тел. 8(980)5533053;

e-mail: frankii@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.

The Doctor of Philology, managing Public Relations Chair,

N. N. Skripnikova

Russia, Voronezh, ph. 8(920)2291525,

e-mail nnsinn@mail.ru

Russian Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Post graduate student N. S.Skripnikova.

Russia, Moscow, ph. 8(980)5533053;

e-mail: frankii@mail.ru

Н. Н.Скрипникова, Н. С.Скрипникова

**КОММУНИКАТИВНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ЕДИНИЦЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСТРАНСТВА СФЕРЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Недооценка экономической значимости уже созданных государственных информационных ресурсов, отсутствие ориентации создаваемых органами власти информационных ресурсов на массовое информационное обслуживание населения по вопросам, связанным с деятельностью государственных и муниципальных органов власти, отсутствие координации создания федеральными и региональными органами государственной власти информационных фондов и баз данных о юридических и физических лицах и правоотношениях между ними – все это отрицательно отражается на полноте и актуальности деятельности властных структур. Внедрение инновационных информационно-коммуникационных технологий позволяет повысить эффективность взаимодействия граждан и организаций с органом государственной власти.

Ключевые слова: коммуникация, информационные технологии, информационное общество, государственное управление, государственная служба, информационная политика.

N. N.Skripnikova, N. S.Skripnikova

**COMMUNICATIVE AND INFORMATION TECHNOLOGIES AS UNITS OF RESEARCH
INFORMATION POSTRANSTVA OF THE SPHERE OF PUBLIC ADMINISTRATION**

Underestimation of the economic importance of already created state information resources, lack of orientation of information resources created by authorities on mass information service of the population on the questions connected with activity of these bodies, lack of coordination of creation by federal and regional public authorities of information funds and databases about legal entities and individuals and legal relationship between them – all this is negatively reflected in completeness and relevance of activity of power structures. Introduction of innovative information and communication technologies allows to increase efficiency of interaction of citizens and the organizations with public authority.

Key words: communication, information technologies, information society, public administration, public service, information policy.

В настоящее время мы являемся свидетелями становления глобальной информационной индустрии, которая переживает период технологической конвергенции, организационных слияний, законодательной либерализации. Стратегия государства в отношении гражданского общества, реализуемая в деятельности служб коммуникативно-информационных органов государственной власти, проявляется, прежде всего, в определенной информационной политике. В настоящее время она приобрела огромное

значение в деятельности органов государства, что обусловлено вступлением человечества в новую фазу развития – информационное общество.

Специалисты отмечают следующие проблемы современного российского информационного общества: отсутствие ориентации создаваемых органами власти информационных ресурсов на массовое информационное обслуживание населения по вопросам, связанным с деятельностью этих органов; отсутствие законодательных механизмов регулирования правовых отношений в области государственных информационных ресурсов; отсутствие координации создания федеральными и региональными органами государственной власти информационных фондов и баз данных о юридических и физических лицах и правоотношениях между ними. Это отрицательно отражается на полноте и актуальности этих ресурсов и приводит к значительному дублированию работ по их созданию и ведению; недооценка экономической значимости созданных государственных информационных ресурсов. Следствием этого является неполнота, а нередко и полное отсутствие бухгалтерского учета этих ресурсов в организациях и на предприятиях. Полного реестра созданных и действующих в стране государственных информационных ресурсов пока нет.

Решение перечисленных проблем требует выработки общегосударственных, согласованных решений в области управления государственными информационными ресурсами на основе четко сформулированной государственной информационной политики. Перечислим функции государства в области управления информационными ресурсами: создание первичных и производных информационных массивов и продуктов, необходимых для выполнения всего комплекса задач государственного управления и реализации конституционных прав граждан на доступ к информации; надежное хранение и защита информационных ресурсов; эффективное использование информационных ресурсов в деятельности органов власти и государственных учреждений; обеспечение свободного доступа граждан и организаций к информационным ресурсам в соответствии с Конституцией и действующим законодательством Российской Федерации. В соответствии с общей структурой государственного управления, можно выделить следующие уровни управления государственными информационными ресурсами: федеральный уровень; региональный уровень (субъекты Российской Федерации); локальный уровень (организации и предприятия).

Рассмотрим общие вопросы оценки эффективности внедрения информационных технологий государственного и муниципального управления. Эффективность функционирования системы государственного управления может быть определена по следующим направлениям: взаимодействие с гражданами и предприятиями (G2B, G2C); внутренняя работа учреждения (B2B); взаимодействия органов власти между собой (G2G).

Внедрение информационно-коммуникационных технологий позволяет повысить эффективность взаимодействия граждан и организаций с органом государственной власти. Достоверная, оперативная, полная и актуальная информация о деятельности органов власти размещается на веб-сайте. Это позволяет существенно упростить гражданам процесс поиска требуемой информации, снизить затраты времени государственных служащих на разъяснения, а также уменьшить количество ошибок. В современном постиндустриальном обществе информация становится стратегическим ресурсом, а информационные технологии являются одним из инструментов повышения эффективности государственного и муниципального управления. В настоящее время наиболее активно развиваются технологии управления бюджетной, налоговой системами, технологии государственных информационных порталов, реализующих взаимодействие граждан и органов управления через компьютерные сети, технологии накопления информации в единых государственных базах данных, технологии муниципальных информационных систем, информационных систем жилищно-коммунальной сферы (в направлении создания единых расчетно-кассовых

центров), геоинформационных систем (в направлении создания земельных и городских кадастров), электронного документооборота.

Внедрение информационных технологий в сферы государственного и муниципального управления является задачей стратегической важности. Именно поэтому разработана, утверждена и выполняется федеральная целевая программа «Электронная Россия», отражающая основные направления информатизации государственного управления. В данном контексте необходимо рассмотреть общие вопросы оценки эффективности внедрения информационных технологий государственного и муниципального управления в целом и реализации федеральной целевой программы «Электронная Россия», в частности. Стратегия государства в отношении гражданского общества проявляется прежде всего в определенной информационной политике. В настоящее время она приобрела огромное значение в деятельности органов государства, что обусловлено вступлением человечества в новую фазу развития – информационное общество. Преобладающей тенденцией развития мирового сообщества в конце XX в. является интенсивный переход к новому типу общества – открытому информационному обществу. Революционные изменения в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) обуславливают тот непреложный факт, что информация, информационные процессы и обеспечивающие их ИКТ сегодня играют определяющую роль во многих сферах деятельности общества и государства. В ближайшие годы информационное общество для одних стран станет реальностью, а для других, в том числе и для России, – ориентиром развития. Информационные процессы оказывают существенное влияние не только на экономическое, социальное, политическое, научно-техническое и культурное развитие общества, но и на изменение мировоззрения людей, морально-психологические и поведенческие аспекты их жизнедеятельности, государственное устройство и функционирование государственного механизма, в целом на инфраструктуру межличностных, общественных, внутри- и межгосударственных отношений. Информационно-коммуникативная сфера становится одним из важнейших объектов государственного управления, а ее регулирование в индустриально развитых странах признано не только актуальной, но и приоритетной задачей государственного управления.

Новые информационные и телекоммуникационные технологии позволяют расширить права граждан, предоставляя доступ к разнообразной информации; дать гражданам возможность участвовать в принятии политических решений и контроле над деятельностью государственной власти; они предоставляют возможность активно производить информацию, а не только ее потреблять; обеспечить защиту частной жизни и т.д. Для того чтобы общество и государство развивались без социальных взрывов и потрясений, необходимо, чтобы общество адекватно реагировало на прямые регулирующие воздействия власти и адаптировалось к условиям и правилам развития, определяемым этими воздействиями. Для формирования соответствующего морально-психологического, нравственного и эмоционального состояния общества система органов власти должна постоянно осуществлять дополнительное информационное взаимодействие с обществом, публично разъясняя свои решения и действия, а общество, его институциональные структуры и отдельные граждане должны иметь возможность открыто выражать свое коллективное и личное отношение к решениям и действиям власти. Для того чтобы в России сформировалось и устойчиво развивалось демократическое гражданское общество, необходимо, чтобы общественные структуры и каждый гражданин могли оперативно получать достоверную и объективную информацию по всем интересующим его вопросам жизнедеятельности системы «общество – власть» и свободно обмениваться информацией.

«Электронное правительство» – это новая система внутренних и внешних отношений государственных организаций на основе использования возможностей Интернета, информационных и телекоммуникационных технологий с целью оптимизации предоставляемых услуг, повышения уровня участия общества в вопросах государственного управления и совершенствования внутренних процессов [1].

Инфраструктурой электронного правительства являются интегрированные государственные информационные ресурсы в сочетании с развитой системой информационных служб, обеспечивающей гражданам регламентированный доступ к этим ресурсам. Реализация концепции электронного правительства предполагает решение следующих основных задач.

1. Создание официальных сайтов в Интернете и их наполнение актуальной официальной информацией. К обязательной информации относится (судя по содержанию подобных сайтов других стран) общая, справочная и контактная информация государственных учреждений, статистика, сообщения о событиях в стране, законы и нормативные акты, правительственные отчеты, содержимое государственных архивов.

2. Создание интерактивных служб, позволяющих упростить процедуры взаимодействия государства с гражданами, обеспечить максимально комфортные условия для обращения в государственные учреждения. Среди таких служб, развиваемых во многих странах, можно выделить составление и подачу налоговых деклараций, оплату счетов, подачу заявлений, электронные торговые площадки для проведения государственных закупок.

3. Создание эффективной системы обратной связи с гражданами. Это так называемые электронные почтовые ящики для обращений граждан, открытые и закрытые Интернет-форумы, системы голосования и социологических опросов.

Для реализации концепции электронного правительства необходимо соблюдение ряда принципов: высокое качество информации, размещенной в Интернете, в сочетании с ее доступностью для любых категорий граждан; служащих; тесное взаимодействие между органами государственного и муниципального управления, предпринимателями в сочетании с простотой его правил. Поэтому должны быть созданы общенациональные стандарты межведомственного взаимодействия и информационного обмена.

В рамках исследуемой темы нами был проведен анализ информационной системы «Портал Воронежской области в сети Интернет», который был открыт в 2007 году. В 2010 году была разработана мобильная версия, доступная в сети по адресу <http://www.govvrn.ru>. Портал является системой, представляющей собой совокупность информации и программных средств, обеспечивающих поиск, хранение, обработку и предоставление информации с помощью современных информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. Портал предназначен для объединения и модернизации существующих Интернет-ресурсов органов государственной власти Воронежской области с одновременным расширением их информационных и функциональных возможностей. Внедрение Портала является практической мерой по обеспечению информационной открытости, прозрачности и эффективности деятельности органов государственной власти Воронежской области. На сайте отражены ключевые направления деятельности Правительства области, среди них социально-экономическая сфера, привлечение инвестиций, реализация национальных проектов, федеральных и региональных целевых программ, кроме того, содержатся данные о международных внешнеэкономических связях области, о государственном заказе. На сайте отражена структура и взаимосвязь всех органов государственной власти, а также реализована обратная связь с гражданами посредством электронного обращения в приемную губернатора. Кроме того, на сайте размещены общие сведения о Воронежской области: символика, достопримечательности, города-побратимы, имена великих людей, прославивших этот край. Для детей создан детский путеводитель, рассказывающий о Воронежской земле самым маленьким посетителям сайта.

По результатам мониторинга сайтов российских государственных структур, которые оцениваются по 300 параметрам, в том числе и с точки зрения полноты, актуальности, доступности размещенной информации сайт Правительства Воронежской области имеет коэффициент информационной доступности более 40 %. Наивысшие баллы сайт получил по нескольким параметрам: удобство навигации, наличие карты портала; подробный

перечень подведомственных органов, с указанием их функциональных обязанностей, структуры, руководящего состава и текстами основных документов, включая планы работы, анонсы и итоги заседаний; наличие возможности обратной связи (почтовый адрес и номер телефона государственного органа, адрес электронной почты для направления запросов, номера справочных телефонов для получения информации о приеме и рассмотрении обращений, возможность отправления обращений с сайта); наличие текстов проектов нормативно правовых актов и пояснительные записки к ним; отображение местонахождения пользователя в иерархической структуре сайта; наличие на каждой странице основного навигационного меню; указание форматов и размеров документов, доступных для загрузки с официального сайта; регистрация официального сайта государственных органов на основных поисковых системах (Yandex, Google); отсутствие необходимости регистрации на сайте для доступа к сервисам с предоставлением персональных данных пользователя. Наименьшие баллы сайт получил за: описание полномочий каждого из членов высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ; перечень и состав координационных и совещательных органов; описание порядка приема обращений физических и юридических лиц в госорган по общим вопросам, а также перечень текстов нормативных правовых актов, регулирующих порядок приема запросов. На сайте отсутствует информация по следующим параметрам: описание компетенции руководителей госорганов; протоколы заседаний, описание решений и отчеты о работе координационных и совещательных органов; тексты официальных выступлений, заявлений руководителей и заместителей госорганов; анонсы и материалы заседаний, повестки дня, доклады и стенограммы заседаний высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, отчеты о его деятельности; описание порядка участия граждан, представителей организаций, общественных объединений, государственных органов и органов местного самоуправления в заседаниях высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ; описание порядка обжалования нормативных правовых актов высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ; тексты судебных постановлений, вынесенных по делам о признании недействующими нормативных правовых актов высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ; обзор обращений физических и юридических лиц в госорганы; описание порядка и сроков рассмотрения госорганом обращений физических и юридических лиц по общим вопросам, в том числе с запросом о предоставлении информации; сведения об использовании бюджетных средств высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ; обозначение времени и даты размещения и изменения информации, размещаемой на официальном сайте; наличие функции «версия для печати»; ведение учета посещаемости сайта; отсутствие рекламы (в том числе и скрытой) физических или юридических лиц, товаров, работ, услуг на официальном сайте.

Согласно опросу 300 слушателей ВФ РАНХ и ГС при Президенте РФ в 2013 году, сайт Правительства Воронежской области нуждается в модернизации. Несмотря на ряд положительных характеристик, в нем присутствует существенные недоработки, осложняющие работу с порталом.

Среди положительных характеристик сайта участники опроса отметили:

- удобная навигация (портал оснащен системой быстрого поиска данных, картой, отличается удобным расположением информационных блоков) - 25%;
- концентрация большого количества информационных ресурсов на портале – 29%;
- актуальная информация – 33%;
- наличие версии портала на английском языке – 1%;
- единообразие оформления – 9%.

Критическая оценка:

электронного правительства Воронежской области предполагается оказание государственных услуг в электронном виде. На данный момент такие услуги оказываются управлением ЗАГС Воронежской области, управлением федеральной миграционной службы и архивным делом Воронежской области – 15,5%;

- насыщенности сайта вкладками и ссылками. Не всегда есть возможность быстрого доступа к информации за минимальное количество кликов - 31%;
- отсутствуют опросы общественного мнения по интересующим вопросам, не создается эффекта заинтересованности власти в жизни общества, отсутствует возможность комментирования документов и новостей – 53%;
- большое количество графических элементов, осложняющих загрузку – 11%;
- очень яркая цветовая гамма – 51%;
- несвоевременное обновление нормативной и справочной базы портала – 15,5%;
- не все сайты имеют обратную связь с пользователями (такая возможность есть в департаменте имущественных и земельных отношений Воронежской области «задайте вопрос руководителю» и в департаменте здравоохранения «горячая линия») – 18%;
- недостаточное количество информации и некоторых органах власти, отсутствие показателей работы в динамике – 13%;
- отсутствует оперативное размещение новостных материалов – 17,5%.

Среди полезных ресурсов респонденты отметили:

- сайты исполнительной власти, территориальных и федеральных органов власти, сайты муниципальных образований;
- для желающих работать на государственной службе – раздел «Конкурс на замещение вакантных должностей»;
- размещен отчет об использовании бюджетных средств;
- функционирует блог губернатора, на котором можно оставить свои отзывы, комментарии на актуальные темы;
- в соответствии с федеральной программой борьбы с коррупцией работает раздел, на котором можно сообщить о неподобающем поведении чиновников;
- ресурс для слабовидящих граждан.

Таким образом, по результатам опроса выработаны предложения по улучшению сайта: повышение интерактивности сайта, введение онлайн-опросов для оценки эффективности деятельности органов власти; уменьшение ссылок на главной странице, добавление визуального ряда, замена списков муниципальных образований Воронежской области картой с изображением гербов районов; для увеличения возможности индивидуального участия – проведение опросов, оценок качества предоставляемых государственных услуг, голосование по актуальным вопросам; ведение статистики посещаемости сайта в режиме реального времени и за истекшие сутки; введение форума; возможность просмотра документов в режиме онлайн, без необходимости скачивания из интернета; разработка интерактивной туристической карты областного центра, с размещенными на ней миниатюрами достопримечательностей; увеличение возможности индивидуального участия в формировании контента сайта: возможность комментирования опубликованных документов, новостей, а также добавление ссылок на новости и документы в социальные сети и блоги.

По мере усложнения социальных связей коммуникативно-информационное пространство становится все более многоплановым, многомерным, происходит усложнение информационных процессов и системы коммуникаций. Современное информационное пространство, включающее множество сложных сетей, многомерных процессов, в настоящее время представляет собой открытую самоорганизующуюся систему. В современных условиях актуализируются проблемы концептуального осмысления роли коммуникативно-информационных технологий в сфере управления государственной службой, в том числе и в

системе коммуникативно-информационного взаимодействия, коммуникативного дискурса в системе «власть – общество».

Библиографический список

1. Интеграция государственных информационных систем и организация межведомственного взаимодействия // Информационный бюллетень Microsoft. - 65 с. <http://www.microsoft.com/rus/government/newsletters/>.

УДК 303.62

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет.

*Кандидат филологических наук, доцент
кафедры связей с общественностью*

Е.В.Швец.

Россия, г. Воронеж, тел. (473)277-81-30;

e-mail: shvetsel@mail.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering.

PhD in Philology, Associate Professor of Public Relations Chair

E. V.Shvets.

Russia, Voronezh, tel. (473)277-81-30;

e-mail: shvetsel@mail.ru

Е. В. Швец

ПОНЯТИЕ ИНТЕРВЬЮ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается жанр интервью как один из самых распространенных типов публичного диалога, позволяющий увидеть и зафиксировать новые тенденции развития устной и письменной публичной речи. Автор статьи приходит к выводу, что тексты современных интервью отражают значимые изменения в языковых вкусах и речевом поведении нашего современника, подчеркивая социальную значимость интервьюера, его роль в формировании общественного сознания.

Ключевые слова: публичная коммуникация, публичный диалог, коммуникативная личность, речевое поведение, интервью.

E. V. Shvets

THE CONCEPT OF INTERVIEW IN THE MODERN MEDIA.

The article discusses the interview genre as one of the most common types of public dialogue, which allows to discover and trace new developments of oral and written public speech. The author concludes that content of contemporary interviews reflect significant changes in language and speech behavior tastes of our contemporary, emphasizing the social importance of the interviewer, his role in shaping public consciousness.

Key words: public communication, public dialogue, communicative person, verbal behavior, and interview.

Современная действительность порождает большое количество разнообразных коммуникативных ситуаций. Одной из самых ярких форм «публичной коммуникации» (термины Е.И. Голановой) в наши дни является «публичный диалог». Интервью как один из самых распространенных типов публичного диалога дает возможность увидеть и зафиксировать новые тенденции развития устной и письменной публичной речи. Тексты современных интервью отражают значимые изменения в языковых вкусах и речевом поведении нашего современника.

Толкование термина интервью менялось со временем в зависимости от самого развития жанра, политической ситуации в стране и от многих других лингвистических и экстралингвистических факторов. «Общим местом» в определении жанра интервью осталось словосочетание: беседа, имеющая общественный интерес, определяющийся не только отношением, прямым или косвенным, читателя к затрагиваемой проблеме. В связи со своей спецификой печатные материалы не могут иметь прямого контакта с читателем в отличие от таких средств массовой информации, как телевидение, радиовещание, Интернет.

Газеты, журналы – любые печатные издания не имеют возможности выходить на прямой контакт со своими читателями, коммуникативную функцию в прессе выполняет интервью – один из важнейших методов и жанров публицистики.

Термин «интервью» (в понимании интервью как жанра) в словарях определяется как «предназначенная для печати беседа какого-либо известного деятеля с корреспондентом по вопросу, имеющему общественный интерес» [1. С. 216] Современные авторы несколько уточняют эту формулировку, отмечая расширенные группы интервьюируемых (от «известного деятеля» до любого лица): «Этот жанр представляет собой беседу журналиста с одним или несколькими лицами, имеющую общественный интерес, предназначенную для передачи по каналам средств массовой информации» [2. С. 245], - а также расширение спектра тем: «Это предназначенная для средств массовой информации и инициированная журналистом беседа с каким-либо лицом на любые интересные для широкой публики темы». [3. С. 456]

Как отмечают исследователи, основным принципом построения интервью является диалог. Диалог – многогранный термин, используется как обозначение коммуникативного типа речи, так и для обозначения одного из видов интервью (интервью-диалог).

Современные ученые подошли к разграничению понятий диалога и монолога с точки зрения коммуникаторов: «Диалог – это текст, создаваемый двумя партнерами коммуникации, один из которых (адресант) задает конкретную программу развития текста, его интенцию, а другой (адресат) должен активно участвовать в развитии этой программы, не имея возможности выйти за ее пределы. Монолог – это текст, который хотя и инициируется, явным или неявным образом, партнером по коммуникации, но развивается по программе своего создателя без участия или, по крайней мере, без активного участия партнера коммуникации». [4. С. 135.] Иначе, диалог строится «в принципиальном расчете одного из партнеров коммуникации на реакцию... другого партнера», тогда как основным принципом монолога является «запрет на реакцию, подавление реакции слушателя». [5. С. 419]

В печатных изданиях диалог отражается, прежде всего, в жанре интервью. Об их тесном сращении говорит тот факт, что в некоторых работах, анализирующих интервью, употребляется термин «диалог» как синоним интервью вообще. Однако жанр интервью может отражать и такое общение журналиста с интервьюируемым, при котором ответ последнего является, по сути, монологом – этот вид интервью получил название интервью-монолога. Роль журналиста в данном случае сводится к следующему: журналист своей репликой инициирует ответ-монолог интервьюируемого. Даже если в напечатанном интервью в текст-монолог интервьюируемого вклиниваются реплики журналиста (типа «Да-да», «Конечно же», «Это понятно» и так далее), это не меняет сути монолога, поскольку реплики журналиста являются выражением контактного внимания, согласия и не более.

В научной литературе существует множество классификаций видов интервью, выделяемых на различных основаниях – от формы подачи материала до тематики беседы. Однако такой спектр жанровых вариаций – примета только современной (начиная с 1980-ых годов) прессы. Постепенное расширение видового разнообразия жанра связано прежде всего с изменениями социального характера, раскрепощением общества. Трансформация жанра интервью отражается в жанрообразующих признаках, таких, как наличие авторского начала, цель сообщения, предметное содержание, стандартность средств выражения, объем и т.д.

Наличие авторского начала – один из важнейших признаков любого жанра публицистики. В интервью автор выступает не только как организатор текста, подачи информации, но и как непосредственное действующее лицо. Это вносит дополнительные сложности в описание стилистики данного жанра.

Сложность представляет разграничение таких понятий, как образ автора и авторское «я». Проблема образа как семантико-стилистического центра литературного произведения впервые была поставлена и разработана в 1930-х годах В.В. Виноградовым. У некоторых ученых происходит смешение понятий «автор» и «образ автора» и «авторское я»: «В газетно-публицистическом стиле характерно совпадение автора и рассказчика. Это составляет главное отличие публицистической речи – ее «открытость», документальность, эмоциональность. Хотя в публицистике журналист – создатель произведения – и его авторское «я» полностью совпадают, образ автора как композиционно-речевая категория сохраняется, наполняясь иным содержанием. Образ автора в публицистике – авторское «я» журналиста, характер его отношения к действительности». [6. С. 125]

Однако, ученые сходятся в том, что авторская позиция, как бы она ни называлась, в интервью все же присутствует, выражаясь в авторском стиле, манере речи, его речевой позиции.

Разнообразные подходы к интервью возникли как результат желания исследователей обобщить и проанализировать этот наиболее популярный и эффективный способ получения информации. Конечно, поведение журналиста варьируется в зависимости от разнообразия целей, уровня поставленных задач и степени индивидуального участия в них журналиста. Во всех случаях, по мнению М. Лукиной, «...интервью – это межличностное вербальное общение для получения информации и производства нового знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества» [7. С. 13].

В своих работах М.М. Лукина, Г.С. Мельник, М.И. Шостак, С.А. Муратов в зависимости от целей интервью выделяют следующие их виды.

1. Информационное интервью – наиболее распространенный вид, нацеленный на сбор материала для новостей. Основой типичного информационного интервью являются ключевые для журналиста вопросы: кто? что? где? когда? почему? зачем? Этих вопросов, как правило, достаточно для сбора фактических сведений. Разумеется, журналисты могут прибегать и к другим вопросам, уточняющим или сортирующим информацию: «Вы действительно видели, как столкнулись автомобили?»

Цель общения в информационном интервью – информирование о событиях и фактах. Здесь репортер и его собеседник выступают как сотрудники, которым нужно решить общую задачу, то есть в доходчивой форме поведать что-то читателю. Такое интервью может быть отрепетировано, тщательно подготовлено.

Разновидностью информационного интервью является оперативное интервью. Это оперативные высказывания экспертов в сжатой форме, являющиеся обязательной составляющей новостных материалов печати, информационных сюжетов радио или телевидения.

Сюда же мы можем отнести опрос на улице и блиц-интервью, как его называет Г.С. Мельник, «интервью у трапа» [8. С. 94], интервью в гуще события или интервью спонтанное, по горячему поводу.

2. Интервью-расследование проводится с целью глубокого изучения какого-либо события или проблемы. Как правило, такое интервью не связано жестко временными рамками, хотя и здесь существуют определенные календарные планы. В таких интервью много внимания уделяется предварительной работе с материалами, изучению письменных источников и устных свидетельств. Очень важно хорошо продумать стратегию беседы. Самым важным звеном здесь являются вопросы, «вскрывающие» личность, ситуацию, помогающие «разоблачению» собеседника. В перестроечный период, после эпохи застоя и информационного «затишья», первые интервью-расследования создали эффект

«разорвавшейся бомбы» (знаменитое расследование Гдяна и Иванова о присвоении «партийных денег» и жестокая метаморфоза, когда обвинители превратились в обвиняемых). Сегодня страницы газет пестрят такого рода интервью, особенно в период предвыборных кампаний. В интервью-расследовании может быть задействовано несколько персонажей с разными темпераментами и социальными ролями. К каждому из них должен быть найден индивидуальный подход.

3. Интервью-портрет, или профессиональное интервью, сфокусированное на одном герое. Героем такого интервью может стать человек, который проявил себя в какой-либо сфере общественной жизни и привлекает интерес широкой публики. Г. Мельник называет такое интервью «интервью-знакомство» [9. С. 93]. «Оно нацелено на создание яркого эмоционального психологического портрета, вопросы носят личностный характер. Отсюда осторожность и такт».

По мнению Е.И. Голановой, рациональной классификацией можно считать деление всех типов интервью на две категории: интервью проблемные и интервью-портреты. Определенный интерес представляет градация интервью по степени их официальности. Самым рутинным, не предполагающим отклонений от норм, является интервью-протокол. Наименее предсказуемым по характеру вопросов и ответов является «звездное» интервью. «Звездное» интервью, или «творческое» интервью, призвано показать истинное лицо героя («без маски»).

«Звездное» интервью содержит большой объем личностной информации и является менее информативным с точки зрения его общественно-политической значимости. Следует отметить, что в российской коммуникации личностная информация является значимой независимо от типа интервью, так как российский читатель оценивает полученную информацию часто через оценку персональных качеств ее носителя.

Однако методологической основой исследований любого вида интервью являются, на наш взгляд, следующие положения:

- Интервью как диалогический текст представляет собой высшую коммуникативную единицу, направленную на реализацию определенной коммуникативной цели.
- Интервью как диалогический текст является результатом сложной речемыслительной деятельности коммуникативной личности интервьюера.
- Интервью, как любой текст обладает признаками структурной, смысловой и коммуникативной целостности.

Личные характеристики и качества коммуникантов являются основой для дифференциации интервью по статусно-ролевому положению журналиста и интервьюируемого, степени социально-психологической близости между участниками общения. Психолингвисты выделяют два типа межличностных взаимоотношений участников коммуникации в условиях публичного диалога: доминанция и равенство. Для большинства интервью, звучащих с телеэкрана и опубликованных на страницах газет и журналов, нормой является коммуникативная ситуация «равенства» партнеров (и с социальной, и с языковой точки зрения).

Коммуникативная ситуация «доминирования» встречается в интервью гораздо реже (некоторые политические и протокольные интервью).

Социальная принадлежность отправителя и получателя, а также особенности обстановки, в которой происходит коммуникация, оказывают влияние на речевое поведение коммуникантов и на выбор ими средств для наилучшего воздействия друг на друга. В политическом интервью интервьюер может «примерить» несколько ролей, определяющие характер интеракции между ним и респондентом. Во-первых, интервьюер может выступать как лояльный к политическим взглядам респондента человек. В данном случае речевое поведение интервьюера находится в рамках нормальной трансакции, то есть он не хочет поставить политика в невыгодное положение. Во-вторых, интервьюер может представлять

оппозиционное по отношению к политику издание. В этом случае речевое поведение интервьюера характеризуется манипуляционной трансакцией, то есть он стремится поставить политика в неловкое положение, загнать в тупик, уличить во лжи и т.д. [10. С. 19]. Респондент – политический деятель – изначально поставлен в более выгодные условия: как человек, наделенный властью, он может направить беседу в выгодное для себя русло, не считаясь с намерениями интервьюера. Замечено, что чем выше социальный статус респондента в сравнении с социальным статусом интервьюера, тем более распространенные ответы предпочитает респондент, и тем больше его стремление изменить ход интервью по собственному желанию [11. С. 20].

Основными факторами, определяющими жанровую специфику интервью, являются:

- степень политематичности;
- продолжительность (объем);
- степень структурированности;
- объем обсуждаемой личностной информации;
- уровень конфликтосодержащей информации;
- степень национальной ориентированности интервью;
- степень прямолинейности трактовки информации;
- склонность к доминированию в общении;
- условия смены ролей коммуникантов.

Для российского интервью характерны:

- пространность;
- высокая речевая активность журналиста;
- преобладающая политематичность интервью;
- большой объем;
- умеренная структурированность;
- выраженная склонность к доминированию в общении, проявляемая в объеме реплик коммуникантов, мене ролей говорящих, в комментариях журналистами высказываний интервьюируемых, варьировании реплик коммуникантов в зависимости от значимости информации;

- наличие большого количества личностной информации об интервьюируемом;

- склонность коммуникантов к озвучиванию «конфликтосодержащей» информации в ходе интервью.

Наличие авторского начала – один из важнейших признаков любого жанра публицистики. В интервью автор выступает не только как организатор текста, подачи информации, но и как непосредственное действующее лицо. Это вносит дополнительные сложности в описание стилистики данного жанра.

Сложность представляет разграничение таких понятий, как образ автора и авторское «я». Проблема образа как семантико-стилистического центра литературного произведения впервые была поставлена и разработана в 1930-х годах В.В. Виноградовым. У некоторых ученых происходит смешение понятий «автор» и «образ автора» и «авторское я»: «В газетно-публицистическом стиле характерно совпадение автора и рассказчика. Это составляет главное отличие публицистической речи – ее «открытость», документальность эмоциональность. Хотя в публицистике журналист – создатель произведения – и его авторское «я» полностью совпадают, образ автора как композиционно-речевая категория сохраняется, однако, наполняется иным содержанием. Образ автора в публицистике – авторское «я» журналиста, характер его отношения к действительности». [12.С.183]

Однако, ученые сходятся в том, что авторская позиция, как бы она ни называлась, в интервью все же присутствует, выражаясь в авторском стиле, манере речи, его речевой позиции.

Е.А. Голанова выделяет две основные речевые позиции интервьюера: 1) интервьюер традиционно вежлив, корректен, придерживается норм публичного общения, вопросы, как

правило, подготовлены заранее; 2) интервьюер – представитель «новой волны» журналистов, обладает своей «языковой маской», психологической раскованностью и свободой в выборе языковых средств, вопросы часто не готовятся вовсе. [13. С. 35]

Эти речевые позиции – характерная черта публицистики двух-трех последних десятилетий, поскольку раньше, в эпоху, когда журналистика была «прописана» в учебниках и рекомендациях и отступление от правил было практически невозможно, роль журналиста сводилась к роли стенографиста и не более. Только в последнее время интервьюер стал активным участником коммуникации. Интервью для журналиста – это: способ самопрезентации; способ получения интересующей его и читателей информации; возможность высказать собственную точку зрения на проблему.

Интервью для интервьюируемого – это: возможность опубликовать свою собственную точку зрения относительно какой-либо проблемы; попытка убедить читателей и журналиста в своей правоте; возможность появления в СМИ, выхода в эфир или публикации в каком-либо печатном издании.

Таким образом, исходя из теоретических и практических разработок в области эффективности публичной речи, можно говорить о возросшем интересе и практической значимости ведения интервью как разновидности публичного диалога, о возросшей социальной значимости интервьюера, его роли в формировании общественного сознания (масс), соответствии требованиям и потребностям аудитории (адресность).

Библиографический список

1. **Толковый словарь русского языка:** В 4-х т. // Под ред. Д.Н. Ушакова. - М., 1994.- Т.1. С.216.
2. **Словарь современного русского литературного языка:** В 17-ти т. М.: Академия наук СССР 1948-1965.-Т.5. – 393 с.
3. **Словарь русского языка:** В 4-х т. М.: Русский язык, 1985. – 672 с.
4. **Грабельников, А.А.** Работа журналиста в прессе. /А.А. Грабельников - М.:Наука, 2001. – 218 с.
5. **Голанова, Е.И.** Активные процессы в сфере публичного общения / Е.И.Голанова // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. - М.: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
6. **Ширяев, Е.Н.** Что такое разговорный диалог?/ Е.Н. Ширяев // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., Русский язык, 2001. – 274 с.
7. **Лукина, М. М.** Технология интервью / М. М. Лукина. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 191 с.
8. **Мельник, Г. С.** Общение в журналистике: секреты мастерства / Г. С. Мельник. – СПб.: Питер, 2005. – 217 с.
9. **Там же**
10. **Чуриков, М.П.** Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения (на материале текстов немецких политических интервью): автореф. дис. 10.02.04 - германские языки. канд. фил. наук : защищена 9.02.2006. : утв. 12.11.2005. / М.П. Петрович. – Пятигорск. 2006. – 35 с.
11. **Там же**
12. **Ширяев, Е. Н.** Что такое разговорный диалог? / Е.Н.Ширяев //Русский язык: исторические судьбы и современность. М., Русский язык, 2001. – 274 с.
13. **Голанова, Е. И.** Устный публичный диалог: жанр интервью / Е. И. Голанова // Русский язык конца XX столетия. – М.: Наука, 2002. – С. 427- 453.

**ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ
PEDAGOGY AND EDUCATION**

УДК 02.41

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,
д.ф.-м.н., проф. П. А. Головинский
Россия, г. Воронеж, +7(960)1106311;
e-mail: golovinski@bk.ru
д.филос.н., проф. Л. С. Перевозчикова
Россия, г. Воронеж, +7(910)7498487;
e-mail: perevozch@vgasu.vrn.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
D. Sc., Prof., P. A. Golovinski
Russia, Voronezh, tel.: +7(960)1106311;
e-mail: golovinski@bk.ru
PhD., Prof., L. S. Perevozchikova
Russia, Voronezh, tel.: +7(910)7498487;
e-mail: perevozch@vgasu.vrn.ru*

П. А. Головинский, Л. С. Перевозчикова

**ИНФОРМАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ РОЛЬ
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ**

Постановка проблемы. Сформулирована задача анализа поведения социальных систем, включая образование и науку с точки зрения основных закономерностей поведения информации в сложных системах.

Результаты. Сформулирован обобщенный принцип Николиса-Пригожина о минимальной скорости производства энтропии в сложных биологических и социальных системах. Проанализированы следствия этого принципа в применении к взаимодействию социальных систем, образованию и науке.

Выводы. На основании проведенного анализа сделан вывод о выполнении образованием и наукой функцией защиты, сохранения и воспроизведения социально значимой информации. Дана оценка процессу развития научного знания как качественно медленного по отношению к имеющемуся знанию процессу прироста информации в форме случайного процесса с отбором, как фундаментального механизма, корректирующего вектор развития человечества.

Ключевые слова: социальные системы, информация, конфликт цивилизаций, образование, наука.

P. A. Golovinski, L. S. Perevozchikova

**THE INFORMATION IN SOCIAL SYSTEMS AND THE TOOL ROLE OF SCIENCE AND
EDUCATION**

Problem statement. The problem of the analysis of behavior of social systems, including education and science from the point of view of the basic laws of behavior of the information in complex systems is formulated.

Results. The generic Nikolis-Prigozhin principle of minimum rate of entropy production in complex biological and social systems is formulated. Consequences of this principle in application to interaction of social systems, science and education are analyzed.

Conclusions. On the basis of the analysis the conclusion is obtained about the role of science and education in protection, conservation and reproduction of socially significant information. The estimation is given for development of scientific knowledge as relatively slow process of grows of information with respect to the available knowledge in the form of random process with selection, as the fundamental mechanism correcting a vector of development of mankind.

Key words: social systems, information, conflict of civilizations, education, science.

1. Введение. Понятие информации относится к числу основных и не может быть определено исчерпывающим образом через другие понятия. Количественное измерение информации осуществляется с помощью определения Шеннона [1] для количества информационной энтропии. Известно также, что уменьшение энтропии в системе эквивалентно приросту информации о ней. В свою очередь изменение энтропии в физических системах связано с термодинамической свободной энергией. Эти зависимости хорошо известны, но их смысл по-прежнему широко обсуждается [2].

Содержательное определение количества информации можно произвести только относительно конкретной системы при заданной ее структуре. В этом смысле можно говорить об относительности информации и ситуация в некоторой степени похожа на подход к проблеме наблюдателя в теории относительности или квантовой механике, где способ описания и конкретные параметры системы зависят от системы отсчета или макроскопического окружения системы [3, 4]. Отметим, что между теорией относительности и квантовой механикой есть в этом отношении и принципиальное отличие. В теории относительности система отсчета может быть выбрана произвольно, в то время как поменять местами частицы и приборы в квантовой механике невозможно, – они входят в теорию несимметрично.

Поскольку количество информации связано с некоторыми вероятностями событий, то в соответствии с основными положениями теории вероятностей [5], для определения этих величин необходимо определить множество таких событий (множество элементов). При различном определении множеств по-разному будет определяться и вероятность, а, следовательно, и количество информации и энтропия. Таким образом, все эти характеристики относительны. При изменении определения структуры системы эти характеристики также изменятся. В случае изучения термодинамических свойств вещества минимальные структуры не вызывают сомнений, – это атомы и электроны. На разных уровнях иерархии имеются соответствующие структуры, которым можно приписать то или иное количество информации. Изменения, происходящие на разных иерархических уровнях, могут не влиять на количество информации друг друга. Например, нагрев или охлаждение газа в нескольких закрытых сосудах может не оказывать влияние на их взаимное расположение, в то время как информация, относящаяся к молекулам газа в этих сосудах, будет существенно меняться в этих процессах, поскольку меняется хаотическое движение. Большой интерес представляет динамика информационных процессов в сложных социальных системах, к рассмотрению которых мы и переходим.

2. Сохранение информации в устойчивых системах. Как известно, сложная динамически устойчивая система, сохраняющая свою структуру, может быть только неравновесной. Поддержание таких состояний, т.е. функционирование устойчивых неравновесных термодинамических структур, возможно только в открытых системах. При этом выполняется принцип Николиса-Пригожина [6], согласно которому скорость производства энтропии в таком устойчивом состоянии минимальна. Соответственно, потери информации о такой системе у внешнего мира также минимальны. В отсутствие потоков энергии и информации извне замкнутая система стремится к равновесию, увеличивая свою информационную энтропию и уменьшая долю сохраненной исходной информации.

Принцип Николиса-Пригожина можно принять как общий принцип функционирования сложных систем в форме вариационного принципа для информации. Для биологических и социальных систем этот принцип нельзя доказать, и мы его примем как постулат. Дальнейшее исследование подразумевает, в том числе, ответы на следующие два вопроса. Первый вопрос состоит в выяснении возможности получения универсальных уравнений, пригодных для описания динамики различных систем. С этой точки зрения представляет интерес согласованность этого принципа с непрерывной моделью эволюции [7]. На этом пути пока еще предстоит создать адекватный математический аппарат, без которого принцип останется в значительной степени описательным. Второй вопрос состоит в выяснении и

обсуждении качественных следствий из принципа Николиса-Пригожина для различных сложных систем в их соотношении с наблюдаемыми фактами, т.е. определить его способности объяснить достаточно широкий круг явлений.

Этот принцип в его общей форме относится к сложным системам, способным эффективно накапливать, хранить и перерабатывать информацию. В естественной неживой природе такие системы неизвестны. Среди искусственных систем можно отметить компьютерные сети, в первую очередь Интернет, а в природе указанными свойствами обладают живые системы, начиная с простейших вирусов. Опыт изучения живых систем весьма велик. Основным принципом, объясняющим эволюцию живых организмов, остается теория Дарвина о происхождении видов путем естественного отбора. В соответствии с принципом естественного отбора малые мутации либо закрепляются, либо теряются в последующих поколениях живых организмов. Тем самым, если внешние воздействия, внешняя среда не меняются, то организмы, приспособившись к среде, могут далее длительное время существенно не меняться. Биологическая информация в живых системах сохраняется путем передачи ее потомкам с помощью механизмов размножения. Слабые мутации генетической информации обеспечивают приспособление организмов в цепи поколений за счет естественного отбора. Если поведение организма, основанное на всей имеющейся у него информации, не обеспечивает необходимый уровень адаптации, то организм гибнет, не давая потомства, и не воспроизводит тем самым свою биологическую информацию. Такой механизм находится в полном согласии с принципом Николиса-Пригожина.

3. Информация в социальных системах. Подобные соображения, основанные на широком толковании принципа Николиса-Пригожина, в определенной мере применимы и к социальному поведению. Социальные институты, механизмы, ценности и традиции, обеспечивающие передачу информации следующим поколениям, выдержав влияние негативных внешних факторов, остаются устойчивыми, и информация, на которой они базируются, сохраняется. В случае, когда адаптация социальных структур к меняющейся внешней среде оказывается недостаточной в силу неадекватности применяемой информационной модели, погибают соответствующие социальные институты, а при отсутствии их требуемой для данной ситуации замены, погибает и целиком общество. В то же время, удачная модификация информационной модели может способствовать повышению адаптивности системы. Такие полезные изменения информации закрепляются с помощью различных инструментов: законов, образования, науки, морали, религии и традиций. Перечисленные информационные инструменты приведены в порядке уменьшения их скорости формирования и одновременно увеличения эффективности как регуляторов социальной среды.

В традиционных консервативных обществах, находящихся длительное время в изолированных квазистатических условиях, типичными являются неизменные и медленно меняющиеся социальные системы, а также застывшие языки. Например, в горных или удаленных районах целые народности остаются неизменными в течение столетий. Наиболее интенсивно социальные институты меняются при воздействиях, которые коренным образом меняют условия существования общества. К таким воздействиям приводят, в частности, природные катастрофы и войны, а также вхождение в прямой контакт с социальными системами иной структуры.

Взаимодействие социальных структур с различной предысторией приводит к перемешиванию информации в этих системах или в части из них. Если системы имеют совершенно разную историю и текущие условия существования, то можно ожидать, что предшествующая адаптация привела к накоплению в них принципиально разной информации, как описательного, так и процедурного характера. Приведем известный пример из биологии. Эволюция закрепила биологические молекулы с определенным типом симметрии относительно операции зеркального отражения (киральности). Симметричные

им молекулы, например сахара, вполне можно синтезировать искусственно. Они будут иметь то же химическое строение, но не будут участвовать в обмене веществ живых организмов. Таким образом, изначально незначительная по величине информационная составляющая может с течением времени в процессе эволюции полностью изменять метаболизм организмов. Для социальных систем, существовавших по отдельности, накопленная в них информация также способствовала их специфической индивидуальной адаптации. Простое «перемешивание» информации способно привести к появлению сильно мутантной и, вполне вероятно, нежизнеспособной системы. В то же время возможны удачные гибриды, повышающие устойчивость системы и хранящейся в ней информации.

Подчеркнем, что последовательный расчет последствий значительного «скрещивания» информации в больших сложных системах пока не представляется возможным. Поэтому невозможно заранее отделить его полезные последствия от вредных. Представляется более продуктивным попытаться понять основные закономерности таких процессов, моделировать их и вводить механизмы управления, улучшающие динамику информации, используя ее инерционность, т.е. относительно медленное изменение на длительном интервале времени.

Некоторые особые механизмы, способствующие сохранению информации и ограничению темпов ее роста, использовались человечеством и ранее. Одним из таких механизмов является изоляционизм, характерный для определенных периодов исторического развития Китая, Японии и СССР. При этом происходило подавление информационного взаимодействия с внешним миром. Чаще всего такие искусственные меры нарушались извне путем вооруженного вторжения. В современном мире вооруженное вторжение обычно сопровождается, а иногда и заменяется информационным воздействием через средства массовой информации, а также путем распространения товаров и услуг, переносящих информацию. Даже естественнонаучная информация не является полностью социально инвариантной, поскольку формируется в определенном контексте общефилософских и общих представлений конкретного социума.

Практический вопрос, стоящий в связи с этим перед политиками, состоит в определении возможных сфер и допустимого уровня перемешивания информации, способствующих максимальному сохранению информации того общества и той цивилизации, которую они представляют. Бесконтрольное перемешивание разнородной информации сильно изменяет количество и содержание информации в данном обществе и может привести в последующем к полной потере исходной информации, например, в случае, когда механизмы копирования и размножения новой информации просто значительно превосходят по скорости механизмы копирования традиционной информации. Даже если поступающая в систему информация нейтральна по смыслу и не сказывается напрямую на механизмах функционирования системы, ее большое количество является шумом, просто замедляя работу с полезной информацией, а при превышении известного порога отношения сигнала к шуму фактически полностью парализует передачу информации в системе [8].

4. Технологическое развитие. Интересно рассмотреть некоторые тенденции технологического развития, которые связаны с принципом максимального сохранения информации. Прежде всего, стоит сделать определенные замечания относительно связи свободной энергии с энтропией. Здесь прямое соответствие имеется только на микроскопическом уровне, т.е. на уровне микроинформации (атомном, молекулярном), в то время как на уровне макроинформации такой зависимости нет, хотя на создание информации всегда необходимо затратить некоторое количество энергии.

Поскольку информационные процессы являются ключевыми в процессе эволюции живого вещества и человеческого общества, то естественная тенденция развития общества состоит в уменьшении количества свободной энергии, необходимой для создания, копирования или передачи единицы информации и увеличении величины свободной энергии, необходимой для уничтожения единицы полезной информации в системе. С точки

зрения принципиальной направленности функционирования общества на обслуживание информационных процессов представляется естественным увеличение во всех технологических процессах информационной составляющей при снижении энергетических затрат. Это относится не только собственно к информационным технологиям, но и к функционированию машин и механизмов, а также к конструированию и производству все более «интеллектуальных» высокоструктурированных материалов.

Современные технологии расходуют свободную энергию весьма расточительно, но одновременно с этим имеющееся у нас знание и биологические примеры демонстрируют возможность более эффективного ее использования. Следует ожидать, что зависимость технологий от энергии в среднесрочной перспективе будет иметь тенденцию к радикальному снижению. Поэтому значительные энергетические проблемы, с которыми может в обозримом будущем сталкиваться человечество, носят скорее либо краткосрочный характер, либо характер более отдаленной перспективы. В среднесрочном прогнозе нескольких десятилетий можно ожидать очень больших изменений в эффективности использования информации, что позволит приблизиться к теоретическому пределу, и приведет к быстрому снижению энергопотребления в развитых обществах. Высокое удельное потребление энергии грозит стать уделом слаборазвитых государств и обществ. Было бы серьезной ошибкой оставить без внимания реальность такого сценария развития технологий.

5. Конфликт цивилизаций. Рассмотрим некоторые проявления принципа сохранения информации применительно к взаимодействию социумов, т.е. различных социальных структур одного иерархического уровня. Такие структуры, выполняя похожие функции, могут длительное время не приходить в соприкосновение, например в силу пространственной удаленности друг от друга, как исторически происходило с целыми цивилизациями. В современном мире географическая удаленность стран и народов играет все меньшую роль при их взаимодействии. Контакты цивилизаций на протяжении истории происходили чаще всего в форме острых конфликтов. Заслуга выявления конфликта цивилизаций как одной из стержневых сил развития современного мира принадлежит Тойнби [9], а осмысление современных политико-стратегических следствий из этого факта Хантингтону [10].

Важно отметить, что Тойнби концентрирует внимание в проблеме конфликта цивилизаций не на борьбе за ресурсы или рынки сбыта, а на конфликте культур, ценностей и религий, т.е. на информационной компоненте взаимодействия цивилизаций. Анализируя проникновение информации в виде технологических и научных достижений, оба автора приходят к выводу, что частичное копирование больших массивов информации в контексте своей цивилизации сопровождается ее глобальным воздействием на всю систему информации данной цивилизации, для которой она является чужеродной, потенциально враждебной и, возможно, губительной. При этом степень риска тем выше, чем больше масштабы вторжения такой информации и чем менее развиты механизмы переработки и защиты информации у данной цивилизации.

Принцип сохранения информации позволяет иначе взглянуть также на природу ряда межличностных, расовых и этнических конфликтов. С позиции этого принципа они представляются не отдельными проявлениями дикости, нецивилизованности или следствием недостатков воспитания, а результатом действия фундаментального механизма защиты, заложенного в живой природе и социальных системах. Данное положение совсем не означает принятие или морального оправдания таких явлений, но позволяет взглянуть на них с новой точки зрения, которая показывает как ограниченность возможностей влияния на такие конфликты, так и указывает на возможный выбор инструментов воздействия на них. Иной взгляд возникает и на проблему глобализации, которая приводит к интенсивному перемешиванию информации в планетарном масштабе и фактически к сползанию в глобальную информационную войну, в том числе в киберпространстве, в масштабах всей Земли. Фактически именно сейчас человечество всерьез вступило в ноосферную стадию

развития, которую гениально предвидел Вернадский [11], однако реальность оказалась куда более жестокой, чем представления великого гуманиста.

6. Образование и наука. Обобщенный принцип Николиса-Пригожина позволяет иначе взглянуть также на проблемы, связанные с образованием и наукой. С точки зрения принципа максимального сохранения информации образование и наука выполняют важнейшие небологические функции. По имеющимся оценкам количество информации, накопленное человечеством, не только многократно превосходит генетическую информацию человека, но и информацию, содержащуюся в структуре индивидуального мозга. Сопряжение внешней информации, накопленной обществом в самых разных формах, с индивидуальной информацией, содержащейся в мозге отдельного индивидуума, осуществляется с помощью различных способов обучения, совокупность которых мы понимаем как образование. Таким образом, образование напрямую связано с задачей сохранения информации в обществе.

Снижение уровня образования приводит к омертвлению, потере уже имеющейся в обществе информации, в том числе из-за утраты понимания ее смысла и ценности, что неизбежно сказывается на ухудшении механизмов хранения и воспроизводства информации. Наиболее устоявшимся и распространенным способом хранения информации продолжают оставаться книги, а их местом хранения библиотеки. Тем самым, текущее состояние образования в стране проще всего в настоящее время оценить по состоянию ее библиотек. В России достаточно посетить Главную научно-техническую библиотеку в Москве, в которой нет ни читателей, ни современных журналов, чтобы убедиться, что образование находится в упадке. Эту горькую правду невозможно прикрыть дежурными комплиментами «высокому уровню образования» в нашей стране.

Все большую конкуренцию традиционным способам копирования и хранения информации на основе книгопечатания составляют компьютерные методы и системы. По всей видимости, сейчас они сравнялись с печатным словом по интегральной эффективности, и происходит быстрое вытеснение книг электронной информатикой. Пример подобного процесса уже наблюдался в цифровой фотографии, которая фактически заменила традиционную пленочную технологию. С точки зрения перспектив развития России, есть смысл сконцентрировать усилия именно на этой перспективной технологии с обеспечением доступа всего общества ко всем необходимым, в том числе ныне платным информационным ресурсам.

Еще одним важным социальным институтом является наука. Замечательная ценность науки для человечества заключается не столько в удовлетворении присущей человеку любознательности, как это часто декларируется, и как это иногда выглядит внешне, а в том, что наука резко изменила суть эволюционного процесса, заменив, в значительной степени, естественный отбор живых особей естественным отбором научных представлений и моделей. Может показаться достаточно удивительным, что наука, сама породившая теорию естественного отбора Дарвина, в течение длительного времени была не в состоянии взглянуть на собственное развитие с эволюционных позиций. Это удалось сделать только в середине двадцатого столетия Т. Куну [12]. Он сделал акцент в развитии науки не на ее революционных моментах, а на так называемой «нормальной науке», устойчивое состояние которой назвал парадигмой. Малые изменения, – мутации в функционировании нормальной науки, приводят, в конечном счете, к научным революциям, по такому же механизму, как биологические мутации генов приводят к образованию новых видов. В общем виде в применении к человеческому познанию эти представления развиты Поппером [13].

7. Выводы. Следуя обобщенному принципу Николиса-Пригожина, можно сделать вывод, что, как и любая другая сложная информационная система, образование и наука в действительности стремятся к минимальному изменению информации, а наблюдаемые научные революции явление столь же вынужденное, что и возникновение новых видов в живой природе. Смещение давления естественного отбора от биологического отбора видов к отбору научных теорий является фундаментальным достижением человечества в его общем

развитии. Всякое снижение уровня науки и образования в обществе активизирует более древние, по сути классические, дарвиновские механизмы естественного отбора, вновь энергично привнося его в биологическую популяцию «человека разумного». Именно этот процесс, по многим признакам, наблюдался в России первое десятилетие после распада СССР. Нам представляется, что стратегические решения, принимаемые в области образования и науки, необходимо согласовывать как с фундаментальным принципом минимального роста информации, так и с его следствиями. В частности, из него непосредственно следует, что никакие быстрые «прорывы» в научных исследованиях принципиально невозможны. Они возникают в результате функционирования «нормальной науки» закономерным, но недетерминированным образом. Планирование открытий бессмысленно, но обеспечение эффективного функционирования «нормальной науки» многократно увеличивает выживаемость, конкурентоспособность всего общества. К сожалению, этот путь не является простым, и его нельзя ускоренно пройти в результате нахождения только удачных административных решений. Достаточно обратить внимание на печальный опыт Германии, которая только в настоящее время, хотя и не в полной мере, восстановила уровень своей науки, утраченный в период господства фашизма и в результате поражения во Второй мировой войне. В то же время, этот путь преодолим в исторически короткие сроки при нормальном функционировании науки, для чего требуется, понимание социальной необходимости, тенденций этого процесса, а также его стабильное правовое, инфраструктурное и финансовое обеспечение.

Библиографический список

1. **Эвери, Дж.** Теория информации и эволюция / Дж. Эвери. – М. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», Институт компьютерных исследований, 2006. – 252 с.
2. **Чернавский, Д. С.** Синергетика и информация (динамическая теория информации) / Д. С. Чернавский. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 288 с.
3. **Эйнштейн, А.** Сущность теории относительности / А. Эйнштейн. – М.: ИИЛ, 1955. – 160 с.
4. **Нейман, Дж.** Математические основы квантовой механики / Дж. Нейман – М.: Наука, 1964. – 367 с.
5. **Колмогоров, А. Н.** Основные понятия теории вероятностей / А. Н. Колмогоров. – М.: Фазис, 1998. – 144 с.
6. **Гленсдорф, П.** Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций / П. Гленсдорф, И. Пригожин. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 280 с.
7. **Эбелинг, В.** Физика процессов эволюции / В. Эбелинг, А. Энгель, Р. Файстель. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 328 с.
8. **Арбиб, М.** Мозг, машина и математика / М. Арбиб. – М.: Наука, 1968. – 224 с.
9. **Тойнби, А. Дж.** Цивилизация перед судом истории / А. Дж. Тойнби. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 592 с.
10. **Хантингтон, С.** Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2005. – 603 с.
11. **Вернадский, В. И.** Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 576 с.
12. **Кун, Т.** Структура научных революций / Т. Кун. – М.: АСТ, 2003. – 365 с.
13. **Поппер, К. Р.** Объективное знание. Эволюционный подход / К.Р. Поппер. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 384 с.

УДК 378.09

*Воронежский государственный университет
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
английского языка естественнонаучных факультетов
Н. М. Шишкина.
Россия, г. Воронеж, тел. (473)220-83-95;
e-mail: shishknat@mail.ru*

*Voronezh State University
PhD in Linguistics, Associate Professor of English
Chair for Science Departments
N. M. Shishkina.
Russia, Voronezh, tel. (473)220-83-95
e-mail:shishknat@mail.r*

Н. М. Шишкина

**САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ И ЕЕ РОЛЬ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ПММ, ИЗУЧАЮЩИХ
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)**

В данной статье рассматривается самостоятельная работа студентов (СРС), как одна из основных форм образовательного процесса. Дается определение самостоятельной работы, определяются основные компоненты, учитываемые при планировании СРС, предлагаются различные задания для самостоятельной работы студентов на примере обучения иностранному языку студентов факультета Прикладной математики, информатики и механики Воронежского госуниверситета, обсуждаются формы контроля самостоятельной работы студентов.

Ключевые слова: самостоятельная работа студентов (СРС), самообразование, учебный процесс, формы контроля.

N. M. Shishkina

**STUDENTS' INDEPENDENT STUDY AND ITS ROLE IN EDUCATIONAL
PROCESS (WHILE TEACHING AMM FACULTY STUDENTS
THE ENGLISH LANGUAGE)**

The subject of the article is students' independent study and its role in educational process while teaching the students of Applied Mathematics and Mechanics faculty the English language. The article deals with the questions of planning students' independent study, performing some special tasks for students' independent study and giving assessment criteria of this study.

Key words: students' independent study, self-independent education, educational process, control forms.

Целью современного высшего образования является формирование и развитие самостоятельной, всесторонне развитой творческой личности. Специалист высокой квалификации – это не просто специалист, имеющий определенные знания и навыки, но также и способности к самообучению, саморазвитию и самосовершенствованию. В данном случае нельзя недооценивать роль самостоятельной работы студентов в образовательном процессе.

Что же представляет собой самостоятельная работа студентов (СРС)? В широком смысле под самостоятельной работой понимается любой вид самостоятельной деятельности студентов, выполняемой как при непосредственном участии преподавателя, например, в учебной аудитории, так и вне аудитории, без участия преподавателя, но, возможно, при его методическом руководстве. В узком смысле это может быть:

- выполнение лабораторных работ и конкретных заданий на занятиях;
- подготовка к аудиторным занятиям;
- самостоятельная работа в изучении отдельных тем;

- выполнение письменных контрольных и курсовых работ;
- подготовка к промежуточной или итоговой аттестации;
- участие в семинарах, научных и научно-практических конференциях и т.п.;
- написание диплома или выпускной квалификационной работы и многое другое.

В целом границы между перечисленными выше видами работ определить достаточно сложно, так как все они пересекаются на разных стадиях обучения. Однако, следует отметить, что их эффективное воплощение в жизнь возможно только при соблюдении таких условий, как:

- готовность студентов к выполнению самостоятельной работы;
- самомотивация и мотивация студентов к изучению наук;
- тщательно продуманный алгоритм учебно-методического обеспечения учебного процесса;
- наличие и доступность учебных и справочных материалов, как в печатной форме, так и на электронных носителях;
- наличие Интернет-ресурсов и доступ к ним;
- консультационная помощь преподавателя.

Также для успешного выполнения самостоятельной работы студентов необходимы ее четкое планирование и контроль со стороны преподавателя. Планирование СРС всегда осуществляется с учетом такого важного компонента, как объем времени, отводимый на выполнение самостоятельной работы.

На факультете Прикладной математики, информатики и механики в соответствии с учебной программой по иностранному языку количество часов, выделяемых на самостоятельную работу студентов, составляет 50 % времени, предусмотренного для выполнения основной образовательной программы по иностранному языку, английскому, в частности.

Согласно рабочей программе на первом курсе студенты факультета ПММ изучают English for General Purposes – EGP (английский для общих целей) и на втором курсе English for Special Purposes – ESP (английский для специальных целей).

В качестве учебного материала для преподавания EGP используются учебно-методические пособия по бытовой, социально-культурной и учебно-познавательной сферам общения, разработанные преподавателями кафедры английского языка естественно-научных факультетов Воронежского государственного университета.

В пособии по бытовой сфере общения представлены такие разделы, как *Досуг и развлечения; Еда и покупки; Дом, жилищные условия; Семья, семейные отношения* [1]. В учебном пособии по социально-культурной сфере общения предлагаются такие темы, как *Жизнь в городе или сельской местности; Животный мир; Искусство; Спорт; Мир информационных технологий; Путешествие; Обычаи и традиции; Языки и Общение* [2]. В учебно-методическое пособие по учебно-познавательной сфере общения входят разделы об *Образовании в Великобритании, Америке и России; Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова; Воронежском государственном университете; Академической мобильности студентов* [3].

Каждый раздел включает в себя широкий спектр упражнений по конкретной тематике, а также заданий, направленных на пополнение словарного запаса студентов, на развитие навыков аудирования, чтения, устной и письменной речи, лексико-грамматических навыков оформления высказывания по теме занятия; развитие умений поиска личностно-значимой информации, развитие коммуникативности как качества личности, необходимого для полноценного общения; стимулирование мотивации и интереса в области предмета изучения.

На занятиях студенты имеют возможность узнать что-то новое, выразить свое мнение, выслушать мнение одноклассников, сравнить и обсудить разные точки зрения на

обсуждаемые вопросы. Студенты могут работать индивидуально, в парах или группах. Для самостоятельной работы студентам предлагаются различные задания. Например, для устного ответа в качестве домашней работы может быть такое задание, как подготовить монолог-сообщение о 1) разных увлечениях и любимых занятиях людей на досуге, каком-либо редком хобби и о своём хобби; 2) своей семье и семейных традициях; 3) каком-либо знаменитом деятеле искусств – писателе, художнике, композиторе и т.д., 4) самых захватывающих или необычных фестивалях и праздниках разных стран; 5) традициях русской кухни и национальных кухонь других народов. Письменные задания для самостоятельной работы включают в себя написание писем личного характера, небольших сообщений, а для повышенного уровня – написание эссе по обозначенной теме.

Следует отметить, что изучение тем, предложенных в пособиях, а также самостоятельный поиск дополнительной информации по изучаемым темам, способствуют достижению эффективной коммуникации студентов в различных сферах общения, развитию общекультурных и общенаучных компетенций, таких как способность к самообразованию, самосовершенствованию, расширение кругозора, развитие мировоззрения, воспитание толерантности и уважения к культурным и духовным ценностям и наследиям разных стран и народов. При таком стечении обстоятельств мы имеем возможность наблюдать за процессом перехода от формального выполнения заданий студентами к их творческому решению, познавательной активности с целью формирования своего собственного мнения.

В процессе обучения особое внимание уделяется учебно-познавательной сфере общения. На обсуждение выносятся такие вопросы, как необходимость обучения на протяжении всей жизни, вопросы академической мобильности, сравнение российского, американского и британского образования, знакомство с историей Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова – старейшего вуза России, а также с историей и выдающимися преподавателями Воронежского государственного университета. Одним из домашних заданий студентов является посещение музея истории университета и подготовка сообщения об истории своего факультета.

В рамках профессиональной сферы общения в процессе обучения предусмотрены следующие темы: *Использование компьютеров в современном мире; Основные типы компьютерных систем; Аппаратное и программное обеспечение; Программирование; Перспективы развития информационных технологий; Сфера применения навыков программирования и администрирования информационных систем* [4,5].

Предлагаемая тематика пособий и профессионально-ориентированные тексты, взятые из аутентичных источников, дают возможность решать такие важные задачи обучения, как 1) введение и закрепление языкового материала профессиональной сферы деятельности; 2) отработка речевых навыков и умений на основе речемыслительной и учебно-познавательной деятельности студентов; 3) формирование творческих речевых умений посредством вовлечения обучаемых в мир профессиональной проблематики. Материал пособий подобран таким образом, чтобы в максимальной степени вовлечь всех студентов в процесс живого обсуждения проблем и вопросов, типичных для современного информационного мира.

Для самостоятельной работы студентам даются различные задания, среди которых: рассказать об использовании компьютеров в вашей школе; какую модель компьютера вам хотелось бы приобрести; какие устройства памяти вы используете для хранения информации; подумать о том, какую роль будет играть компьютеризация в образовательной сфере в будущем; составить вопросы для маркетингового исследования о том, что думают люди о влиянии информационных технологий на нашу жизнь в будущем, и как они к этому относятся, затем в небольших группах с другими студентами необходимо определить окончательный список вопросов для интервью, провести интервью представителей другой группы и представить свой мини-проект. Одним из важных аспектов самостоятельной работы является подготовка презентации для сдачи экзамена.

Как уже было отмечено, успешное выполнение СРС зависит не только от правильной организации, но и от системы контроля самостоятельной работы. При обучении английскому языку студентов факультета ПММ используются следующие виды контроля:

- текущий контроль усвоения знаний;
- промежуточный контроль по окончании изучения раздела или модуля курса;
- итоговый контроль по дисциплине в виде зачета или экзамена.

Текущий контроль уровня усвоения знаний осуществляется на основе выставляемых преподавателем оценок за ответы студентов на занятиях. В качестве промежуточного контроля используются тесты по сферам общения, включающие задания на проверку всех видов речевой деятельности: чтение, аудирование, письмо и говорение. Итоговый контроль представляет собой экзамен в форме презентации по одной из тем профессиональной сферы общения.

Конечно, следует отметить, что не все и не всегда студенты понимают и осознают какую роль играет самостоятельная работа как в учебном плане, так и в их собственном развитии. Поэтому для развития положительного отношения студентов к самостоятельной работе преподаватель должен всегда давать разъяснение цели задания, его содержания, сроках выполнения, ориентировочный объем работы, основные требования к результатам работы, критерии оценки. Во время разъяснений преподаватель также предупреждает о возможных типичных ошибках, встречающихся при выполнении задания.

В заключение еще раз отметим, что самостоятельная работа играет важную роль в учебном процессе и требует особого внимания как со стороны студента, так и со стороны преподавателя, который должен помнить, что он/она работает с конкретными личностями, чьи индивидуальные особенности, сильные и слабые стороны обязательно следует учитывать в процессе обучения.

Библиографический список

1. **Personal Matters:** Учебно-методическое пособие по английскому языку для студентов естественно-научных факультетов / Составители: Е.И. Клименко, С.Н. Черникова. – Воронеж: издательство «Истоки», 2013. – 62 с.
2. **World Matters:** Учебно-методическое пособие по английскому языку для студентов естественно-научных факультетов / Составители: Е.В. Воронина, Т.В. Дробышева, Л.А. Кривенко. – Воронеж: издательство «Истоки», 2013. – 126 с.
3. **Academic Matters:** Учебно-методическое пособие по английскому языку для студентов естественно-научных факультетов / Составители: И.Ю. Вострикова, М.А. Стрельникова. – Воронеж: издательство «Истоки», 2013. – 73 с.
4. **Computer Technology Advance:** Учебно-методическое пособие для вузов / Составители: Е.В. Воронина, Н.М. Шишкина. – Воронеж, 2006. – 36 с.
5. **Computing. New Age:** Учебно-методическое пособие по английскому языку для студентов факультета прикладной математики, информатики и механики / Составители: Е.В. Воронина, Н.М. Шишкина. – Воронеж: издательство «Истоки», 2013. – 55 с.

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного архитектурно-строительного
университета

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 2, 2013

Научный журнал

Подписано в печать 02.12. 2013. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая
Уч. изд. л. 22. Усл.-печ.л. 22. Тираж 500 экз. Заказ №_____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства учебной литературы и учебно-методических пособий
Воронежского ГАСУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84